НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ

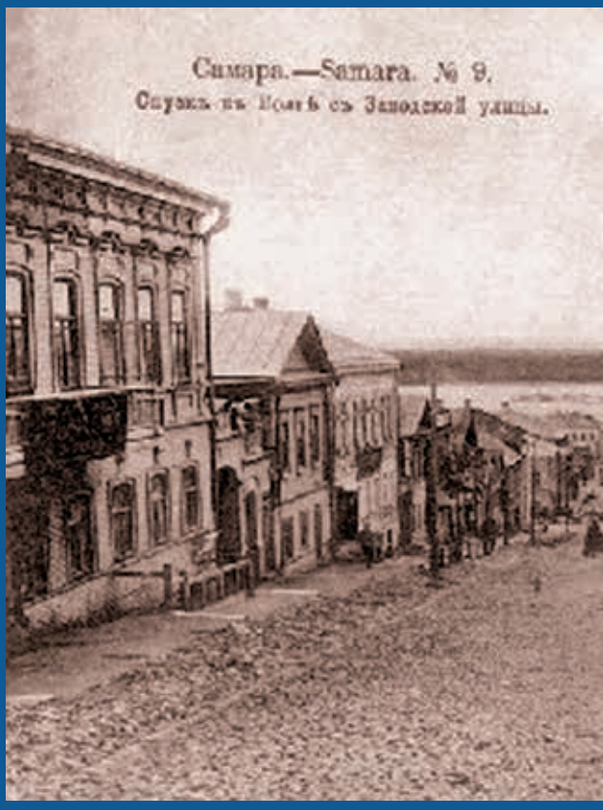
ЮРЬЕВ ДЕНЬ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ
И БЛАГОТВОРИТЕЛИ

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА И. В. СЕЛИВАНОВА

ПЛЁС В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯХ

Самара съ Волги. № 23.


Самара.—Samara. № 9.
Спускъ къ Волгѣ съ Заводской улицы.

В оформлении 1-й и 4-й сторон обложки использована картина Ниркиза Бунина «Незваные критики». 1884 г.

2-я сторона обложки: Виды Самары. XIX в.

Научно-публицистический журнал
Института российской истории
Российской академии наук
и Научно-исследовательского института
гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия
«Центр и периферия»
№ 1, 2012

Редколлегия:
В. А. Юрчёнков
(главный редактор)
Г. А. Куршева
(зам. главного редактора)
Т. И. Кильдюшкина
(отв. секретарь)

К. А. Аверьянов (Москва)
В. И. Белоус (Нижний Новгород)
Е. Н. Бикейкин (Саранск)
Е. В. Глазкова (Саранск)
В. С. Григорьев (Чебоксары)
Т. М. Гусева (Саранск)
С. А. Есиков (Тамбов)
И. Л. Жеребцов (Сыктывкар)
А. Е. Загребин (Ижевск)
И. В. Зубов (Саранск)
А. Г. Иванов (Йошкар-Ола)
П. С. Кабытов (Самара)
А. Н. Келина (Саранск)
В. В. Кондрашин (Пенза)
А. А. Кузнецов (Нижний Новгород)
В. А. Ломшин (Саранск)
С. Ю. Наумов (Саратов)
Л. И. Никонова (Саранск)
А. Н. Сахаров (Москва)
А. С. Сенявский (Москва)
Е. Г. Скворцова (Саранск)
И. Р. Тагиров (Казань)
А. Н. Чекушкин (Саранск)
А. В. Чернов (Саранск)
И. А. Чуканов (Ульяновск)
Н. Г. Юрчёнкова (Саранск)

Издатель: НИИ гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия.

Адрес редакции: НИИ гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия.
430005 Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Л. Толстого, 3

Журнал отпечатан с готового оригинал-макета
в ГУП РМ «Республиканская типография
„Красный Октябрь“». 430000 Республика Мордовия,
г. Саранск, ул. Советская, 55а
Тираж 500 экз. Заказ №

Мнение редакции не всегда совпадает
с мнением авторов статей

Перепечатка материалов, помещенных в журнале
«Центр и периферия», допускается только
по согласованию с редакцией

НАШЕ ПРОШЛОЕ

Ю. Н. Смирнов
«Юрьев день» губернского масштаба
Отмена проверки паспортов в Самаре в начале 1850-х гг. 4

П. К. Смородина
Обед на первое, а речи на второе…
Кулинарные привычки провинциальных дворян XIX в. на примере мордовского края 10

Л. В. Сульдина, О. А. Пивцайкина
«Я жил больше сердцем…»
Из судебной практики господина уездного судьи И. В. Селиванова 14

Н. Г. Тараканова
Независимое профессиональное следствие
Опыт становления в условиях дореволюционной России (на материалах Среднего Поволжья) 24

АРХИВ

В. Б. Махаев
Город Плёс в отечественных энциклопедиях 30

ИЗМЕНЯЯ ИМПЕРСКИЕ ЛАНДШАФТЫ

Д. В. Фролов
Саранские рейтары во второй половине XVII в.
Анализ вооружения на основе саранско-атемарской десятни 1679—80 г. 46

Е. Н. Бикейкин, С. В. Видяйкин, И. П. Госткин
Повседневность провинциального города:
Саранск XVIII столетия 58

В. Л. Житаев
Благотворители мордовского края 70

Л. М. Артамонова
«Заведение собственным иждивением училища…»
Роль священников в создании и поддержке школ Казанского учебного округа первых десятилетий его существования 76

Т. М. Гусева
Сельские историки по неволе…
Приходские священники — корреспонденты «Пензенских епархиальных ведомостей» 82

А. А. Филонов
Эх, ухнем!..
Якорщики-сплавщики на Козьмодемьяновской лесной ярмарке в начале XX в. 88

СОВЕТСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Б. Л. Гинзбург
«Практики» в металлургической промышленности
Кадровый вопрос на предприятиях металлургии Горьковской области в условиях реформы системы управления промышленностью (1957—1965 гг.) 92

Р. В. Юрченков
Долгий русский плен
Военнопленные стран фашистского блока в Темлаге-Дубравлаге 96

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ

А. Е. Мирошкина
Весь этот мир вошел в стихи
Литературный портрет Василия Егорова 102

Т. С. Баргова
Пусть всегда звучит Торама Тюшти
Жизнь и творчество Владимира Ромашкина 114

POST SCRIPTUM: рецензии, критика, хроника

А. Н. Келина
Словарь языка каратаев
Рец. на кн. : Андреев В. П. Словарь языка каратаев 120

Н. И. Учайкина
Мифология — выдающееся достояние человеческой культуры
Рец. на монографию : Юрченкова Н. Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации 122

Юрий Николаевич Смирнов,
доктор исторических наук, профессор
(г. Самара)

«ЮРЬЕВ ДЕНЬ» ГУБЕРНСКОГО МАСШТАБА

Отмена проверки паспортов в Самаре в начале 1850-х гг.

Как ни парадоксально это звучит, но российское самодержавие в лице верховных носителей, а также на уровне центральных и местных властей даже в эпоху расцвета крепостного права довольно часто готово было идти на его нарушения. В качестве подтверждения можно привести ряд эпизодов легализации беглых и самовольных переселенцев в лесостепном и степном Заволжье на более чем столетнем промежутке превращения здешнего Дикого поля в одну из «внутренних губерний Империи» — Самарскую. Напрашивается сквозное определение таких сюжетов, как «Юрьев день» регионального масштаба.

В их чреду в XVIII в. следует поставить комплектование Оренбургского казачьего войска из самовольных «сходцев», поселение «не помнящих родства» по Новой Московской дороге от Уфы до Оренбурга через Бугульму, призыв беглых к заселению течения и окрестностей Иргиза, о чем автору настоящей статьи довелось писать ранее[1]. Ниже представлены результаты изысканий на данную тему по более позднему времени, отраженному в делах Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива, Научного архива Русского Географического общества, Государственных архивов Ульяновской и Оренбургской областей, Центрального государственного архива Самарской области, а также в периодике тех лет.

В XIX в. возможностей для легального обоснования беглых в сельских местностях Заволжья практически не оставалось по мере того, как переселенческое движение бралось властями под контроль и возрастала активность местных помещиков, взявших после реформ Екатерины II в свои руки уездную администрацию и полицию. Они пресекали попытки отдельных чиновников или управителей в своекорыстных интересах потакать беглым, которые, если случалось их схватить в селах Заволжья, были теперь уже не из числа здесь осевших, а из тех, кто пробирался дальше на восток или юг по старинным «сиротским» дорогам и по Волге, а также из тех, кто разбойничал на этих путях[2].

Главным прикрытием для беглых стали традиционные волжские промыслы, судовые работы, сезонный сельскохозяйственный найм, растущие города. В газетах 1830 — 1840-х гг. постоянно публиковались объявления о задержанных в Самаре и других заволжских городах «бродягах» и «не помнящих родства» с описанием их примет. Как правило, это были мужчины рабочего возраста — от 20 до 40 лет[3]. Розыск и поимка беглых вплоть до середины XIX в. оставались одними из главнейших задач полицейских служителей в Самаре[4].

По официальным данным, постоянное население в Самаре за 1830-е гг. выросло в полтора раза, превысив 13 тыс. чел., а к 1851 г. достигло 15 тыс. жителей. Однако реальная его численность была на порядок выше. С весны до зимы в город и его округу стекалось на заработки около 100 тыс. человек, и даже зимой в Самаре оставалось с учетом пришлых не менее 25 тыс. обитателей[5]. В этой массе пришлого на время или фактически на постоянное проживание населения скрывались и беглые.

Более предусмотрительные из них старались обеспечить себя требуемыми по закону документами. Изготовление фальшивых паспортов превратилось в настоящее

ремесло. За приемлемую плату городские и даже деревенские грамотеи сами предлагали желающим на «материале заказчика» — заранее припасенном листе гербовой бумаги написать необходимый документ и «заверить» его самодельной (собственноручно вырезанной) печатью. Пришедшую в ветхость фальшивку можно было со временем заменить официальной копией, заверенной в местных присутственных местах настоящими подписями реальных чиновников[6].

Хлебные амбары на р. Самаре

Обладая упорством и найдя покровителей (по-родственному, а то и за плату), можно было не просто осесть в городе, а добиться житейского успеха. Показателен пример Федора Семеновича Плотникова, вдовьего сына из бугурусланских ясачных крестьян. Сбежав от рекрутчины из родных мест в Самару, он устроился у свойственника, самарского мещанина Антона Минаева, и сам записался в мещанство. Оренбургская казенная палата в 1816 г. признала эту запись незаконной и указала вернуть Плотникова на прежнее место жительства. Того же добивался бугурусланский валовой мирской сход, не хотевший терять рекрута и обращавшийся к самому высокому начальству. Делом Плотникова пришлось заниматься оренбургскому генерал-губернатору и симбирскому вице-губернатору. Они отдавали соответствующие распоряжения о возвращении беглеца, из которых ни одно так и не было исполнено[7].

Четверть века спустя, будучи уже одним из самых состоятельных здешних купцов-хлеботорговцев, Ф. С. Плотников трижды избирался городским головой уездной и губернской Самары — на 1841 — 1843, 1847 — 1849 и 1853 — 1855 гг. Об авторитете Плотникова в самарской городской общине говорит тот факт, что при избрании на эту должность во второй раз он получил «избирательных 175, неизбирательных 10 баллов»[8].

В показаниях многих беглых, задержанных в Самаре, постоянно упоминаются поборы со стороны чиновников суда и администрации. Как заявлял в 1846 г. на допросе беглый крепостной из Тамбовской губернии С. В. Мельников, «подобных ему бродяг в городе Самаре проживает довольное число и, как думает, более пятисот человек, единственно послаблением полиции, ибо чины оной о всех их знают и берут с них окуп». Деньги с беглых брались, «глядя по состоянию» каждого. Так, сам Мельников, занимавшийся торговлей и содержанием постоялого двора, откупался в разное время то 12 золотыми полуимпериалами, то 700 руб., то 12 возами сена[9].

Торговля арбузами в Самаре

Симбирская губернская администрация встала на сторону самарских чиновников, заявив, что показания как Мельникова, так и других беглых об их высокой численности в городе являются ложными, а о взятках — недоказанными. Такое заявление выглядело не очень убедительно, но было принято более высоким начальством. Как показали дальнейшие события,

и случаи потачки беглым в городе, и нежелание властей по-настоящему расследовать подобные дела имели более глубокие причины, нежели чиновная корысть и бережение чести мундира.

6 декабря 1850 г. император Николай I подписал указ об образовании Самарской губернии, который было решено обнародовать 20 декабря. Указанная в нем дата 1 января 1851 г. стала днем начала существования новой губернии. В ее жизни обозначенная выше деликатная проблема проявилась довольно скоро. Новый административный статус города и края, усиление органов власти и правопорядка входили в противоречие с исконной заволжской традицией приема и использования труда беглых.

Еще до подписания указа об образовании новой губернии одними из первых ведомств, которые были оповещены о предстоящем административном преобразовании, стали военное министерство и корпус жандармов. Дежурный генерал Главного штаба 8 июня 1850 г. сообщил шефу жандармов о том, что должна быть сформирована особая жандармская команда, как только «будет сделано окончательное распоряжение об учреждении Самарской губернии и об открытии в Самаре присутственных мест». В рапорте от 11 сентября вопрос об открытии губернии и формировании для нее жандармской команды объявлялся окончательно решенным, что получило одобрение военного министра, распорядившегося 28 октября об усилении в Самаре не только жандармерии, но и гарнизонных войск. 27 декабря за три дня до официального открытия губернии в Самару прибыла жандармская команда штабс-капитана Малакеенко[10]. Увеличилась также численность полицейских чинов.

Император Николай I

Все эти приготовления вызвали опасения у торгового люда и должностных лиц, ответственных за пополнение казны и хозяйственную жизнь края. Эти опасения озвучил лично министр внутренних дел Л. А. Перовский на третий месяц существования Самарской губернии, когда стала приближаться очередная волжская навигация. 29 марта 1851 г. он писал своему брату, оренбургскому и самарскому генерал-губернатору В. А. Перовскому: «В г. Самару ежегодно стекается для закупки хлеба, соли и других продуктов от 160 до 200 иногородных капиталистов, а черного народа для продажи тех продуктов и для работ по заготовлению запасов, хранению и отправлению с открытием навигации судов около 500 тыс. чел. и с ними до 600 тыс. лошадей». Министр прямо и без обиняков констатирует тот факт, что у пришлых людей паспортов не будет, поскольку те привыкли, что в Самаре документов во время навигации не спрашивают. Теперь же власти повысившего свой статус города обязаны будут требовать документы, задерживать беспаспортных, что приведет к вымогательствам и к подрыву местной торговли. При этом не получится и усилить борьбу с беглыми и беспаспортными, поскольку те и в качестве продавцов, и в качестве работников потянутся на другие заволжские пристани, где контроль будет менее же-

Министр внутренних дел Л. А. Перовский

Оренбургский и самарский генерал-губернатор В. А. Перовский

стким: Царевокурганскую, Екатериновскую, Духовницкую и др. В связи с вышесказанным Л. А. Перовский предложил, чтобы и впредь полиция не требовала на самарских торгах и пристанях ни от кого паспортов и «чтобы никто из них, кроме лиц, изобличенных в преступлениях, не был задерживаем полициею и не терпел со стороны полицейских чиновников каких-либо притеснений»[11].

Первый самарский гражданский губернатор С. Г. Волховской, человек здесь новый, представил 3 июня того же года возражения на мнение министра. Следуя букве закона, а не реалиям жизни, он утверждал, что крестьяне сами понимают необходимость паспортов и всегда их при отъезде имеют, что с временных работников полиция просто обязана будет требовать необходимые документы, а начальству вполне по силам пресечь ее возможные злоупотребления. Упрямо встав на такую позицию, губернатор высказывал мысли, которые показались бы самарским обывателям, будь они теми услышаны, воплощением самых худших опасений. С. Г. Вол-

Карта Самарской губернии 1871 г.

ховской прямо заявил, что, поскольку губерния открыта недавно, то «крутых и решительных мер по введению строгого торгового порядка не употребляется» пока только «по снисхождению к давним народным привычкам». Однако, он полагает, уже пришло «время вразумить неопытных и показать в каких видах сделано преобразование Самары...». Разговоры о подрыве здешней торговли губернатор считал со стороны торговцев скрытой угрозой, но угрозой пустой, поскольку свято верил, что места торга и направление движения товара определяются распоряжениями правительства[12].

Самарский гражданский губернатор С. Г. Волховской

Своими «благими намерениями» губернатор мостил подопечной Самаре и ее краю дорогу, если не в ад, то уж, наверняка, в сторону воплощения наяву г. Глупова. Это было настолько ясно, что против Волховского выступила его собственная губернская канцелярия, подавшая 24 ноября доклад на имя генерал-губернатора. В докладе прямо утверждалось, что «при многочисленном стечении народа в г. Самаре во время навигации, строгое требование паспортов и видов от крестьян... как это предписывается законом» окажет отрицательное воздействие на торговлю. Приезжающие для торга и на заработки в Самару «не имеют обыкновения» брать паспорта, а со стороны некоторых представителей власти случаются, мягко говоря, «произвольные стеснения, отвращение которых, если не невозможно, то, по крайней мере, весьма затруднительно».

В противовес идеям административного попечительства над торговлей, высказанным Волховским, его подчиненные здраво считали, что «устранение всякого влияния Полиции на дела торговые будет иметь самые благотворные последствия». Канцелярия посчитала необходимым указать, «что торговые пункты образуются не по одной воле Правительства, как утверждает г. Гражданский Губернатор, но и по местным обстоятельствам, более или менее благоприятствующим выгодам и развитию торговли, что Правительство в таковых случаях следует лишь за сими выгодными для жителей края условиями», а потому опасения за перспективы самарской торговли вовсе не являются безосновательными. Губернская канцелярия обращалась к В. А. Перовскому, чтобы тот умерил служебное рвение С. Г. Волховского и заставил последнего оказывать прибывающим в Самару «всевозможное — во время навигации — снисхождение, и чтобы дело по степени требования законных видов и паспортов оставлено было в том же положении, как оно было до образования Самары в губернский город, внушив исполнение сего, надлежащим образом, чрез секретное предписание г. Самарскому Гражданскому Губернатору»[13].

Следуя этому совету опытных местных чиновников, сначала министр внутренних дел в отношении оренбург-

скому и самарскому генерал-губернатору от 4 февраля 1852 г., а затем В. А. Перовский в секретном распоряжении С. Г. Волховскому от 24 февраля дали указания, фактически упразднявшие паспортный контроль в Самаре. Теперь гражданский губернатор волей или неволей, но обязан был выполнять не требования писаного закона, а негласные приказы вышестоящего начальства. 31 марта он рапортовал В. А. Перовскому, что им отдан устный приказ полицмейстеру о нетребовании паспортов с приезжающих для торговли, если те не вызывают прямых подозрений, и об обращении в сомнительных случаях за разъяснениями лично к губернатору[14].

В свое время П. В. Алабин, не знавший лично первых лиц края начальных лет существования новой губернии, изобразил генерал-губернатора В. А. Перовского человеком, не любившим Самару, а гражданского губернатора С. Г. Волховского — оставившим добрую память «у самарских старожилов». По сведениям тех же «старожилов», неприязнь Перовского к Волховскому, якобы, затрудняла последнему управление губернией и лишила заслуженных этой деятельностью наград[15]. История с паспортами заставляет по-иному взглянуть на роль этих администраторов в истории города.

Можно предположить, что «старожилы» — информаторы Алабина по данному вопросу или были из кругов, далеких от хозяйственных и торговых нужд основного населения города, или недостаточно осведомленными о деятельности органов власти. Недоверие к служебным качествам Волховского проявляли, как мы видим, и более высокое начальство в лице министра внутренних дел, и собственные подчиненные губернатора. «Помехи», устроенные административному рвению Волховского в вопросе о беглых, несомненно, были благом для города и губернии. Заложенная при основании губернии традиция пренебрежения паспортным контролем оказалась в Самаре живучей и после Великих реформ. Даже в начале XX в. здесь, в отличие от других крупных городов и губернских центров, не имелось паспортного стола, что облегчало проживание в городе «неблагонадежных» лиц[16].

Конфиденциальные признания и секретные распоряжения министра внутренних дел, администраторов разного уровня дают окончательные положительные ответы на вопросы, направлялся ли в города и торговые села Заволжья приток беглых, имел ли он большие масштабы, поощрялся ли негласно властями, приводил ли к злоупотреблениям чиновников и, наконец, знало ли обо всем этом правительство. Конечно, далеко не каждый беспаспортный был по-настоящему беглым, но среди полумиллиона человек, приходивших ежегодно в Самару или следовавших через нее без документов, таковых было явно немало.

Как это уже было сто лет назад при начале освоения Самарского Заволжья, во имя казенного интереса и ради нужд хозяйственного развития края, имперские чиновники самого разного ранга смотрели сквозь пальцы на нарушения крепостнического режима. За прошедшие годы и десятилетия, правда, изменились места привлечения беглецов. Теперь это были не казачьи гарнизоны новых крепостей, не села государственных крестьян и не имения первых здешних помещиков, а хлебные пристани заволжской житницы России.

Отказ в 1850-е гг. от активного сыска беглых в крупном торговом городе и транспортном узле, несомненно, был вызван не только хозяйственным интересом. Он также отражал нарастание тех тенденций в социальных и культурных настроениях общества, которые вели к уже скорой отмене крепостного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

[1] См.: **Смирнов Ю. Н.** Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоедине-ние Заволжья к России в 30 — 40-е гг. XVIII века. Самара, 1997; **Его же.** Крестьянское заселение низовьев Большого Иргиза в XVIII в.: социальные, политические и религиозные факторы // Сельская Россия: прошлое и настоящее : материалы XI всерос. науч.-практ. конф. М., 2008.

[2] Государственный архив Ульяновской области. Ф. 732. Оп. 2. Д. 456. Л. 10 — 10 об. (далее — ГАУО).

[3] См.: Симбирские губернские ведомости. 1839. № 6. 10 февр.; № 9. 3 марта и др.

[4] Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1. Л. 9 — 9 об. (далее — ЦГА СО).

[5] Российский государственный исторический архив. Ф. 1152. Оп. 3. 1841 г. Д. 87; Ф. 1287. Оп. 5. Д. 1018; Научный архив Русского Географического общества. Раз. 34. Д. 6. Л. 87.

[6] ГАУО. Ф. 113. Оп. 3. Д. 109. Л. 11 об.; Ф. 6. Оп. 6. Д. 12357.

[7] Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 3. Д. 5733. Л. 1 — 7 (далее — ГАОО).

[8] См. об этом: Самарские губернские ведомости. 1857. № 41. 12 окт.; ГАУО. Ф. 88. Оп. 5. Д. 1016. Л. 1 — 1 об.; ЦГА СО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 27. Л. 16 об. — 17.

[9] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12357.

[10] Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1418. Л. 1 — 1 об., 3, 16 — 16 об.; Ф. 1174. Оп. 1. Д. 142. Л. 98.

[11] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12852. Л. 1 — 3.

[12] Там же. Л. 7 — 7 об., 9 об. — 10.

[13] Там же. Л. 16 об. — 17, 20.

[14] Там же. Л. 35, 36.

[15] См.: **Алабин П. В.** Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Самара, 1877. С. 38.

[16] См.: Самарская область (география и история, экономика и культура). Самара, 1998. С. 109 — 110.

Полина Константиновна Смородина,
аспирант НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

ОБЕД НА ПЕРВОЕ, А РЕЧИ НА ВТОРОЕ...

Кулинарные привычки провинциальных дворян XIX в. на примере мордовского края

Приди от дел попрохладиться,
Поесть, попить, повеселиться,
Без вредных здравию приправ.
Г. Державин

И. С. Шмелев в автобиографическом романе «Лето Господне» описал свое столичное детство. Оно, с его слов, кажется уютным и солнечным. Особенно ему удались рассказы о праздниках. На праздники всегда было разнообразное и аппетитное меню. Так, на отцовские «именины парадные уж всегда к обеду гусь с яблоками, с красной шинкованной капустой и соленьем... На „вечерний стол“... подавали восемь перемен: бульон на живом ерше, со стерляжьими расстегаями, стерлядь паровую, крокеточки рыбные с икрой зернистой, уху налимью, три кулебяки „на четыре угла“... и ароматный ма-се-ду-ван какой-то в вишнях и золотистых персиках»[1]. Причем «жарили гусей и на людской стол»[2]. От одного только перечисления названий блюд просыпается аппетит, хотя половина из них современному читателю непонятна.

В данном случае описано столичное застолье. Но, как выясняется, дворяне, жившие в провинции, в частности в мордовском крае, тоже не отказывали себе в удовольствии вкусно покушать. Сохранились красочные воспоминания Ф. Ф. Вигеля, личности неоднозначной, но с явным литературным талантом. Он родился в ноябре 1786 г. в симбирской деревне своего отца — киевского коменданта, затем пензенского губернатора. Детство провел в Киеве, а потом был перевезен в Москву, однако в провинции бывал не единожды. Например, он говорит «о неприхотливости тогдашнего образа жизни пензенских дворян»: «...человек хотя несколько достаточный не садился за стол без двадцати четырех блюд, похлебок, студеней, взваров, пирожных»[3], а для провинциального обеда в Воронеже автор применяет красноречивый термин «убийственно-сытный»[4].

Взгляд со стороны дают пленные, попавшие в мордовский край после Отечественной войны 1812 г. Пленный немецкий офицер Х. Л. Йелин особое внимание уделяет ценам на продукты: «Продовольствие было очень дешево, и мы вполне обходились 10 пятаками (15 крейцерами), которые выплачивались нам каждый день... Фунт топленого коровьего сала стоил 25 — 30 копеек, фунт говядины — 3 — 4 копейки, каравай хорошего хлеба в 15 — 18 фунтов — 25 — 30 копеек, яйцо — 1 копейка, пара зайцев без шкурок — 15 копеек. Целого теленка можно было купить за 20 — 30 пятаков»[5].

Может показаться странным, но пленный офицер из кулинарных предпочтений выделил арбуз и квас. «Чтобы утолить жажду в жаркий летний день, мы употребляли плоды, которые русские называли арбузом (Arbusen)... Нарезанный ломтиками он чрезвычайно хорош и имеет сладкий вкус. Арбузы были дешевы. Один стоил 3 пятака, если брать целую телегу, то цены были еще доступнее»[6]. Интересно, что Х. Л. Йелин настолько вдохновился этим лакомством, что взял семечки арбуза с собой на родину, но там они не прижились даже под присмотром опытного садовника.

Пленный офицер дает и рецепт кваса: «Берется столь много воды, сколько необходимо для изготовления напитка, и кипятится с небольшим добавлением травы мяты.

Для того чтобы вода охладилась, после кипячения она наливается в деревянную емкость. В нее, полагаясь на меру, добавляется горсть ячменной муки и доливается вода. Все это должно отстояться в закрытом состоянии в течение нескольких часов, а затем процедиться. Таким образом, получается приятный кисловатый напиток»[7].

Вюртембергский офицер Ф. Ю. Зоден, пребывавший в Пензенской губернии с июня 1813 г. по январь 1814 г., отмечал, что «офицеры совершенно не ощущали недостатка в средствах. Продовольствие было дешево, и поэтому ежедневно мы могли позволить себе горячую пищу»[8]. Он также подтвердил: квас — любимый напиток русских[9].

По мнению Ф. Ю. Зодена, русские жили довольно просто. Их питание состояло из капусты, пшена и творога. Мясо на обеденном столе горожан появлялось редко. Кроме водки пили особенно много чая, который бедные сословия подслащивали сиропом или медом[10].

Самые яркие воспоминания об угощеньях остались у дворян. Детские гастрономические впечатления П. И. Юматова отражены в «Воспоминаниях ветерана 1813 — 1814 годов»: «обилие тогдашней стряпни на кухне было поразительно. Я не говорю уже о ежедневном семейном обеде: он всегда был материален и сытен; но вот краткий отчет об обеде для гостей: он состоял из двух горячих — щей и супа, консоме тогда не знали, — были супы из кур с рисом, с клецками, с макаронами, вермишелью, потрохами; к ним два пирога. Затем два иногда холодных, большею частью винегретов... За винегретами следовали соусы, двух, четырех, иногда и более сортов. На жареное подавалось по два и по три сорта птиц и баранина, телятина же тогда мало употреблялась: ее считали как бы запрещенной уставом церкви, кроме праздника пасхи; блюда жареного ставили попарно в строгой симметрии. Пирожные готовились более мучные, с миндалем, разных фигур и видов; на блюдах являлись целые дома, корзины, деревья, обложенные мелкими штучками печенья»[11].

Интересно и описание поездки на ярмарку за полтораста верст. Значительную часть дороги занимали привалы, во время которых готовился обед из большого числа блюд (на случай, если какое-то будет неудачным), мужики отправлялись на охоту, ловили бреднем рыбу, а дети резвились на природе[12].

Дворяне не всегда гурманствовали. Не стоит забывать о постах, особенно самом строгом — 40-дневном Великом посте. Постам предшествовали заговини. «Заговини — как праздник: душу перед постом порадовать. Так говорят,

Клод Мане. Завтрак на траве. 1865 г.

которые не разумеют по-духовному. А мы с Горкиным разумеем. Не душу порадовать, — душа радуется посту! — а мамону, по слабости, потешить»[13]. В пост вместо скоромной пищи употребляли каши, пудинги, блины, гренки, вареники, соления и варенья. Ели и фрукты. Например, в описании знаменитого имения Струйских, упоминаются зимний сад, оранжерея и теплицы, где таковые можно было выращивать[14]. В воспоминаниях П. И. Юматова также говорится об оранжерее: «на красневшиеся из-за стекол в оранжерее персики мне приходилось только любоваться, ибо дверь была под замком и ключ хранился у батюшки»[15].

После окончания поста люди разговлялись — собирали богатый стол. На Пасху готовили в разных вариациях и в зависимости от достатка куличи, бабы, мазурки, пляцки, торты, а также фаршированную индейку или фаршированного поросенка, жаркое из зайца, холодное жаркое из телятины и т. д.[16]

Трудно провести грань между кулинарными пристрастиями столичных и провинциальных дворян. На зиму дворяне, проводившие лето в деревне, с семейством отправлялись в Москву, и их экипажам «предшествовали обыкновенно на крестьянских лошадях длинные обозы с замороженными поросятами, гусями и курами, с крупою, мукою и маслом, со всеми жизненными припасами»[17]. Видимо, степень изысканности блюд и их количество зависели не столько от географии, сколько от толщины кошелька хозяина.

Званый обед представлял собой особый церемониал, причем блюда подавались в особом порядке. Все это Ф. Ф. Вигель отметил в домах пензенских помещиков и запечатлел в своих «Записках». Например, каждый мужчина был обязан, войдя в гостиную, обойти сидящих дам, подходя к ручке каждой из них. За столом сначала подавали несколько холодных, потом несколько горячих блюд, «несколько жареных и несколько хлебенных являлись по

А. Я. Волосков. За чайным столом. 1851 г.

очереди, а между ними неизбежные два белых и два красных соуса делили обед надвое»[18].

По описанным выше кушаньям может сложиться впечатление, что у дворян каждый день был праздничным. Но это не совсем верно. Не стоит исключать скудность кошелька, аскетичность натуры, постные будничные трапезы. К слову, великий поэт А. С. Пушкин, бывая в Болдине и в Михайловском, питался весьма скромно. Из его любимых блюд называли печеный картофель, моченые яблоки, блины[19]. Бывали неурожаи, когда невольно ограничивались некоторые продукты. Например, сохранилось заявление инсарскому предводителю дворянства Н. А. Салову от вдовы лейб-гвардии прапорщика А. П. Струйской с. Рузаевки, в котором указывалось, что в 1833 г. «ржаного и ярового хлеба как господского, так и крестьянского не имеется, так что и семенов собрать не могли»[20].

Хлеб — всему голова. Кроме традиционного ржаного, в неурожайные годы в пищу употреблялся хлеб с примесями. Сохранилось наставление от 9 декабря 1833 г., присланное пензенскому губернатору, с рецептом, как делать хлеб с примесью винной барды и соломенной муки, который мог заменить обыкновенный ржаной хлеб, а также, как делать хлеб с прибавлением ржаной соломы. «Сии оба хлеба из барды и из соломы делались и делаются с успехом в некоторых уездах Тульской, Ярославской, Тверской, Пензенской, Новгородской, Санкт-Петербургской губерний. В имениях госпожи Крюковой, г-жи Слоницкой, г. Свечина, князя Меншикова и у Генерал-майора Салова… и те, которые ныне питаются сим хлебом и благодарят Бога за дарованное им пособие против неурожая»[21].

Кроме хлеба на столах помещиков нередко появлялись более изысканные блюда, не свойственные традиционной кухне. Известный ученый В. В. Похлебкин указывал, что драматурги допушкинского периода давали богатое, разнообразное меню современного им помещичьего стола, в котором мирно соседствовали блюда русской и французской кухни[22]. При чтении таких пушкинских вершин, как «Евгений Онегин», «Борис Годунов» и др., внимательный глаз замедляется при перечислении разнообразных вин, напитков, закусок, горячих блюд, упоминаемых автором. Здесь представлены русская, французская, английская, бельгийская, немецкая, итальянская и турецкая кухни[23]. Мы видим, что и кулинария подверглась западному влиянию, которое началось после знаменитого «прорубания окна в Европу». В конце XIX в. кулинарная мода на «западный манер» снизилась, но не угасла.

Когда держишь в руках переизданную «слово в слово» книгу Елены Молоховец 1901 г., одной из первых знаменитых кулинарных авторов, поражаешься ее фундаментальности и продуманности. Более чем на 1 000 страницах Елена Молоховец сделала «подарок молодым хозяйкам» и описала не только кулинарные рецепты, где есть и «вегетарьянский стол» и постные блюда, и скоромные обеды на разные цены, но и образцы сервировки стола и блюд, сведения о кухонной посуде, дала практические советы. Главный лозунг книги — «кухня — это в своем роде искусство…». И действительно, читаешь воспоминания современников А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова и видишь, как люди подходили к тому, что едят. Хорошо это или плохо, трудно судить в век «полуфабрикатов» и отсутствия крепостного права. Не складывается впечатление, что все дворяне были чревоугодниками. Постов, как известно, четыре, и все соблюдались. Разные жизненные обстоятельства, войны, погодные условия не всегда давали возможность угождать желудку. И все же люди любили жизнь, умели ей радоваться и хотели вкусно покушать, разбавляя яства неспешной беседой. И в этом сходились как столичные, так и провинциальные дворяне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

[1] **Шмелев И. С.** Лето господне // Шмелев И. С. Избранное. М., 1989. С. 461, 479.
[2] Там же. С. 461.
[3] **Вигель Ф. Ф.** Записки : в 2 т. / ред. и вступит. ст. С. Я. Штрайха. М., 1928. Т. 1. С. 47.
[4] Там же. С. 136.
[5] **Йелин Х. Л.** Достопамятные дни моей жизни. Поход и плен в России. Из дневника немецкого офицера / подготовка публикации, предисл., пер. и коммент. д-ра ист. наук, проф. С. В. Белоусова. Пенза, 2009. С. 18.
[6] Там же. С. 18.
[7] Там же. С. 19.
[8] **Зоден Ф. Ю.** Воспоминания вюртембергского офицера о его пребывании в плену в Пензенской губернии / подготовка публикации, предисл. и пер. С. В. Белоусова. Пенза, 2006. С. 13.
[9] Там же. С. 15.
[10] Там же. С. 16.
[11] **Юматов П. И.** Воспоминания ветерана 1813 — 1814 годов // Земство. Архив провинциальной истории России. Пенза, 1996. № 1 (10). С. 85.
[12] Там же. С. 87.
[13] **Шмелев И. Д.** Указ. соч. С. 499.
[14] **Васильев Н. В.** Жизнь и деяния Николая Струйского, российского дворянина, поэта и верноподданного. Саранск, 2003. С. 58.
[15] **Юматов П. И.** Указ. соч. С. 84.
[16] **Малаховец Е.** Подарок молодым хозяйкам. [Репринт. воспроизведение 4-го изд.]. М., 1991. С. 51.
[17] **Вигель Ф. Ф.** Указ. соч. С. 144.
[18] Там же. С. 145.
[19] «К привычкам бытия вновь чувствую любовь…». Гастрономические пристрастия Пушкина / сост.: С. Б. Бахмустов, Ю. А. Жулин. Саранск, 2002. С. 11.
[20] Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. 87. Оп. 1. Д. 2. Л. 32.
[21] Там же. Л. 59.
[22] См.: **Похлебкин В. В.** Собр. избр. произв. Из истории русской кулинарной культуры. М., 1996. С. 433.
[23] «К привычкам бытия вновь чувствую любовь…». С. 50.

Людмила Викторовна Сульдина, *кандидат исторических наук,*
Ольга Александровна Пивцайкина, *младший научный сотрудник*
НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия
(г. Саранск)

«Я ЖИЛ БОЛЬШЕ СЕРДЦЕМ...»

Из судебной практики господина уездного судьи И. В. Селиванова

Не бойся суда, бойся судьи.
Русская народная пословица

«Я мзду не беру. Мне за державу обидно»
Из к/ф «Белое солнце пустыни»

Имя писателя-сатирика Ильи Васильевича Селиванова сегодня почти забыто, в то время как в середине XIX в. его творчество пользовалось успехом у читающей публики. Тем не менее литературное наследие писателя вызывает интерес, особенно у любителей истории мордовского края. Наиболее известные произведения автора «Провинциальные воспоминания»[1] и этнографический очерк «Мордва»[2] дают широкую историко-художественную картину общественного быта региона середины XIX столетия.

Помимо творческого аспекта представляет интерес профессиональная деятельность И. В. Селиванова на посту саранского уездного судьи, о которой в краеведческой литературе нет никакой информации, несмотря на наличие богатого фактического материала. Важность изучения этой стороны жизни писателя связана с возможностью документального сравнения субъективных наблюдений И. В. Селиванова.

Иван Васильевич Селиванов родился 16 июля 1810 г. в с. Любава Зарайского уезда Рязанской губернии (ныне территория Луховицкого района Московской области) в небогатой, но родовитой семье[3]. В 1821 г. он был отдан на обучение в частный пансион Кистера в г. Москве, где обучался в течение 3 лет[4]. Затем в 1825 г. в возрасте 15 лет поступил на юридический факультет Московского университета, который в правительственных кругах николаевской России считался рассадником крамольных вольнолюбивых идей.

После окончания четырехлетнего университетского курса Илья Васильевич полтора года служил помощником повытчика в шестом департаменте Сената, находившемся тогда в Москве. Затем уехал в Санкт-Петербург, где работал в инспекторском департаменте Главного морского штаба «чиновником для письма»[5]. С 1832 по 1839 г. он снова в Москве на должности столоначальника Московского горного правления[6]. Здесь он женился на дочери своего начальника, бергинспектора Макеровского Вере Фавстовне[7].

В приданое за женой Селиванов получил с. Малое Маресево Саранского уезда Пензенской губернии (ныне Чамзинского района Республики Мордовия) с 219[8] «душами» крепостных, куда супруги и переселились вскоре после свадьбы.

В конце 1839 г. титулярный советник Илья Васильевич Селиванов местным уездным дворянством был избран на должность уездного судьи. Указ Пензенского губернского правления № 43409 об определении членов уездного суда был подписан 23 декабря 1839 г. (4 января 1840 г. по новому стилю), здесь же в Пензе

Герб рода Селивановых

новый уездный судья был приведен к присяге. К своим непосредственным обязанностям, судя по записям «Журнала заседаний Саранского уездного суда», он приступил 1 января (13 января по новому стилю) 1840 г.[9] На данном посту И. В. Селиванов прослужил до апреля 1842 г.

Селиванов отличался взглядами на служебную этику и не без основания прослыл либералом и вольнодумцем. Естественно, в губернии саранского судью воспринимали как чудака и даже поглядывали на него с некоторой опаской. Во многом автобиографических «Провинциальных воспоминаниях» Илья Васильевич характеризует себя следующим образом: «...в уездный суд выбрали человека нового, приезжего из Москвы. Не знакомый с преданиями уезда, или лучше не дорожащий ими, он, как всякая новая метла, принялся мести чисто»[10]; «...один судья, нарушавший общую гармонию. — „Надобно его сверзить“, — говорили уездные власти, может быть вопреки грамматике, и имели на то тысячу причин, одна важнее другой. Первая и самая главная была та, что он не играл в карты; вторая — ходил рано в суд, и третья — не якшался с ними никогда и ни в чем. Этого было достаточно для того, чтобы его ненавидели все уездные власти»[11].

Во второй части «Провинциальных воспоминаний» Селиванов приводит оценку собственной персоне уже со стороны губернского окружения. Здесь он выводит себя под именами Исая Васильевича и Всеволода Петровича[12]: «Судья? Ну, где ему? Да и не такого сорту человек совсем. Как есть мельница, ничего кроме; все закон да закон на языке, да фармазонство разное. Вы, может быть, думаете, что я с ним што ли? — ни, ни!.. Не моего, сударь, он поля кочерга, — вот что!»[13]; «Вы знаете судью: как ему втемяшится что-нибудь в голову, так, кажется, сам чорт не выбьет»[14]; «Известно, вольнодумец! Начитался книг, так и думает, что чорт ему не брат. Вместо того чтобы послушаться умных речей старика да спросить его превосходительство, он вздумал в свой нос дуть»[15].

Автор, описывая в художественной форме членский состав суда, указывал на следующее: «Большею частью все эти чиновники, учились на медные деньги, а чаще умеют только читать, да писать, и смотреть на службу как на кормилицу, от которой через несколько лет является у них домик, лошадка и всякие другие приятности этого мира»[16]; «Только слава одна, что чиновники. Разве присутственное место пришлет хорошего? ...Вот хоть прошлый раз из уездного суда прислали... Писать-то даже не умеет, — какую уж ведомость составлять, — он и слова-то такого, что значит ведомость, отродясь не слыхивал. Все время, что считался в комиссии, только печки с сторожем топил, да на почту за пакетами бегал»[17].

Действительно, дореформенный суд являлся составной частью громоздкой бюрократической машины российского самодержавия. В составе судов дореформенной России высшее или среднее образование имели только 55,5 % служителей Фемиды, из них юридическое — лишь около 20 %. По этой причине чиновники по судебной части нередко оказывались не сведущими в законах, что приводило к запущенности делопроизводства и упущениям при разрешении дел[18]. Таким образом, Илья Васильевич был одним из немногих, кто был подкован в правовых вопросах. «Чтоб в добрый час молвить, а в худой помолчать, начинают у нас время от времени показываться между судьями и заседателями люди, вникающие в дело, — отмечал он, — и ежели не обладающие точным и ясным познанием законов, то старающиеся усвоить себе дух и смысл их»[19].

Работа новоизбранному судье предстояла колоссальная. В компетенцию уездного суда входило разрешение мелких гражданских и уголовных дел. Среди уголовных материалов, рассматриваемых судом первой инстанции, встречались дела об избиениях и покушениях на жизнь, убийствах, членовредительстве во избежание рекрутства, кражах, поджогах с целью грабежа, а также о незаконных порубках леса, так называемые бытовых преступлениях и др. Среди гражданских дел наиболее часто рассматривались земельные, межевые споры, переход из рук в руки имений. Кроме того, уездный суд регистрировал дарственные акты, купчие на продажу земель, вотчин, духовные завещания, отпускные на крестьян и дворовых людей, разделительные акты, купчие крепости, заемные письма, закладные на землю и имущество, вел записи разных сделок и пошлин[20]. Отмечая загруженность уездного суда, обширность делопроизводства и запутан-

ность самого процесса судопроизводства, Селиванов писал: «Помилуйте, Спиридон Антонович, сами посудить извольте: за 10 лет, сколько было дел тяжебных, исковых, просительских, уголовных, арестантских; сколько поступило по этим делам денег, какого рода, сколько в казну, сколько на частное удовлетворение, — да ведь это каторга. У нас в одном уездном суде решается до 800 дел, да в магистрате ста четыре — это 12 сот, в 10 лет 12 тысяч; сами рассудите, ведь я один. Мне с этим в два года не справиться»[21].

Из тех же «Провинциальных воспоминаний» можно вывести и картину судопроизводства в крае первой половины XIX в. Разбирательство дел длилось от нескольких дней до нескольких лет, а иногда и десятилетий: «Что ж, когда вы нам доставите ответ? Ведь скоро три года будет!»[22].

Характерной чертой суда первой половины XIX в. являлось то, что не были определены четкие границы возбуждения дела, не ограничивались и сроки проведения следствия. Инстанционный порядок судопроизводства, просуществовавший вплоть до реформы 1864 г., существенно замедлял решение дел и приводил к судебной волоките. Видимо, поэтому одно и то же дело регистрировалось в журналах несколько раз[23], отчего увеличивалось количество дел.

Сами дела иногда даже не читали и подписывали не глядя: «Ведь и журналы тоже нужно подписывать. А ты бы велел себе статейки заложить, чтоб не искать; вырвалось свободное время, пришел бы, да и подмахнул»[24];

«Вы знаете, что подписываете.

— Никак нет-с! Не знаю-с... я журналов не читаю-с: глаза болят-с.

— Ну, так заставьте кого-нибудь читать себе...

— Не могу-с, обманут!

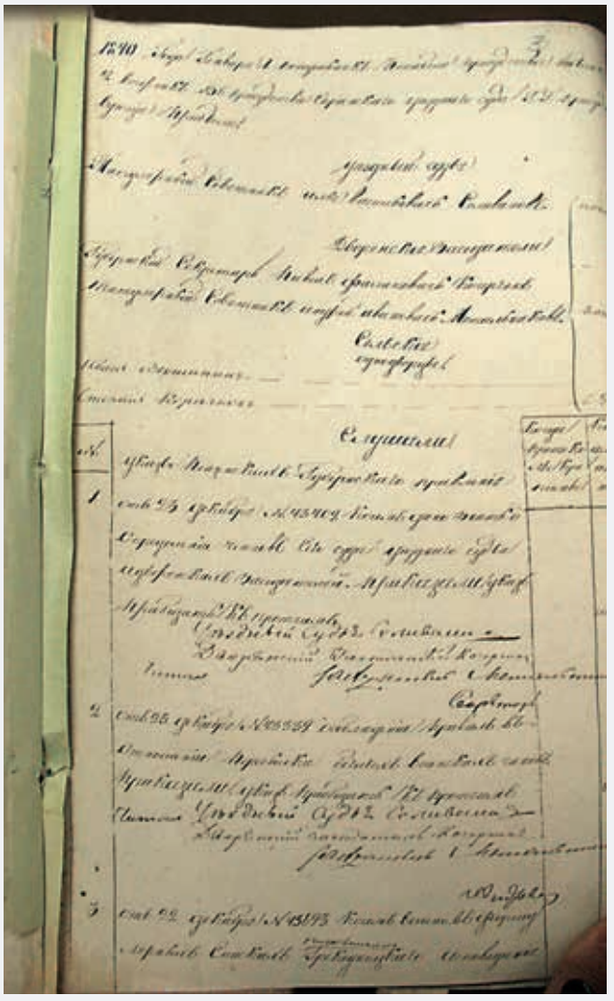
— Ну, да как же, батюшка, с этим сделать? Сами читать не можете, заставить не хотите, так подписывайте так»[25];

«Журналы все подписываются ими своевременно! Я строго наблюдаю за этим. Исходящие подписывает сельский заседатель.

— Да ведь, кажется, сельские заседатели у нас оба неграмотные.

— Точно так-с, неграмотные; но Клюев* отдал свою печать регистратору и этот клеймит все, что нужно. Остановки у нас нет, будьте спокойны»[26].

В самих делах и в определении их категории царила неразбериха: «Да как сделал — написал наобум, да и



О назначении на должность уездного судьи И. В. Селиванова. Источник: ЦГА РМ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 324. Л. 3

все тут. Сообразился примерно, сколько было в один год, да против этого и выставил за все годы, — только в одном прибавил, а в другом убавил, чтоб не все одно было. Ведь поверять не станут. А и вздумают поверять, так в делах-то чорт ногу переломит... Да и сверх этого, Спиридон Антонович, — воля ваша, — я не понимаю, что это за просительные дела такие?.. Известно, все дела просительские... разве дело начинается без просьбы? А потом еще различие тяжебных от апелляционных... разве апелляционное дело не тяжебное же?.. Да это бы уж куды ни шло — ведомость прошлого раза была хороша, а с нынешней я, так просто, ума не приложу, что и делать!»[27].

Пытаясь хоть как-то сориентироваться в сложившейся ситуации и чтобы упорядочить работу суда, Илья Васильевич в мае 1840 г. предложил присутствию составленный им проект распределения чиновников в канцелярии уездного суда и их обязанностей. По этому распределению следовало:

* Яков Клюев — реальный персонаж, который в 40-е гг. XIX в. работал сельским заседателем в саранском уездном суде и имел свою печать (см.: ЦГА РМ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 316, 324 — 326, 336 — 339, 349 и др.).

— повытчик гражданских дел производит все дела апелляционные, спорные и следственные гражданские и об отыскивании людьми свободы и др.;

— повытчик уголовных дел производит все дела следственные, уголовные и о пропускных по ревизии людях; доставляет начальнику губернии срочные ведомости, а также ведет своим делам настольные регистры и др.;

— надсмотрщик уголовных дел, он же и приходо-расходчик, — совершает купчие, закладные, дарственные, разделы, доверенности и заемные письма; ведет приход и расход всем суммам в суде обращающихся, ведет переписку с казначейством и другими присутственными местами, раздает чиновникам жалование, а также ведет книгу гербовой бумаги и др.;

— столоначальник частных дел заведует прошениями о вводе во владение, выдачею на имение удостоверений, выдает копии с дел, хранящихся в архиве, составляет и ведет формулярные списки, занимается всей перепиской по делам неапелляционным и неуголовным;

— журналист занимается составлением журналов, их хранением, отмечает в них время и напоминает повытчикам в случае медлительности;

— регистратор ведет входящую и исходящую книги, раздает бумаги с распиской повытчикам, отправляет на почту пакеты и ведет общий настольный регистр всем делам суда;

— архивариус заведует архивом, ведет делам погодный список и по запросам повытчиков доставляет им подлинные дела прежних лет[28].

Затем И. В. Селиванов занялся зданием уездного суда. Присутствие было построено по «образцовому» проекту академика архитектуры А. Д. Захарова. Двухэтажное здание на улице Трехсвятской (ныне Московская), возведенное во время губернаторства Ф. Л. Вигеля, сохранилось до сих пор. На первом этаже в ту пору находились комнаты для проживания городничего и уездное казначейство, на втором — уездный суд с дворянской опекой, земский суд и городническое правление[29].

Здание присутственных мест в г. Саранске

Материалы архивных дел говорят о том, что здание присутствия находилось в плачевном состоянии: «Присутственная комната была светло-зеленого цвета, который немного выцвел, штукатурка местами, особенно около пола и окон, отвалилась, печь треснула. Канцелярия, которую занимают протоколист опеки, регистратура и журналист суда имеет те же самые недостатки, только цвет стен желтого цвета». Комната, где размещались гражданские, уголовные и крепостные дела была в худшем состоянии, чем две предыдущие: «двери от давнего употребления почернели, замка у наружной двери нет, печь треснула и около топки кирпичи выкрошились и выпали, душник пропускает дым, заслоны перегорели, полы и рамы погнили»[30].

В «Провинциальных воспоминаниях» Селиванов описал присутственное место: «Дом, в который мы входим, — присутственные места, или, еще короче, суд. Ежели вы посмотрите на него несколько издали, вы тотчас заметите, что он разделяется на две части одною, очень характеристическою чертой: из семи или девяти окон, составляющих фасад его, по два окна от каждого угла целы, остальные, в середине, непременно с перебитыми стеклами. Это признак, по которому вы всегда можете отличить дом этот от частных домов. Войдя на крыльцо, вам представятся лестница на крыльцо и двери направо, или налево, с веревками вместо ручки, до того грязные, что грязь эту не смоешь никакою водой, разве отскоблишь ножом. <...> Ежели, войдя на широкое крыльцо, вы пойдете на лестницу наверх и поворотите налево, то войдете непременно прямо в канцелярию земского суда. ...За канцелярией следует присутствие, большая комната, большею частью зеленого цвета, со столом, покрытым красным сукном, забрызганным чернилами»[31].

Обнаружив неполадки, Селиванов потребовал их освидетельствовать и устранить[32].

Далее на очереди в списке дел уездного судьи стоял земский суд. Илья Васильевич обнаружил, что земский суд при составлении сведений не руководствовался предписанными правилами. Поэтому 15 октября (27 октября по новому стилю) 1841 г.

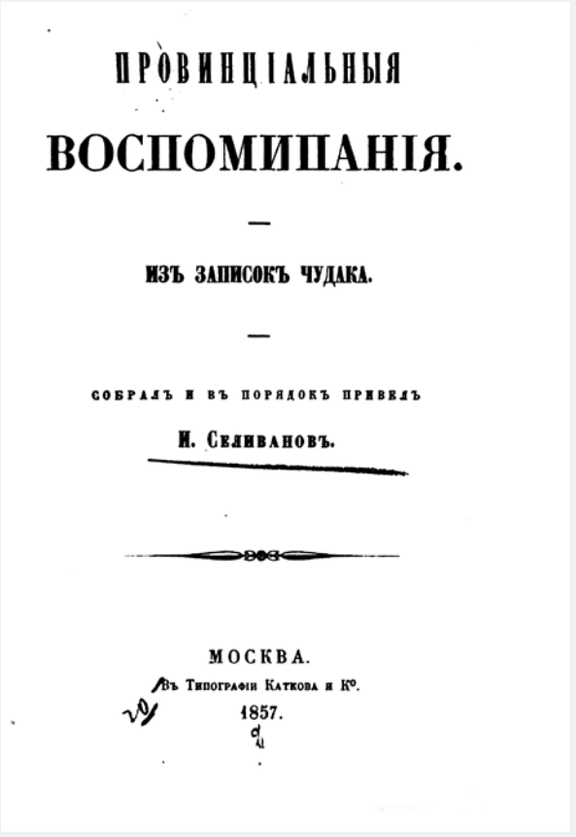
Селиванов распорядился, чтобы земский суд в работе опирался на приложение к ст. 285 т. 11 Свода законов Российской империи, т. е. «неукоснительно исполнял то, что законом назначено»[33].

Ввел Селиванов в работу суда и дисциплину, что доказывает следующий факт. 12 июля (24 июля по новому стилю) 1841 г. Илья Васильевич ушел в 29-дневный отпуск, который затем был продлен еще на 2 месяца. Свои дела он временно сдал старшему дворянскому заседателю И. Н. Шибаеву. О том, как велась работа в отсутствие уездного судьи, красноречиво говорят журналы заседаний Саранского уездного суда. Судя по записям, заседатели ставили подписи заранее, оставляя писарям место для заполнения. Незаполненные места на листах иногда занимали чуть не половину страницы либо, наоборот, записи ужимались из-за нехватки места. Встречаются записи, где проставлена роспись без указания ее расшифровки. Либо стоит расшифровка, но нет росписи исполнителя. Можно предположить, что подобная практика была вызвана желанием соблюсти необходимый объем листажа. Но более вероятна версия, что в отсутствие уездного судьи члены суда редко навещали место службы. Такие нарушения отмечались и в дальнейшем[34]. При Илье Васильевиче подобное случалось крайне редко.

Особенности судебного процесса Селиванов показал в первом томе «Провинциальных воспоминаний». Автор, пусть с определенной долей субъективизма, дал наглядную картину судопроизводства того времени. Земский суд, по словам писателя, «был каким-то пугалом, которого боялись все, а ожидали немногие»[35]. Обыватели были готовы скорее откупиться от следственных органов, чем выступать свидетелями и подвергаться бесчисленным допросам. И. В. Селиванов описывал случай, когда временное отделение земского суда, выехав расследовать причину смерти найденного жителями с. Горки мужчины, осмотр и постановление готовило, не побывав на месте, и, закончив следствие за один вечер, заключило, что «нет сомнения: смерть натуральная». В благодарность за непричинение хлопот «суд» принял собранные деньги и продукты, нисколько не сомневаясь, что подобное «дело» пропустят и губернатор, и уголовная палата[36]. «Все были довольны — и земский суд, потому что мог дела о скоропостижно умерших следовать, почти не выходя из комнаты; и уездный суд, потому что судить было нечего, писать мало; и начальник губернии, потому что убийств в уезде почти не случалось; и уголовная палата, потому что в нее дела такого рода вовсе и не поступают, а производить такие дела, по которым „нет хождения“, очень скучно»[37]. Данный факт доказывают и архивные дела Саранского уездного суда Пензенской губернии: их анализ показывает, что все смерти, даже с очевидным фактом насилия, по судебному решению имели, как правило, «натуральную» причину[38].

Сами следственные дела представляли собой письменные сведения в виде записки с содержанием дела, доводами сторон, справками и ссылками на законы. Стороны и их доверенные удостоверяли правильность изложенных фактов своими подписями. Доступ сторон при рассмотрении дела в помещение, где его рассматривали, был закрыт, приговор выносился без прений сторон, на основании формальных доказательств[39]. Таким образом, живое состязание между сторонами подменялось собиранием бумаг и письменных объяснений.

В дальнейшем Илья Васильевич, не согласный с подобной системой, изложил свое видение судебного процесса в статье «Слово и дело. Практические заметки делового человека». «Самостоятелен ли у нас уголовный судья? — задается вопросом Селиванов. — Нет! Он не вполне самостоятелен… нравственной независимости у него нет — потому что завтра его решение перерешат другие и за то, что он думал иначе, нежели думает другой, его могут штрафовать, лишать наград и проч.»[40]. Причину этого автор прежде всего видел в зависимости судов от административной власти. Также Илья Васильевич говорил о необходимости введения институтов обвинения и защиты: «Только при этих двух силах, равнодействующих на него, — судья может быть именно тем, чем он должен быть в самом деле: судьею»[41].


ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ

ВОСПОМИНАНІЯ.

—

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЧУДАКА.

—

СОБРАЛЪ И ВЪ ПОРЯДОКЪ ПРИВЕЛЪ

И. Селивановъ.

МОСКВА.

Въ Типографіи Каткова и К°.

1857.

Кроме того, высказывалась необходимость непосредственного общения с обвиняемым. При этом И. В. Селиванов обозначал в судопроизводстве важность определения причины преступления, а не самого его факта.

В судебной практике И. В. Селиванов также старался действовать согласно доводам рассудка, а не слепо следуя законам: «Что до меня касается, в продолжении всей моей жизни, а следственно и судебной практики, я жил больше сердцем — не стыжусь признаться в этом»[42]. Эту же мысль он приводит в «Провинциальных воспоминаниях»: «...всегда буквально принимаемые законы могут повести к страшным заблуждениям и что всегда надобно стараться прежде всего понять дух закона, то есть мысль, руководившую законодателя во время составления закона. ...иногда одна запятая совершенно изменяет смысл закона и что эта запятая, как опечатка, может иногда стоить чести, состояния, доброго имени сотням и тысячам — и что по этому, ежели эта запятая составляет явную ошибку в законе, надо или требовать на нее пояснения или прикладывать закон к делу так, как по смыслу самой фразы или по смыслу предшествующих и последующих статей закона понимать ее нужно»[43].

Справедливость приведенных слов Селиванова подтверждают дела из его практики. Уездному судье часто приходилось сталкиваться с неправильной, по его мнению, трактовкой закона. Благодаря сохранившимся в Центральном государственном архиве Республики Мордовия документам можно проследить парадоксальность ситуаций и сравнить их с видением самого Селиванова.

В ноябре 1841 г. в Саранском уездном суде рассматривалось дело о купленном крепостным крестьянином Савелием Ивановым из д. Леоновки Саранского уезда в Говоровском питейном доме вина и перевезенном затем через Инсарский уезд. Обстоятельства дела заключались в следующем: Савелий Иванов для празднования свадьбы и Михайлова дня купил в питейном доме с. Говорова Саранского уезда два ведра вина и отправился домой. Однако назад, дабы сократить путь, он отправился через с. Верченки Инсарского уезда. Следует оговориться, что если бы крестьянин отправился назад через Саранский уезд, то ему пришлось бы проделать лишних 13 верст, а проехав через Инсарский уезд, он сокращал путь. Однако, не доехав до Верченок, Иванов был остановлен отставными солдатами Инсарской кормчей стражи. Суду предстояло разобраться в этой ситуации. Как следует квалифицировать дело: как кормчество* или закрыть глаза на явный факт нарушения закона, потому как умысла в противоправном деянии у крестьянина не было и преступление было им совершено по незнанию.

Разбирательство запутанного дела представляло собой различные вариации трактовки преступления. Так, согласно ст. 488 т. 15 Свода уголовных законов, данное деяние квалифицировалось как кормчество. Однако Селиванов, не согласный с подобным исходом тяжбы, при слушании дела отметил следующее: «...по 488 ст. 15 тома свода законов уголовных перевоз вина из одного откупа в другой надобно считать кормчеством, но что в случае, подобном нынешнему, буквальное приложение закона было бы стеснительно для жителей тех селений, которые находятся в подобных отношениях по тому и предлагал войти о сем для разрешения с вопросом в Пензенское губернское правление».

Из Пензы пришел следующий ответ: «Хотя крестьянин Г-на Теплова Савелий Иванов в провозе из Саранского уезда в Инсарский вина сделал признание, говоря, что оно куплено в селе Говорово, нежели было провозимо через Инсарский уезд, то потому, что дорога его в деревню Леоновку лежит ближе через Инсарский уезд, нежели по своему уезду, в подкрепление чего и Г. становой пристав Шумнов данным к делу журналом объяснив, что действительно, непроезжая Инсарского уезда, надобно сделать из Говорова лишних 13 верст, и по дороге гористой и [тако но как] в 15 томе свода законов уголовных статьи 488 велено признавать кормчеством, если спирт, получарное и пенное вино, купленные в одном откупе, будут провезены в другой количеством свыше дозволенного по откупным условиям, то по сему в разрешение настоящего случая, дабы буквальное соблюдение закона было стеснительно для крестьян селений, находящихся в одинаковом положении с Леоновкою в отношении к Говорову, на основании 2 тома свода законов учреждение Губер.: ст.: 320, пункт № 4, представив сие обстоятельство в Пензенское Губернское правление с просьбою разрешить уездный суд, как поступить при решении означенного дела, а также как поступить на будущее время. Пензенское губернское правление указом дало знать, чтобы суд представленное ему дело решил по точному основанию законов, а законами повелено тома 15 Законов уголовных ст. 105. Когда в законе определен род и вид наказания, но не определена мера оного, тогда суд определяет меру наказания по мере преступления, сообразно правилам, в последующих отделениях сей главы подробно изложенных, руководствуясь в прочем вообще двумя главными началами: 1) чтобы не налагать наказания паче меры содеянного преступления; 2) чтобы оказывать себя более милостивым нежели жестоким...».

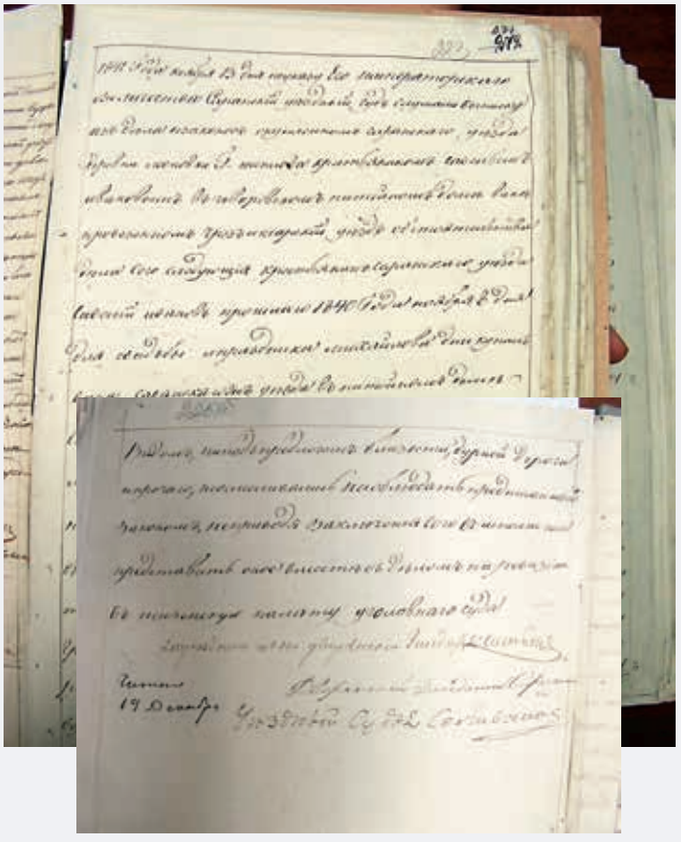
С учетом данных инструкций в следственном деле было отмечено: «Губернское правление указом своим

* Кормчество — тайная торговля предметами, составляющими монополию казны, или не оплаченными акцизом товарами, обложенными акцизом.

предписало суду дело о кормчестве крестьянина г. Теплова Савелия Иванова решить по точному основанию законов, и как местность селений его жительства и села Говорова такова, что миновать Инсарский уезд нет возможности. 105 же ст. 15 тома свода законов уголовных судьям позволено в тех случаях, где нет прямого закона, постановлять свое мнение». Суд положил: крестьянина Савелия Иванова, не сочтя кормчемником, внушить ему, чтобы он на будущее время не осмеливался перевозить вино из одного откупа в другой[44].

Однако дело, как полагалось правилами, решение суда отправили на ревизию в Пензенскую палату уголовного суда. Та в свою очередь обязала Саранский уездный суд переписать определение по данному уголовному делу. На что конкретно было обращено внимание вышестоящей инстанцией, в архивных материалах не указано[45]. О том, как завершились данное дело и само разбирательство по нему, повествуется в рассказе И. В. Селиванова «Контрабанда»[46].

В своей практике Селиванову часто приходилось встречаться с делами, связанными с незаконной вырубкой леса. Так, только за один день 15 марта (27 марта по новому стилю) 1840 г. в приказе Саранского уездного суда были вынесены 6 приказов к приведению в



Дело о кормчестве крестьянина Савелия Иванова. Источник: ЦГА РМ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 339. Л. 223 — 226 об.

И. В. Селиванов. Контрабанда

Видите ли: из деревни Леоновки поехал мужик в кабак купить винца к сватьбе. Леоновка, как вам известно, стоит на границе уезда; оно бы чего ближе поехать в другой уезд, да там взять, благо чужой кабак стоит на самой границе и от него всего-то версты 2 каких-нибудь будет. Однако мужик, как человек обстоятельный, туда не поехал. Подумал: ну их совсем, свяжешься с откупом, засудят тебя так, ни за что; взял да поехал в кабак в своем уезде. А этого не смекнул, что чужой-то уезд в наш уезд клином вдался, что к кабаку-то проехать чужим уездом 7 верст, а своим 14; да и дорога-то по чужом уезду идет полевая и ровная, а по своему лесами да болотами, колеи да рытвины. Ну, мужик поехал, да и взял ведерочко, видно, винца. Едет себе, ни о чем не помышляет; хоть и далеконько, говорит, за то вернее — беды не наживешь; эти собаки кордонные приставать не станут. Разумеется, пока он в кабак пустой-то ехал, при переезде через границу, его и не обыскивали, — ему и невдомек, что он в чужой уезд заехал, — а как поехал назад с вином, его доброго молодца и сграбастали. «Откуда?» — говорят. «Да Мочалинского уезда, деревни Леоновки». «Где вино брал?» «В своем, уезде, — говорит, — в Пронюхоловском кабаке; извольте хоть справку навести». «Да как же ты в Зазнобинской уезд попал?» «Да как же не попасть-то, разсудите милостиво. От вашей Леоновки до Пронюхолова 7 верст, коли через Зазнобинский уезд ехать; а коли по нашему, по Мочалинскому, так 14; да и дорога-то там знаете какая — ой, ой! За 20 покажется. В середине лета проезду нет, а теперь весеннее время, только разве в грязи купаться туда ехать, и колес-то не выворотишь». Взяли, однако, молодца, представили к становому. Следствие тут долго производить нечего; собственное сознание, ну, и в суд. И начал судья умничать. Говорит: «Какой же он контрабандист, коли в своем уезде вино купил». Я ему показываю закон, говорю так и так: «Разве не видите, что здесь написано: кто провезет через границу уезда, тот контрабандист!». «Это вздор, — говорит, — закон не может желать притеснять даром. Буквальное понимание закона вздор, — говорит. — Никогда не поверю, чтоб законодатель хотел даром мучить и еще в таком случае, когда сам виноват, положив границы уезда так, что свой кабак дальше, нежели чужой». «Ну уж это, — говорю, — позвольте; где касается до закона, это уж наше дело знать — мы на то стряпчие поставлены, чтоб наблюдать за соблюдением закона... и я вам против закона сделать не позволю. Закон надо буквально принимать». «Как, — говорит, — буквально? Так по-вашему, ежели бы случилось даром отшлепать человека потому только, что закон не-

ясен, так и тут надо буквально держаться?» «Разумеется, надо, — говорю... Что за важность что мужика отшлепают; поохает, поохает, перестанет; за то закон соблюден и неприкосновенен остался». Спорили, спорили, да что толку? Разве в пустую голову втолкуешь что-нибудь? Стал на своем: не виноват, говорит, мужик, да и кончено. Как я ни бился, сделал по-своему: представил губернскому правлению, что закон, дескать, неясен; нельзя думать, чтоб мужиков даром секли и штрафы взыскивали за то только, что нелепым образом границы уезда положены. Говорил я ему: «Вздор Вы, Всеволод Петрович, делаете. Неужели вы думаете, что губернское правление, видя такую точность в словах закона, станет по Вашему представлению в суждение входить, или в сенат представлять? Уж, конечно, нет. Напишут вам какую-нибудь фигу, да тем и кончится». Так и случилось. Много через неделю шлют указ из губернского правления. «Выслушали, — говорят, — представление Мочалинского уездного суда, приказали: дать знать уездному суду, чтоб он в точности руководствовался законами, да строго ему заметить, чтоб он неосновательными представлениями не утруждал начальство, под опасением строгого по закону взыскания». Получив такой указ, расходился наш судья —и рвет, и мечет. Я на эту пору угодил в суд. Бросился он на меня, словно ворон на кров, и заорал: «Что это такое ваше губернское правление делает?». Кричит: «Это не чиновники, а разбойники. Им говорят, что закон темен; что на основании этого закона страдают невинные; а они отвечают, чтоб руководствоваться законом. На что это похоже? Да я так не оставлю, я не побоюсь их. Я в сенат напишу; или они думают, что я не знаю статьи закона, где судам 1-й степени дано право прямо входить в сенат, ежели суды 2-й степени порют вздор...», — и чорт знает, чего он тут не наплел еще... Но так как он приставал ко мне с расспросами и советами, то я и сказал ему напрямик: «Послушайте! Вы все только один вздор делаете и чорт знает, из чего горячитесь. Хоть сенату представите, так все тоже будет. Не станут там из одного Вашего какого-нибудь мужика законы ломать, да беспокоить всех составлением нового закона? Об этом не беспокойтесь. Или промолчат вовсе или скажут тоже, что сказало губернское правление: действуйте сообразно с законами. Оставьтека лучше и приговорите мужика, как преступника; это умнее всего будет». Нет, не послушался-таки, сколько я ни уговаривал, освободил мужика от наказания. Разумеется, случилось то, что и должно было быть: уголовная палата уничтожила решение суда, мужика приговорила, а поступок уездного суда, судившего вопреки закона, передала обсуждению губернского правления».

исполнение обвинительных приговоров по незаконной порубке леса[47]. В дальнейшем собирательный образ этих дел лег в основу его рассказа «Полесовщики»[48], где автор показал всю несостоятельность законодательной базы Российской империи. Анализ дел Саранского уездного суда показывает, кто бы ни был виноват в порубке, наказание всегда нес полесовщик как недоглядевший. Да и сами приговоры были одинаковы: «Лесного надзирателя Гаврилова, как недоглядевшего в свое время о самовольном поступке крестьян, и тем нарушившего доверие общества в целостности лесных дач... в пример другим наказать розгами 15 ударами строго подтвердить быть внимательным к исполнению возложенных на него обязанности...»[49]; «...исчисленную подлесничим Васильевым сумму, на которую порубка сделана... взыскать со всего общества не исключая и лесного надзирателя Кантеева... надзирателя Кантеева за слабое смотрение за лесом, чем нарушил он доверие своего общества... наказать на людской сходке, при бытности станового пристава розгами пятью ударами...»[50]; «...за порубленные неизвестным леса 9 руб. 34 коп. взыскать со всего грибоедовского общества, не исключая и самого надзирателя Андреева... а между тем ему лесному надзирателю сделать строгое подтверждение, чтоб он за целостностию леса имел неослабное наблюдение...»[51]; «Как по произведенному по сему делу следствию в порубке в дачах села Говорова виновных ни кого не открыто, и подозрения в том ни на кого неизявлено, то по сему исчисленную подлесничим... сумму ...взыскать со всего того общества не исключая и лесных надзирателей Никитина и Степанова... лесных же надзирателей, допустивших истребление леса и не обративших на сие внимания в течение почти целого года на весьма значительную сумму, в пример другим наказать... розгами каждого по десяти ударов, поставив в обязанность общества избрать на место их других лесных надзирателей...»[52] и др. Возможно, последние и стали прототипами главных героев рассказа «Полесовщики» — Никиты и Степана.

В журналах заседаний Саранского уездного суда сохранились несколько дел о краже бриллиантов, в совокупности отдаленно схожие с повествованием «Волчья долина». Дела об имениях, которые находились в опекунском совете, можно сопоставить с рассказом «Старое время».

И. В. Селиванова не устраивала обстановка, которая складывалась в Пензенской губернии. Здесь процветали казнокрадство и взяточничество. В 1831 г. губернию возглавил А. А. Панчулидзев, ставший самым одиозным правителем из когда-либо возглавлявших ее. Вспоминая о нем, И. В. Селиванов писал: «П*** был в Пензе губернатором 28 лет и воспитал целое поколение чиновников, которые считали его чуть ли не Богом — не честности, конечно, но власти и силы»[53]. Соратник И. В. Се-

ливанова по перу М. Е. Салтыков-Щедрин подчеркнул, что на своем посту губернатор «более двух десятилетий боролся с законом»[54].

За 28 лет пребывания Панчулидзева у власти губерния погрузилась в пучину коррупции. Нижестоящие чиновники на местах вытворяли все, что им заблагорассудится, при условии, если заплатят подать вышестоящим. При попустительстве губернатора становые приставы находились на жаловании у воров, особенно конокрадов. Беспредел царил во всех сферах. В Санкт-Петербурге о Пензенской губернии знали только то, что губернатору хотелось, чтоб знали. А тем, кто не подчинялся заведенному порядку, безусловно, приходилось плохо. В их числе были в первую очередь саранский уездный судья И. В. Селиванов и предводитель Инсарского уезда А. А. Тучков. «И ежели меня не стер тогда, — вспоминал Селиванов, — то единственное потому, что у Пашковых в Москве ему обо мне говорил московский почт-директор Булгаков, бывший приятель моего тестя. П*** боялся, чтоб через меня не дошло до Петербурга что-нибудь из его проделок. Он, однако, достал меня потом, когда страх этот миновался»[55].

О том, что в губернии процветало конокрадство, свидетельствуют архивные дела саранского уездного суда[56]. Сам Селиванов считал, что пресечь конокрадство можно только в том случае, если ликвидировать институты, учрежденные как раз для борьбы с данным явлением[57]. Возможно, впечатленный подобным размахом дел в губернии Илья Васильевич позже отразил их в рассказе «Тетерников».

Помимо непосредственных служебных обязанностей Селиванову иногда приходилось вести дела за предводителя уездного дворянства[58], так как настоящий предводитель, А. А. Нечаев, был трусоват, и каждый раз, когда полученная им откуда-нибудь бумага требовала незамедлительного ответа либо действия, он всегда сказывался больным и сдавал должность Илье Васильевичу.

Однажды на имя А. А. Нечаева пришло письмо министра с просьбой уведомить о собранном в уезде урожае. Сия справка, по мнению Селиванова, требовалась от уезда, возможно, потому что приводным губернаторам перестали верить. Стоит ли говорить, что задание тут же перешло на Селиванова, так как сам предводитель дворянства неожиданно заболел. В тот год (1841) в уезде был богатый урожай, о чем напрямую, минуя губернские власти, сообщил в своем донесении Селиванов. Узнав про подобное самовольство, губернатор пришел в ярость. По предположению Селиванова, недовольство А. А. Панчулидзева было связано с тем, что последний хотел скрыть реальные цифры и отписаться, о случившемся в губернии неурожае, а вследствие этого получить причитающееся пособие. Несомненно, большая его часть осела бы в кармане самого начальника губернии[59].

Позднее Илья Васильевич описал этот случай в «Провинциальных воспоминаниях»: «Ты разве забыл, как насел губернатор на прошлого судью за то, что тот вздумал написать министру настоящий отчет об урожае? Губернатору-то хотелось показать министру плохой урожай, да и сказать, что на продовольствие хлеба, дескать, не достанет, так дайте пособия, — а судья тут ни к селу, ни к городу вздумал с своей правдою соваться, да и открыл, что урожай-то отличный. Мало ему пакостей-то делали? И бунтовщиком выставляли, и коммунистом, и, чорт знает, еще чем; бился, бился, и должен был не то, что в отставку выйти, и из губернии-то выехать»[60]. Это было первое столкновение Селиванова с губернатором. Данный случай, а также слухи, доходившие до начальника губернии о поведении уездного судьи, спровоцировали затяжной конфликт. В дальнейшем писатель стал жертвой доноса мстительного губернатора, в результате чего в 1850 г. его сослали в Вятку «за превратный образ мыслей, выраженных в литературных сочинениях и частной переписке»[61]. Селиванов писал в «Провинциальных воспоминаниях» об этом: «Да губернатор этим не пронялся: написал куда следует… и должно быть ловко написал, потому что малого сграбастали да и услали куда-то далеко»[62].

Илья Васильевич, обладавший высокоморальными взглядами на службу и видевший в ней путь к спасению и обновлению России, не мог спокойно взирать на сложившееся положение дел: «Пусть говорят, что хотят о том, что один не сделает и прочее, — все это вздор, и ничего больше; фразы, выдуманные для того, чтобы прикрыть леность, своекорыстие, равнодушие»[63].

Вскоре, 4 апреля (16 апреля по новому стилю) 1842 г., Илья Васильевич Селиванов досрочно (срок службы составлял 6 лет) покинул пост уездного судьи. Однако он продолжал исполнять обязанности уездного судьи вплоть до 11 апреля (23 апреля по новому стилю), после чего его сменил Д. П. Попов[64].

Это лишь один из этапов жизненного пути Ильи Васильевича Селиванова, судьба которого была полна постоянной борьбы с несовершенством социального устройства. Уже тогда он видел необходимость преобразований как судебной системы, так и социального устройства страны в целом. Взгляды Ивана Васильевича относительно реформирования суда, естественно, не были новаторскими. Подобные настроения уже назревали в обществе, что привело к реформе 1864 г.

И. В. Селиванов не вписывался в существовавшую систему. Это был человек новой формации. Он искренне верил, что честная служба способна изменить Россию, вывести ее из тупика. При этом И. В. Селиванова

нельзя назвать реформатором, писатель занимал, скорее, либеральные позиции. Илья Васильевич обличал, как правило, лишь незначительные пороки, лежавшие на поверхности, — невежество, чинопочитание, незнание человеком своих обязанностей и т. п. Путь избавления от социальной несправедливости Селиванов видел в нравственном усовершенствовании человека. «...Многое у нас еще пахнет Азией, — рассуждал он, — и исчезнет только тогда, когда, благодаря благородным усилиям правительства и благоразумной свободе слова, зло будет оглашаться и в журналах, и в книгах, и на сцене, и в обществе. <...> Единственное средство против подобного порядка вещей есть общественное мнение. ...И тем более важно общественное мнение, что через него, и только через него, может улучшиться общество, ибо общее мнение есть ни что иное, как самосознание этого общества»[65].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1 См.: **Селиванов И. В.** Провинциальные воспоминания. Из записок чудака. Собрал и привел в порядок И. Селиванов. М., 1857. Т. 1; 1857. Т. 2; 1861. Т. 3.

2 См.: **Селиванов И. В.** Мордва // Журн. землевладельцев. 1858. Т. 2, № 8. С. 59 — 83; Т. 3, № 11. С. 20 — 45.

3 При изложении биографии В. И. Селиванова использованы материалы: **Воронин И. Д.** Литературные деятели и литературные места в Мордовии. Саранск, 1951. С. 62 — 74; **Его же.** Литературные деятели и литературные места в Мордовии. Саранск, 1976. С. 104 — 122; **Зверев Н.** Женщины в жизни и творчестве писателя Селиванова. Ч. 1. Семья и свет // Край родной. 2011. № 8, 4 февр.; **Его же.** Женщины в жизни и творчестве писателя Селиванова. Ч. 2. В пылу гонений. 2011. № 16, 4 марта; **Селиванов И. В.** Записки дворянина-помещика, бывшего в должности предводителя, судьи и председателя палаты // Русская старина. 1880. Т. 28. Июнь. С. 286 — 316; Июль. С. 477 — 484; Авг. С. 725 — 752; **Его же.** Записки Ильи Васильевича Селиванова // Русская старина. 1880. Т. 29. Дек. С. 851 — 890; 1881. Т. 31. Авг. С. 531 — 546; 1882. С. 625 — 636; **Селиванов В. В.** Предания и воспоминания. СПб., 1881; **Селиванов А. В.** Род дворян Селивановых // Сочинения Василия Васильевича Селиванова. Владимир, 1902. С. 349 — 362; **Лебедев Ю. В.** В кругу «Современника» // И. В. Селиванов, С. Т. Славутинский. Из провинциальной жизни. М., 1965.

4 См.: **Селиванов В. В.** Указ. соч. С. 187.

5 См.: **Воронин И. Д.** Литературные деятели... 1976. С. 63.

6 См.: **Селиванов В. В.** Указ. соч. С. 287.

7 См.: **Селиванов А. В.** Указ. соч. С. 11; **Зверев Н.** Указ. соч. Ч. 1. № 8, 4 февр.

8 Литературное наследство. Т. 67. С. 574 (сам И. В. Селиванов писал о 250 душах, см.: **Селиванов И. В.** Мордва. Т. 2. № 8. С. 59).

9 Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. 15. Оп. 1. Д. 324. Л. 1 (далее — ЦГА РМ).

10 См.: **Селиванов И. В.** Провинциальные воспоминания. Т. 1. С. 330.

11 Там же. С. 337.

12 См.: **Селиванов И. В.** Провинциальные воспоминания. Т. 2. С. 410.

13 Там же. С. 447.

14 Там же. С. 448.

15 Там же. С. 411.

16 Там же. С. 330 — 331.

17 Там же. С. 406.

18 См.: **Тараканова Н. Г.** Судебная реформа 1864 г. в российской провинции. Саранск, 2009. С. 50 — 51.

19 См.: **Селиванов И. В.** Провинциальные воспоминания. Т. 2. С. 331.

20 ЦГА РМ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 325, 327, 339, 352 и др.; **Тараканова Н. Г.** Указ. соч. С. 54.

21 **Селиванов И. В.** Провинциальные воспоминания. Т. 2. С. 405.

22 **Селиванов И. В.** Провинциальные воспоминания. Т. 1. С. 157.

23 ЦГА РМ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 324, 325, 336.

24 **Селиванов И. В.** Провинциальные воспоминания. Т. 1. С. 27.

25 Там же. С. 34.

26 Там же. С. 171 — 172.

27 **Селиванов И. В.** Провинциальные воспоминания. Т. 2. С. 407.

28 ЦГА РМ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 324. Л. 551 — 552 об.

29 Российский государственный исторический архив. Ф. 216. Оп. 2. Д. 166. Л. 4 — 42.

30 ЦГА РМ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 325. Л. 230 — 231 об.

31 **Селиванов И. В.** Провинциальные воспоминания. Т. 1. С. 81, 83.

32 ЦГА РМ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 324. Л. 560, 562 — 562 об.

33 Там же. Д. 326. Л. 219 об. — 220.

34 Там же. Д. 337. Л. 194 — 195 об.; Д. 338. Л. 1 — 91, 287 — 413.

35 **Селиванов И. В.** Провинциальные воспоминания. Т. 1. С. 239.

36 Там же. С. 256 — 263.

37 Там же. С. 253.

38 ЦГА РМ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 326, 339, 342, 343.

39 См.: **Тараканова Н. Г.** Указ. соч. С. 72; ЦГА РМ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 326, 339, 340.

40 **Селиванов И. В.** Слово и дело. Практические заметки делового человека // Библиотека для чтения. 1860. Апр. С. 1.

41 Там же. С. 3.

42 Там же. С. 4.

43 **Селиванов И. В.** Провинциальные воспоминания. Т. 1. С. 333.

44 ЦГА РМ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 338. Л. 134 об. — 135, 281 — 281 об., 325 — 326 об., 425 об., 426; Д. 339. Л. 223 — 226 об.

45 ЦГА РМ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 347. Л. 34.

46 **Селиванов И. В.** Провинциальные воспоминания. Т. 2. С. 448 — 452.

47 ЦГА РМ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 324. Л. 303 об. — 306.

48 **Селиванов И. В.** Провинциальные воспоминания. Т. 2. С. 169 — 238.

49 ЦГА РМ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 326. Л. 2.

50 Там же. Л. 3 об.

51 Там же. Л. 5.

52 Там же. Л. 7.

53 **Селиванов И. В.** Записки дворянина-помещика... Т. 28. Июнь. С. 289.

54 Цит. по: **Соболев А.** Пензенские «Фандорины» [Электронный ресурс] // Улица Московская. 2010. 30 авг. URL: http://www/ym-penza.ru (дата обращения 07.12.2011).

55 **Селиванов И. В.** Записки дворянина-помещика... Кн. 6. С. 291.

56 ЦГА РМ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 326, 339, 349.

57 См.: **Селиванов И. В.** Записки дворянина-помещика... Т. 28. Июнь. С. 290.

58 ЦГА РМ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 325. Л. 221 об., 222; Д. 337. Л. 143 об.

59 См.: **Селиванов И. В.** Записки дворянина-помещика... Т. 28. Июнь. С. 291 — 292.

60 **Селиванов И. В.** Провинциальные воспоминания. Т. 2. С. 409 — 413.

61 Цит. по: **Черняк Я. З.** Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве (дело Огаревой-Панаевой). По архивным материалам. М. ; Л., 1933. С. 151 — 154, 467, 469.

62 **Селиванов И. В.** Провинциальные воспоминания. Т. 2. С. 413.

63 Цит. по: **Лебедев Ю. В.** Указ. соч. С. 11.

64 ЦГА РМ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 347. Л. 372 — 372 об., 391.

65 **Селиванов И. В.** Провинциальные воспоминания. Т. 2. С. 345 — 346, 350.

Наталья Геннадьевна Тараканова,
кандидат исторических наук, доцент
(г. Саранск)

НЕЗАВИСИМОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ

Опыт становления в условиях дореволюционной России (на материалах Среднего Поволжья)

Осуществляемая сегодня в Российской Федерации реформа судебно-следственной и правоохранительной систем идет по пути разделения функций участников уголовного судопроизводства и обеспечения их процессуальной самостоятельности в целях повышения профессионализма и качества работы структур, чья деятельность связана с обеспечением режима законности, правопорядка и защитой прав и свобод граждан. Важным шагом в этом направлении следует признать придание независимого организационно-правового статуса предварительному следствию, что вызвало неоднозначную реакцию в юридических кругах. В поиске адекватной оценки принятых мер и средств повышения эффективности уголовной юстиции неоценимую помощь может оказать всесторонний анализ опыта предыдущих аналогичных преобразований.

Первая попытка выделения следствия в самостоятельный государственно-правовой институт была предпринята в России в ходе реформ второй половины XIX в. Законодательные акты, утвержденные Правительствующим Сенатом 8 июня 1860 г. и вошедшие затем в знаменитые Судебные уставы, определяли правовое положение судебного следователя как профессионального и независимого участника уголовного процесса. Это было первое нормативное закрепление специализации юридической деятельности, которое расценивалось современниками как поворот к ограничению административного произвола и созданию независимой судебной власти. В частности, А. Ф. Кони отмечал, что новая должность судебных следователей, не связанная органически с полицией, имела свои достоинства, ибо следователь оказался наделенным значительными правами, поставлен во многих отношениях в положение независимого судьи, получив в ряде случаев право не подчиняться предложениям обвинительной власти, когда он с ними не согласен[1].

Второй корпус присутственных мест, где находились первые суды Пензенской губернии. Конец XIX — начало XX в.

Однако нельзя не согласиться с современным исследователем А. Г. Мамонтовым в том, что в этом мероприятии, кроме желания повысить качество предварительного следствия просматриваются и утилитарные устремления правительства разгрузить полицию и усилить ее административный ресурс перед отменой крепостного права[2].

Прежний следственный механизм был далеко не удовлетворительным. Как писал М. П. Чубинский, «безотчетный произвол, легкомысленное лишение свободы, напрасное производство обысков, отсутствие всякой системы и раздувание дела — были характерными признаками судебного следствия»[3]. Известно множество фактов злоупотребления полицией своими полномочиями, когда дела возбуждались «при ничтожности поводов к начатию»[4]. Или наоборот, полиция сама прекращала дело под предлогом мировой сделки или, что еще хуже, оставляла его в «совершенной безгласности», как это было замечено сенатором И. С. Горголи во время ревизии в Пензенской городской полиции в 1828 г.[5] Из-за некомпетентности полицейских чиновников расследование нередко длилось десятилетиями. Действия полиции оставались, по существу, без контроля. Бесконтрольность порождала произвол и взяточничество, которые предопределялись и механизмом инквизиционного судопроизводства, игнорировавшим всякие права личности. Для получения «царицы доказательств» — признания обвиняемого, несмотря на законодательные оговорки, использовались любые меры воздействия. Причем тайна и бесконтрольность следствия, бесправность подследственного надежно скрывали методы получения доказательств.

Творцы реформы, вдохновленные теоретическими идеями построения уголовного судопроизводства в западных странах, стремились обеспечить независимость и процессуальную самостоятельность судебных следователей, а также их высокий профессиональный и нравственный уровень.

Закон предусматривал назначение на должность судебного следователя указом императора по представлению министра юстиции лиц, получивших высшее юридическое образование или не менее 3 лет прослуживших в должности, связанной с производством уголовных дел или рассмотрением следствий. Допускалось назначение следователей из числа кандидатов на судебные должности, достигших двадцатипятилетнего возраста, если они занимались судебной практикой не менее 4 лет и получили положительные отзывы о своих практических познаниях в следственной части от председателей судебных мест и прокуроров[6]. Не могли назначаться на должность судебного следователя лица, «состоящие под следствием и судом за преступления или проступки» или подвергшиеся строгим уголовным наказаниям, а равно исключенные из службы по суду или из сословных обществ по решению соответствующих собраний, объявленные несостоятельными должниками или находящиеся под опекой за расточительство[7].

Пензенский окружной суд.
В центре — председатель М. В. Клименко. Начало XX в.

Устанавливалось, что судебный следователь осуществляет свою деятельность под наблюдением прокурора и окружного суда, которые, тем не менее, не вмешиваются в его следственные действия. Процессуальная самостоятельность следователя ограничивалась только строго оговоренными законом случаями.

Однако, не смотря на установленные критерии, обеспечить качественный состав следственного института и его эффективную деятельность было не просто, особенно в провинции, где ощущалась явная нехватка юридически образованных и практически подготовленных чиновников.

В письме министра юстиции Д. Н. Замятнина, направленном в 1861 г. губернаторам, в частности отмечается, что местные губернские власти, на которые первоначально были возложены обязанности по подбору и представлению на утверждение министерства кадров судебных следователей, «ссылаясь, большею частию, на недостаток вообще лиц, способных занять столь важные должности, ходатайствуют по преимуществу об утверждении в таковых лиц, и не получивших достаточного юридического образования и не могущих по предшествовавшей их деятельности быть практически знакомыми с порядком производства уголовных следствий, а равно и уголовных дел. Наконец, в числе представленных к

утверждению в сих должностях оказались даже такие лица, кои находились под судом»[8]. Во избежание вреда, к которому могло привести назначение на должность судебных следователей лиц, «кои представляют мало ручательства в вполне успешном и добросовестном исполнении возлагаемых на них обязанностей», тем более, что их отстранение от службы допускалось только через предание суду, Министерство юстиции издало специальные правила. Данные правила ограничивали самостоятельность губернатора в выборе лиц на должность следователя, ставя непременным условием наличие у кандидата отзыва уголовной палаты о способностях чиновника, обнаружившихся в течение 6-месячной практики и положительной характеристики от губернского прокурора[9].

Об остроте кадровой проблемы говорит тот факт, что правительство в течение первой половины 1860-х гг. неоднократно было вынуждено отказываться от установленных законом требований к кандидатам на должность судебного следователя, чтобы хоть как-то заполнить вакансии.

Так, в Пензенской губернии в 1868 г. из 22 судебных следователей и кандидатов на эту должность лишь 8 имели юридическое образование, причем средний возраст последних составлял 27 лет, т. е. большинство — недавние студенты, еще не закрепившие свои знания практическим опытом[10]. Один судебный следователь имел высшее медицинское образование, двое окончили дворянский институт, трое — духовную семинарию или академию, четверо — выпускники гимназии, двое обучались в уездном или духовном училище.

Непрочность положения судебно-следственного института в первые пореформенные годы объяснялась не только кадровым голодом и отсутствием достаточных знаний и опыта, но и тем, что, действуя еще в рамках старой судебной системы, переживая болезнь роста, судебные следователи ощущали явную беззащитность перед нападками как уголовных палат, так и администрации. По воспоминаниям М. Ф. Громницкого, служившего в 1860 — 1861 гг. судебным следователем в Пензенской губернии, «...время было тревожное, освобождали крестьян, администрация была облечена чрезвычайными полномочиями, в каждой губернии находился флигель-адъютант. Ухо держать надо было востро! — а доносов сыпалось на первых порах на судебных следователей из уездных болот, сколько недоразумений возникало из бесед простых следователей с крестьянами! Если все это теперь рассказать подробно, — покажется сказкой»[11].

Указывая на общие трудности в становлении следствия в Российской империи, Б. Л. Бразоль писал: «Новое устройство следственной части... встретило весьма неблагоприятные условия для дальнейшего своего развития... Учреждение судебных следователей врезалось клином в отживавший, но все еще живой строй дореформенной юстиции, вызывая недоумение, а иногда и недоверие у судей, стряпчих и заседателей старого типа»[12].

Положение усугублялось и недостатком соответствующих нормативных и практических наработок. Следователям приходилось до всего доходить путем собственных проб и ошибок. Как вспоминал о первых годах своей службы пензенский судебный деятель и публицист В. А. Волжин, «посоветоваться тогда было не с кем, в то время совсем не было той школы, которою теперь пользуются кандидаты, командируемые для занятий в гражданские и уголовные отделения суда и в помощь к следователю...»[13].

Тем не менее реформа следственного аппарата вызвала положительную оценку современников. Ее расценивали как первый шаг к усовершенствованию суда. «Русский вестник» в 1860 г. писал: «важнейшая часть процесса перешла из области произвола... в область применения разумных начал и известных законов»[14]. Прогрессивное значение введения института судебных следователей отмечалось и в провинции. В частности, доказательства «изменения порядка вещей к лучшему с образованием должности судебных следователей» приводит самарский публицист XIX в. П. Алабин: «Хотя число преступлений, как видно из всеподданнейших отчетов губернаторов, было в Самарской губернии в 1862 г. меньше, чем в предшествовавшие годы, но число обвиняемых возросло в этом году настолько, что превысило в полтора раза число совершенных в том же году преступлений, между тем как в прежние годы обвиняемых всегда было меньше числа преступлений»[15].

Здание Пензенского окружного суда. Конец XIX — начало XX в.

Такое увеличение числа обвиняемых справедливо приписывается добросовестной деятельности судебных следователей. «Прежде... — отмечается в «Очерке уголовной статистики Самарской губернии», — «виновные не отыскивались или по недостатку энергии, или вследствие недобросовестности следователей. Теперь подобные случаи стали крайне редкими»[16]. Ускорилось и производство следствий: в той же Самарской губернии в 1862 г. — в два раза по сравнению с 1859 г. и в три раза по сравнению с 1860 г.[17]

В. А. Волжин

В «Краткой записке о ходе следственной части», составленной Министерством юстиции, сообщалось, что с 1 июня по 31 декабря 1871 г. следователями округов Петербургской, Московской, Казанской, Одесской, Харьковской и Саратовской судебных палат было окончено производством более 67 % всех возникших за этот период следствий. Причем более 75 % следствий продолжалось менее месяца[18]. Эти данные также позволяют судить об успехах следственной реформы.

Нет сомнения в том, что в числе первых следователей, вдохновленных идеями судебной реформы и направленных на работу в глубинку, были люди, готовые всячески способствовать торжеству законности и утверждению справедливости. В. А. Волжин вспоминал о своей службе судебным следователем в г. Пензе: «Какое же нравственное удовольствие получал я, когда, странствуя дней по пяти и даже по недели по своему участку и переезжая для этого из села в село, я видел и сознавал, что моя служба действительно полезна обществу. Сколько раз крестьяне горячо благодарили меня за то, что я переловил с помощью полиции, работавшей по моим указаниям, всех конокрадов и профессиональных воров на моем участке!.. Часто по целым дням занятый следствием, я не обедал, питаясь урывками кое-чем, сколько раз я отдыхал ночью на сеновале или на столе в волостном правлении... Временами я бывал совершенно измучен работой, но мысли о карьере тогда еще не западали в голову, орденами не интересовались и все почти работали не за страх, а за совесть»[19].

С введением Судебных уставов 1864 г. на большей территории страны статус следственного института стал более определенным. Следователи считались членами окружного суда и на них распространялись все права и преимущества лиц судебного ведомства, им назначалось достойное по тем временам денежное содержание. Постепенно уменьшалась текучесть кадров. Если с 1878 по 1882 г. кадровый состав следователей Самарской и Пензенской губерний обновился на 60 %, то с 1888 по 1892 г. — соответственно на 33 и 42 %[20]. Вместе с тем повышался образовательный уровень следователей. При Пензенском окружном суде в 1868 г. работало лишь 30,0 % следователей с высшим юридическим образованием, в 1888 г. эта цифра составляла 76,5 %, а в 1892 г. — уже 79,0 %. В Симбирском и Самарском судебных округах к 1888 г. более 90 % следователей имели высшее юридическое образование, тогда как средний показатель по всем учреждениям судебного ведомства страны составлял в том году 82 %[21].

Кроме специального образования в деле повышения профессионализма большую роль играли практический опыт, знание местных условий. Если в 1882 г. в Пензенской губернии следователи, чей стаж работы насчитывал более 5 лет, составляли 47 %, то в 1888 г. — уже 63 %. В Самарской губернии в 1882 г. 8 следователей из 20 находились в должности более 5 лет (40 %), а в 1892 г. — из 21 следователя 5 находились на службе более 10 лет и 9 — более 5 лет. В Симбирской губернии показатель роста «опытности» следственного корпуса был ниже: в 1888 — 1892 гг. лишь 37 — 39 % следователей пребывали в должности более 5 лет.

Следственный институт становился более «зрелым» и по возрастным критериям. Так, в Пензенской губернии в 1868 г. средний возраст судебного следователя составлял 33 года (от 23 до 44 лет), а в 1892 г. он увеличился до 40 лет (самому молодому было 27, а самому старшему — 74 года).

Социальный состав был представлен лицами разного происхождения. Но предпочтение отдавалось потомственным и личным дворянам (более 50 %) и выходцам из духовного сословия (26 %). Встречались также выходцы из купцов, мещан, военных и гражданских чинов[22].

На пути становления самостоятельного профессионального следствия уже в первые пореформенные годы возникло серьезное препятствие. Сменивший на посту министра юстиции Д. Н. Замятнина в 1867 г. граф К. И. Пален — человек, по роду прежних занятий далекий от юстиции, предпринял довольно спорный шаг по улучшению кадрового состава следственного аппарата. Он получил от императора разрешение приостановить назначение на должность судебных следователей в порядке, установленном в Судебных уставах, и заменить их временно командированными для производства следствий чиновниками, «дабы министерство юстиции, в случае неудачного выбора, могло во всякое время удалить

от должности лиц, недостаточно опытных или неблагонадежных»[23]. Если назначенные на должность судебные следователи могли быть смещены с нее только по решению суда, а потому были независимы и чувствовали под собой твердую почву, выступая «сотоварищами прокурорского надзора», то исполнявшие обязанности рисковали в любой момент быть отозванными от должности. Так, после возбуждения дисциплинарного производства в отношении исполнявшего должность судебного следователя Нижнеломовского уезда Пензенской губернии Нестерова, основанием к которому послужили небрежность, «недостаточное усердие» и «медленность при производстве следствий», Министерство юстиции направило письменное поручение прокурору окружного суда Онгирскому обратить особое внимание на деятельность данного следователя и предупредить его, что «если он не отнесется с усердием и старанием к исполнению своих обязанностей, то будет уволен от службы и потеряет впредь возможность служить по ведомству министерства юстиции»[24].

Безусловно, осторожность в вопросе подбора следственных кадров была необходима. Работа следователя относилась к числу самых трудных и ответственных. «Произвол следователя в собирании доказательств, — писал один из авторов судебной реформы Н. А. Буцковский, — опаснее произвола судьи при определении их силы, так как доказательства со временем уничтожаются»[25]. Яркий пример тому — случай из судебной практики Пензенской палаты уголовного суда, когда в 1862 г. из-за несоблюдения установленных законом процессуальных норм исполнявшим обязанности судебного следователя 2-го участка Краснослободского уезда Мысовским при кассационном рассмотрении дела удалось уйти от ответственности лицу, виновному в смерти малолетней девочки[26].

Медленность в рассмотрении дел могла также иметь трагические последствия. В материалах ревизии, проведенной пензенским губернатором в 1868 г. приводится факт, когда волокита, допущенная следователем Наровчатского уезда С. А. Городищевым (получившим, кстати, высшее юридическое образование), привела к тому, что арестант, 9 месяцев ожидая в остроге окончания расследования и «не предугадывая конца своего заключения», в итоге попал в дом для умалишенных[27]. Вместе с тем увольнение исполнявшего должность судебного следователя могло последовать и вследствие того, что начальство усомнилось в его «благонадежности», о чем свидетельствуют данные из отчета Министерства юстиции за 1867 г.[28]

Решение о подчинении следственных органов Министерству юстиции мотивировалось недостаточностью вполне подготовленных деятелей и необходимостью проверки квалифицированности того или иного следователя, на которую требовалось время. Однако указанное отступление от закона прочно вошло в практику. Так, по подсчетам Н. Коркунова, в 1878 г. в Саратовском, Казанском и Варшавском округах следователей, утвержденных в должности, было всего 1,4 %[29]. Нередко случалось, что следователи не утверждались в должности по 10 лет и более[30]. Подобное положение воспитывало даже у добросовестных следователей, по словам И. В. Гессена, «дух приниженности и неуверенности за свое положение»[31]. Исполнявший должность судебный следователь, как заметил В. А. Волжин, находился под вечным страхом «отозвания из командировки с причислением к министерству», опасаясь прокурора и «всякого начальства». Привыкнув за долгие годы к зависимому состоянию, он не всегда чувствовал себя самостоятельным даже после утверждения в должности: «вчерашний приниженный чиновник не может сразу поднять голову и приобрести достоинство несменяемого судьи»[32]. Часто следователи в провинции боялись возбуждать «скандальные» дела, осознавая, что удержаться в должности им можно только благодаря аккуратности и почтительности к местному начальству.

Таким образом, неизбежно возникавшие на первых этапах становления нового института проблемы «роста» были поспешно решены привычным усилением административного контроля. Можно признать, что допущенное при осуществлении кадровой политики отступление от судебных уставов существенно искажало законный статус следователя и наносило серьезный удар по основной идее реформы — обеспечению независимости и самостоятельности судебно-следственной деятельности. По свидетельству современников, для многих исполнявших обязанности судебных следователей из «птенцов министерства юстиции» на первое место стало выходить «рабское угождение прокурорскому надзору и желание скорее приобрести должность товарища прокурора»[33].

Неопределенность положения следователя проявлялась и в его отношениях с прокурором. С одной стороны, законодатель не допускал прямого вмешательства прокурора в проведение следственных действий. Следователь не был обязан информировать прокурора о начале следствия, кроме случаев, когда он не находил в сообщении полиции и других должностных лиц достаточных оснований для производства следствия, а также когда считал необходимым оставить без последствий явку с повинной (ст. 309, 310 Устава уголовного судопроизводства, далее — УУС). Более того, в соответствии со ст. 280 Устава уголовного судопроизводства следователь освобождался от обязанности представлять прокурорам какие-либо письменные отчеты и справки о ходе дела. Согласно ст. 312 прокурор и его товарищи не должны были требовать «начатия следствия без достаточных к тому оснований». В сомнитель-

ных случаях они обязаны были собрать сведения посредством «негласного полицейского разведывания»[34].

С другой стороны, следователь не мог игнорировать процессуальные предложения прокурора и должен был информировать, «какие именно меры были приняты по его требованию» (ст. 281 УУС). Предложение прокурора являлось одним из достаточных оснований для начала следствия (ст. 289 УУС). Прокуроры не допускались к производству следствия, но вели постоянное наблюдение за ним (ст. 278 УУС), могли присутствовать при всех следственных действиях и «рассматривать на месте подлинное производство», не останавливая, однако, хода следствия (ст. 280). Прокурор и его товарищи могли требовать дополнить предварительное следствие по сделанным им указаниям, даже если следователь и считал производство оконченным (ст. 286 УУС). Эта статья вызывала множество споров. Так, И. Черкасский утверждал, что «около трети, если не больше, всех следствий падает на требование дополнить следствие сведениями, несущественными для дела»[35]. При этом, хотя прокурору и воспрещалось «под опасением законной ответственности» останавливать течение дела «для пополнения следствия сведениями несущественными» (ст. 514) и следователь на этом основании вправе был отказаться от их исполнения, но на практике преобладала позиция о недопустимости ставить под сомнение существенность тех сведений, которые требовал собрать прокурор.

Еще одним немаловажным фактором, оказывающим влияние на эффективность следствия, следует признать не всегда профессиональные действия полиции, на которую было возложено исполнение оперативно-розыскных мероприятий. Как отмечал В. Федотов-Чеховской, безнаказанность преступления происходила главным образом от плохой работы членов полиции, производивших дознание, а не от неудовлетворительного качества труда судебных следователей. На этом основании он считал, что без улучшения розыска никакие реформы по следственной части не принесут России существенной пользы. «Ожидать от одного судебного следователя удовлетворительных результатов в следственном деле также неосновательно, как... ожидать от художника картины без кисти, красок и полотна»[36].

Итак, задуманная в ходе реформы модель независимого и квалифицированного следствия не была полностью реализована как вследствие поспешной ее корректировки в ходе осуществления кадровой политики, так и в связи с нечетко определенным статусом судебного следователя в системе уголовной юстиции, недостаточной отлаженности всего механизма досудебного производства уголовных дел. В итоге предварительное расследование было признано самым «узким местом» судебной реформы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1 См.: **Кони А. Ф.** Судебные следователи // Собр. соч. М., 1966. Т. 1. С. 111 — 112, 118.
2 См.: **Мамонтов А. Г.** Россия в 1860 г.: учреждение судебных следователей // Государство и право. 1996. № 3. С. 150.
3 **Чубинский М. П.** Судебная реформа // История России в XIX в. : в 9 т. М., [б. г.]. Т. 3, ч. 1. С. 248.
4 Доброе старое время // Русская старина. 1892. № 9. С. 621.
5 Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. 17. Оп. 1. Д. 118. Л. 25 (далее — ЦГА РМ).
6 См.: Учреждение судебных установлений // Российское законодательство X — XX веков. М., 1988. Т. 8. Ст. 202, 205, с. 53 — 54.
7 Там же. Ст. 201.
8 Государственный архив Пензенской области. Ф. 23. Оп. 1. Д. 767. Л. 45 (далее — ГАПО).
9 Там же. Л. 46.
10 Там же. Д. 1058.
11 Цит. по: **Савин О.** Исполняя законы России. Из истории пензенских судов. Пенза, 2004. С. 92.
12 **Бразоль Б. Л.** Очерки по следственной части. История. Практика. Пг., 1916. С. 11 — 12.
13 Из мемуаров В. А. Волжина // Ист. вестн. 1912. № 7. С. 54.
14 Цит. по: **Коротких М. Г.** Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России. Воронеж, 1989. С. 73.
15 **Алабин П.** Двадцатипятилетие Самары как губернского города (ист.-стат. очерк). Самара, 1877. С. 566.
16 Памятная книжка Самарской губернии за 1863 — 1864 годы. Самара, 1865. С. 85.
17 См.: **Алабин П.** Указ. соч. С. 566.
18 Государственный архив Ульяновской области. Ф. 454. Оп. 3. Д. 14. Л. 169 — 170 (далее — ГАУО).
19 Из мемуаров В. А. Волжина // Ист. вестн. 1912. Т. 129. С. 49 — 50.
20 Подсчеты произведены автором на основании: Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1878, 1882, 1888, 1892 гг. СПб., 1878, 1882, 1888, 1892.
21 См.: Ведомость об образовательном цензе лиц судебного ведомства. Приложение к списку чинов ведомства Министерства юстиции 1888 г. СПб., 1888. С. 150, 166, 170, 324.
22 ГАПО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1058; Ф. 42. Оп. 10. Д. 565.
23 **Гессен И. В.** Судебная реформа // Судебная реформа в прошлом и настоящем. М, 2007. С. 345.
24 ГАПО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 4. Л. 148.
25 **Буцковский Н. А.** Об основных началах уголовного судопроизводства // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. СПб., 1864. Т. 17. С. 34.
26 ЦГА РМ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 917. Л. 109 — 112.
27 ЦГА РМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 121. Л. 68.
28 См.: Отчет Министерства юстиции за 1867 г. СПб., 1870. С. 53.
29 См.: **Коркунов Н.** Юридическая хроника. (К пятнадцатилетию судебных уставов) // Журн. гражд. и уголов. права. 1879. № 2. С. 157.
30 См.: **Галай Ю. Г.** Суд и административно-полицейские органы в пореформенной России (1864 — 1879 годы). Н. Новгород, 1999. С. 77.
31 **Гессен И. В.** Указ. соч. С. 346.
32 **Волжин В. А.** Картинки из судебной жизни. СПб., 1891. С. 13.
33 **Гессен И. В.** Указ. соч. С. 347.
34 Устав уголовного судопроизводства // Российское законодательство X — XX веков. Т. 8. С. 151.
35 **Черкасский И.** Пререкания между судебным следователем и прокурорским надзором // Журн. Мин-ва юстиции. 1911. № 6. С. 156.
36 **Федотов-Чеховской В.** К вопросу об улучшении положения следственной части в России. Орел, 1897. С. 17.

Подготовка текста, комментарии, фотографии
Виктор Борисович Махаев,
кандидат искусствоведения, профессор
(г. Саранск)

ГОРОД ПЛЁС В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЭНЦИКЛОПЕДИЯХ

Герб Плёса. «В первой части щита часть герба Костромского... Во второй части щита — в серебряном поле река с выходящим из нея плёсом, означающее имя сего города».
Высочайше утверждён 29 марта 1779 г.

В начале своего хрестоматийного «Курса русской истории» В. О. Ключевский писал: «Речная сеть нашей равнины — одна из выдающихся ее особенностей. За четыре с половиной века до нашей эры она бросилась в глаза и наблюдательному Геродоту; описывая Скифию, т. е. Южную Россию, он замечает, что в этой стране нет ничего необыкновенного, кроме рек, ее орошающих; они многочисленны. И никакая другая особенность нашей страны не оказала такого разностороннего, глубокого и вместе с тем заметного действия на жизнь нашего народа, как эта речная

Вид Прибрежного посада с Соборной горы. 1910 г.

сеть Европейской России. Русский историк писал, что река, сама наводя порядок и создавая правила, тем самым в народе воспитывает чувство порядка, дух предприимчивости, побуждает к совместному артельному действию, к размышлению. Заметим, что и древнерусские летописи давали описания местностей не по княжествам, а по рекам: именно река, а не политическая власть в прошлом кормила и сближала людей, сплачивала их в единое общество.

Издревле на Руси прямое, узкое и глубокое русло реки называли плесом. Такие плесы чередовались с мелкими изгибами, излучинами и отмелями, затрудняющими плавание. Судно, выходившее на речной плес, шло быстро и уверенно, не доставляя особых хлопот капитану и команде, ведь разбойники старались подкараулить груженое добром судно близ какого-нибудь препятствия, на порогах или волоке. Медленное течение в плесе обеспечивало чистоту и прозрачность речной воды. Кроме того, плесы, как правило, являются местом зимовки рыбы. Гидрологическая характеристика места в стародавние времена прочно связывалась с его защищенностью, обильностью и красотой.

На берегу Волги на границе Ивановский и Костромской областей уютно расположился небольшой городок Плес. К нему можно подойти по реке, здесь она неширокая, прорезая Ростово-Плесскую моренную гряду, Волга образует Плесские ворота. Живописный город встраивается в бесконечную панораму волжских берегов с нескончаемой вереницей старинных поселений — больших и малых. К городу можно подъехать на автомобиле с юга — за четверть часа ландшафт резко меняется от равнинного, едва всхолмленного, к резко пересеченному, вдруг обрывающемуся к Волге.

Город исторически сложился на обособленных участках, он расчленяется ландшафтом на пять частей. Высокий берег прорезан многочисленными оврагами, разделяющими город на отдельные горы и слободы. Над Волгой возвышается Соборная гора, где в начале XV в. была выстроена крепость; под нею вытянулся узкий Прибрежный посад, прижатый к крутому склону; с запада к нему примыкает пригородная пустынь, с востока — Рыбная слобода, отрезанная от Прибрежного речкой Шохонкой. Троицкая слобода лежит в открытой нагорной части.

Вид Соборной горы с Заречья,из Рыбной слободы. 1910 г.

Затерявшийся в российских глубинах крошечный Плес как городское поселение в XIX — XX вв. не развивался, ни серьезного промышленного, ни административного значения он никогда не имел. Долгое время он оставался одной из волжских пристаней в центре текстильного края, поэтому сохранил своеобразную планировку, сложившуюся в XVII — начале XVIII в. Регулярная перепланировка конца XVIII в. не нарушила живописность архитектурного ландшафта, а лишь устранила неправильность и хаотичность средневековой застройки. Две узкие улицы Прибрежного посада расположены параллельно реке. Фасады каменных двухэтажных классицистических особняков обращены на Волгу — это парадная застройка Плеса. Изобретением плесских строителей стали большие срубы, возводившиеся перед каждым домом, выходившим к Волге, так в Плесе появилась приподнятая над рельефом набережная, дополненная дренажем. Рыбная слобода — плотно прижатые маленькие кварталы, спускающиеся со склонов к воде. На Соборной горе сохранились крепостной вал и ров по его периметру. Большие кварталы Троицкой слободы окружают церковный ансамбль.

В конце XIX в. Плес и его окрестности превратились в любимое место отдыха русской творческой интеллигенции. В 1888 — 1889 гг.

в «русском Барбизоне» жил И. И. Левитан. Маленький, тихий, красивый, поэтичный городок был тем мирным уютным и теплым уголком, какого давно жаждала истомившаяся душа художника. До этого ни одному русскому художнику не удавалось с такой интимностью, нежностью, лиризмом, подкупающей правдивостью изобразить русскую природу. Здесь Левитаном были написаны картины «Вечер. Золотой Плес», «После дождя. Плес», «Свежий ветер», «Над вечным покоем», «Вечерний звон», «Березовая роща», «Золотая осень». Дом-музей великого русского художника-пейзажиста — один из наиболее популярных музеев на Волге, он открылся в 1972 г. в доме, принадлежавшем купцу Солодовникову. Здесь художник жил и работал летом в 1888 и 1889 гг. вместе с друзьями-художниками А. С. Степановым и С. П. Кувшинниковой. Город и его окрестности также запечатлели на своих полотнах и в рисунках В. В. Верещагин, А. М. Корин, В. М. Бакшеев, С. А. Виноградов, А. В. Маковский, И. Е. Репин.

Во второй половине XX в. Плёс стал «культовым местом», «советским Барбизоном», притягивавшим художников и других работников искусства, съезжавшихся сюда летом из многих городов страны. В 1980 г. был создан Плесский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, в который вошли Музей Левитана, Музей пейзажа, Музей истории Плеса. В последние годы в городе появились частные музеи — древнерусской семьи и первобытного рыболовства.

С конца 2000-х гг. аналитики отмечают небывалую активность города — тесное сотрудничество областной администрации и городского совета, хранителей культурной среды и самобытности, предпринимателей и других ответственных субъектов городской жизни. Маленький Плес превращается сегодня в объект повышенного туристического и инвестиционного интереса, комфортабельный курорт. Здесь в летнее время проводятся фестиваль джазовой музыки и посвященный Андрею Тарковскому международный кинофестиваль «Зеркало». Дизайнер Вячеслав Зайцев проводит российский фестиваль «Плес на Волге. Льняная палитра». Недавно в городе была построена современная горнолыжная трасса, планируется строительство гольф-клуба, второго терминала для круизных судов, а также инфраструктуры для приема однодневных туристов, включая лыжный парк, экомузей и ферму для развлечения и просвещения детей.

По статьям в отечественных энциклопедиях отчетливо видно, как медленно менялся город, оберегая сиротливую ментальность обитателей маленького поселения, расположенного на «главной улице России». Кажется, что люди живут здесь только для того, чтобы смотреть из окон своих домишек на величественную и могучую Волгу. Они уверены, что проплывающие мимо видели города много лучше. Город, сомневающийся в своей значительности и стесняющийся своей представительности.

Деревянная крепость на границе княжества постепенно превращалась в скромное поселение около торговой пристани (подробнейшая статья в «Географическо-статистическом словаре Российской империи» и одна строчка в «Энциклопедическом словаре Т-ва «Бр. А. и Т. Гранат и К°» красноречиво говорят об этом). Неприметный городок в заброшенном захолустье, где ничего, кроме топоров, не умеют делать, со временем стал излюбленной дачей художников-пейзажистов, таким он оставался (очень запущенным, но колоритным) и в советское время. Изданный в 1955 г. путеводитель по Волге в заметке о Плесе утверждал, что «плановое народное хозяйство позволяет в наибольшей степени развивать все производительные силы любого района». «Производительных сил» в Плесе нашлось немного, но аура замечательно одухотворенного места была сохранена. Возможно, вскоре Плес станет уверенным в себе, престижным (желательно и общедоступным) туристическим городом в центре европейской части страны.

В своем очерке «Русский Нил» В. В. Розанов нашел очень точные слова для характеристики культурного ландшафта волжских берегов. «Важен не берег, а то, что на берегу. Как и везде в природе, интереснее всего человек. Верхняя половина Волги, до Нижнего, несравненно изящнее, красивее и одухотвореннее нижней тою огромною деятельностью, которая развита на ней именно начиная с Рыбинска. Едва по длиннейшим сходням вы спускаетесь на один из громадных рядом стоящих пароходов, вы точно окунаетесь в „волжский труд“, как что-то своеобразное, в себе замкнутое, как в особый новый мир, который сразу отшибает у вас память Петербурга, Москвы и даже вообще всего „не волжского“».

И далее русский философ пишет об интегрирующей, объединяющей роли реки, о ее великой миссии разрывать искусственные границы. «Дни и ночи плывешь по Волге... Все так же рассекают спицы пароходных колес ее воды... Солнце всходит и заходит, и, кажется, нет конца этой Волге. „Мир Волги“ — как это идет! Свой особый, замкнутый, отдельный и самостоятельный мир. Как давно следовало бы не разделять на губернии этот мир, до того связанный и единый, до того общий и нераздельный, а слить его в одно! Россия, разделенная на совершенно нелепые „губернии“, ничему в ней не отвечающие и ниоткуда не проистекающие, на самом деле представляет группу стран, совершенно иного в каждом случае характера,

иной природы и со своим у каждой страны средоточием». С этими словами, вероятно, согласится каждый, кто хоть однажды побывал в городе Плесе.

ПЛЁСА, или **ПЛЁС**, безуездный город Костромской Губернии, в Нерехотском уезде, что прежде был пригородком Костромской Провинции, Московской губернии, а потом уездным городом, лежит под 57° 5′ Восточной долготы, на правой стороне реки Волги, при впадающей в нее реке Плесе, расстоянием от Санктпетербурга 956, от Москвы 369, Губернского города Костромы к Югу в 53, а от города Нерехты в 58 верстах. Построен, как по древним Летописцам видно, в 1410 году Великим Князем Васильем Дмитриевичем. В нем 4 церкви и принадлежит по Духовным делам к Костромской Епархии. Обывательское строение почти все деревянное, а каменного весьма мало. Купцов 86, мещан 502. Здешние купцы не богаты, промышляют, торгуя тонким холстом, салфетками, мелочным москотильным товаром, также хлебом, калачами и другими съестными припасами. Фабрик две, на которых работают разные полотна и другие нитяные материи, которые отправляют к Санктпетербургскому Порту и в другие города. Народ больше упражняется в черных работах, и ремесленников между ними нет. Ярмарок ежегодно бывает по две, Петровская и Покровская, на которые съезжаются из разных ближних мест с мелочным москотильным товаром и прочею всякою мелочью и посудою деревянною. С переименования городом герб ему был пожалован следующий: в верхней половине щита Губернский, а в нижней в серебряном поле река с выходящим из нее плесом, означающим имя сего города.

Словарь географический Российского государства / сост. А. Щекатов. М., 1805. Ч. 4, отд. 1. Стб. 1167 — 1168.

ПЛЁС, заштатн. г-д, Костромской губ., Нерехтского у-да, в 138 вер. к ю.-в. от Костромы, по торговому тракту на с. Красное, расположен на прав. крутом берегу Волги и при рч. Шохонке. По преданию на месте г-да издавна существовало поселение, называвшееся Чувилем. Собственно же город основан в 1409 г. вел. кн. Василием Дмитриевичем, который, укрывшись в Костроме от нашествия Едигея и желая задержать татар, приказал построить г-д, названный потом Плесом. В 1430 году Плес был взят татарами; в 1459 году в нем сидел в осаде князь Семен Несвижский; в 1462 году великий князь Василий Иоаннович пожаловал город в кормление Александру Карамышеву; в 1506 году П. был сборным пунктом для войск воеводы Мих. Ив. Галицы-Булгакова против казанских татар; в 1540 году под Плесом происходила ожесточенная битва русских с татарами, шедшими к Костроме; хотя они были обращены в бегство, но русские потеряли в битве воевод: кн. Феод. Курбского, Власьева, Тулупова и Засекина. В 1572 г. Плес, в духовном завещании Иоанна Грозного, упоминается в числе удельных владений сына его Феодора. В 1609 г. пан Лисовский по дороге из Юрьевца в Кострому опустошил Плес; в 1612 г. бывшие в Плесе с войсками Пожарский и Минин узнали здесь о враждебных действиях воеводы Шереметева. В 1657 г. Плес упоминается под именем посада, к коему принадлежала Плесская десятина. До 1778 г. он находился, как пригород, в Костромском у-де Московской губ., в 1778 г., при открытии Костромского наместничества, сделан у-м его г-м, но в 1796 г. оставлен за штатом. В каком состоянии город находился в прошлом столетии, видно из известий, присланных московским магистратом в кадетский корпус в 1764 г. Тогда плесские купцы были более убоги, нежели достаточны, промышляли торгуя мелочными москательными товарами, также хлебом, калачами и другими съестными припасами. Народ занимался черными работами, и ремесленников не было; на 2 ярмарки, петровскую и покровскую, привози-

И. И. Левитан. Тихая обитель. 1890 г. Государственная Третьяковская галерея

лись москательный и мелочный товары, а также деревянная посуда. По сведениям за 1865 г. ч. ж. в городе 4 202 д. об. п. (1 492 м. п.), из них городс. сословий: почетн. граждан и купцов 418, мещан 3 200. Неправославных: раскольников 65. Церквей православных 9 (8 кам.); там, где ныне 2 церкви плесского собора, сохранился земляной вал, окружающий довольно большую площадь. Домов 301 (24 кам.), лавок 136, трактир. 2, постоял. двор. 2, приход. учил. (в 1863 г. учащихся было 43 м. п.). Город имеет во владении 289 дес. земли, 2 дома и 99 лавок; городской доход на 1862 г. исчислен в 3 330 руб. Жители хлебопашеством не занимаются, большая часть мещан летом работает на Волге или занимаются рыболовством, а зимою ведут мелочную торговлю на месте и скупают пряжу у крестьян. В П. также выделывают большое количество топоров, которые на Нижегородской ярмарке считаются лучшими. В 1865 г. ремеслами занималось 166 (133 мастер.), из них ткачей 52. Заводская деятельность незначительна; в 1865 г. на 4 завод. выделано на 17 504 руб. при 71 рабочих, из них 1 восковой на 1 100 руб., 1 пивоваренный на 3 404 р., 2 миткалевых на 13 тыс. руб.; прежде здесь была полотняная фабрика, ныне же она не действует. Плес, благодаря своему выгодному положению на р. Волге, в торговом отношении занимает довольно видное положение. Местное купечество ведет преимущественно хлебную торговлю не только в своей местности, но и с Рыбинском и С.-Петербургом, для чего закупает хлеб в низовых губерниях. Кроме того на Плесскую пристань свозятся мануфактурные товары из Шуйского у. Владимирской губ. для Нижегородской ярмарки, и наоборот здесь разгружаются товары для Шуйского у. О значении пристани можно судить из следующих данных. В период 1859—62 г. средн. числом ежегодно нагружалось 61 158 пуд. на 229 777 руб., из них хлопчатобумажных изделий на 201 223 р., льняных изделий на 7 483 р.; в то же время средн. числ. разгружалось 632 954 пуд. на 680 197 р., из них хлеба на 494 754 пуд. на 263 517 р., спирта на 6 794 р., соли 35 054 пуд. на 17 613 р., хлопчатобумажных изделий на 289 341 р. В навигацию 1865 г. грузилось 95 878 пуд. на 24 928 р., из них бумагохлопч. изделий 5 635 пуд. на 122 208 р., пряжи льняной 7 940 пуд. на 59 тыс. р., хлеба 47 100 пуд. на 19 544 р., семени льняного 13 160 пуд. на 12 004 р., поташа 9 250 пуд. на 14 800 р. В том же году разгружалось 564 312 пуд., на 418 405 р., из них хлеба 459 042 пуд., на 198 081 р., (муки ржаной 69 463 пуд., пшена 11 650 пуд., гороха 24 628 пуд., пшеницы 133 490 пуд., ржи 206 484 пуд., овса 6 758 пуд., круп гречневых 3 856 пуд., разного 2 713 пуд.), соли 36 500 пуд. на 4 745 р., чая 6 202 пуд. на 96 200 р., бумажного хлопка 500 пуд. на 4 000 р., овчин 12 450 пуд. на 50 450 р., москательного товара 9 250 пуд. на 27 850 р., свинца 1 952 пуд. на 4 121 р., железа 1 300 пуд. на 1 360 р., крахмала 1 376 пуд. на 2 064 р. В 1865 г. выдано торговых свидетельств купцам 1-й г-ии 4, 2-й 81, на мелочный торг 102, на развозный 1, на мещанские промыслы 67, приказчикам 84. Базары собираются еженедельно по субботам; ярмарок 2: петропавловская с 29 июня по 3 июля и покровская с 1 по 5 октября; на них в 1862 г. привозилось на 45 тыс., продавалось на 26 тыс. р.; лучшая из них первая (привоз 27 т., продажа 18 т. р.). На этих ярмарках закупается одного холста до 200 т. арш.

Вид Рыбной слободы с Соборной горы. 1910 г.

Географическо-статистический словарь Российской империи / сост. П. Семенов. СПб., 1873. Т. IV. С. 127 — 128.

ПЛЁС, заштатный город Костромской губ., Нерехтского у., на берегу Волги. На месте П., по преданию, давно существовало поселение, называвшееся Чувилем. Город П. построен в 1409 г. вел. князем Василием Дмитриевичем. В 1430 г. его взяли татары; в 1540 г. под П. про-

исходила ожесточенная битва с татарами, кончившаяся поражением последних. В 1609 г. П. разграблен Лисовским. В 1778 г. сделан уездным городом Костромского наместничества, а с 1796 г. оставлен за штатом. Жит. 2 461. Церквей православных 9 (8 каменных); училищ три. Сохранились остатки земляного вала. Городских доходов 14 759 руб., расходов 12 086 руб., в том числе на городское управление 3 435 р., на учебные заведения 3 075 р., на врача 1 173 р. Больница. Городской общественный банк, сберегательная касса. Торговля хлебом; отправляется по Волге товаров до 600 тыс. пд., а прибывает до 500 тыс. пудов.

Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз (Лейпциг) и И. А. Ефрон (Санкт-Петербург). СПб., 1898. Т. XXIII-а. С. 870.

ПЛЁС, заштатный город Нерехтского у., Костромской губ., под 57° 27′ с. ш. и 41° 31′ в. д., лежит на правом берегу р. Волги. Жителей, по переп. 1897, числится 2 200 душ об. пола. Имеет торговое значение, как пристань, через которую идет хлеб. Ввозится и вывозится свыше 1 мил. пуд. товару. Городской общественный банк. В окрестностях города 2 химическ. завода с производ. до 120 000 руб. при 100 рабочих. Больница. Церквей православных 9, учебных завед. 3. Город основан еще в 1409 г.

Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С. Н. Южакова. СПб. : Просвещение, [б. г.]. Т. 15. С. 258.

ПЛЁС, безуездн. гор. Нерехтского у., Костромской губ.; 2 444 ж.

Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и Т. Гранат и К°» / под ред. Ю. С. Гамбарова и др. М., [б. г.]. Т. 32. Стб. 344.

ПЛЁС, город в Середском районе Ивановской обл., пристань на правом берегу Волги, в 42 км выше Кинешмы; 3,4 тыс. жит. (1938). Открыты техникум кормодобывания, школа кустарного ученичества по переработке нерудных ископаемых, кино. П. служит курортом, организованы туберкулезный санаторий и дома отдыха. В районе П. — залежи известкового туфа и фосфоритов. Окрестности П. изображены на картинах Левитана и других художников.

Большая советская энциклопедия / гл. ред. О. Ю. Шмидт. [1-е изд.]. М. : Совет. энцикл., 1940. Т. 45. Стб. 632.

ПЛЁС, город в Приволжском районе Ивановской обл. РСФСР. Пристань на правом берегу Волги. Расположен в 36 км от ж.-д. станции Середа (на линии Ермолино — Нерехта). В П. — предприятия местной промышленности. Туберкулезный санаторий, 3 дома отдыха. Средняя школа, школа садоводов, с.-х. техникум; кинотеатр.

Большая советская энциклопедия / гл. ред. С. И. Вавилов. 2-е изд. М. : Большая совет. энцикл., 1955. Т. 33. С. 244.

ПЛЁС, город (с 1925) в Фурмановском р-не Ивановской обл. РСФСР, на высоком прав. берегу р. Волги, в 18 км от ж.-д. станции Приволжск. П. неоднократно служил источником вдохновения для рус. пейзажистов (в т. ч. И. И. Левитана). Памятники архитектуры: Успенский собор (1747), Троицкая (1808), Воскресенская (1817), Варвары (1821), Преображенская (1849) церкви. Картинная галерея (в б. Воскресенской церкви) и Дом-музей И. И. Левитана. Совхоз-техникум.

Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М. : Большая совет. энцикл., 1975. Т. 20. С. 28.

ПЛЁС, в Приволжском р-не Ивановский обл., в 71 км к С.-В. от Иваново. Климатич. курорт. Расположен на высоком правом берегу р. Волга, прорезающей Ростово-Плесскую моренную гряду, образуя т. н. плесские «ворота». Климат умеренно континентальный, ср. темп-ры января −12 °С, июля 17 °С. Осадков ок. 1 500 мм в год. В 39 км от ж.-д. станции Фурманов на линии Нерехта — Иваново. Пристань. Нас. 4,0 тыс. чел. (1992; 4,0 тыс. в 1959; 4,7 тыс. в 1970; 4,1 тыс. в 1979).

Осн. в 1410 вел. князем московским Василием Темным для защиты подступов к Костроме и Москвы от татаро-монгольских набегов. На высоком холме у устья р. Шохонка была построена дерев. крепость, существовавшая до нач. 17 в. (сохранились фрагменты земляных валов). К Ю. от нее возникла Троицкая, у сев. подножия холма — Прибрежная, к В., за р. Шохонка, — Заречная (Рыбная) слободки. В 17 — 18 вв. город развивался как торг. центр, поставщик льна и полотна. С 1778 — уездный город Костромского наместничества, в 1796 выведен за штат.

В последней четв. 19 в. с открытием ж. д. Иваново — Вознесенск — Кинешма и утратой городом значения водно-сухопутного перевалочного узла П. переживал упадок, но благодаря красоте окрестностей обрел славу «русской Швейцарии» и стал популярным среди рус. интеллигенции дачным местом. П. неоднократно служил источником вдохновения для рус. художников-пейзажистов, в т. ч. для И. И. Левитана («Золотая осень», «Вечерний звон», «Березовая роща», «Вечер», «Золотой Плес» и др.), к-рый жил и работал здесь в 1888—89. П. утратил свои гор. функции и превратился в сел. поселение.

В П. сохранилась гор. планировка, сложившаяся в 17 — 1-й пол. 18 вв. Осн. улицы проложены параллельно Волге и следуют сложному рельефу местности; на естеств. возвышенностях

расположены многочисл. церкви: Успенский собор типа «восьмерик на четверике» с шатровой колокольней (кон. 17 — нач. 18 вв.) — на Соборной горе (ныне — горе Свободы), Петропавловская ц. (1841) — на Петропавловской горе (ныне — горе Левитана), классицистич. ансамбль летней (1808) и зимней (1828) Троицкой ц. — в нагорной части города, на территории быв. Троицкой слободы. Зап. границу города определяет Преображенская ц. в стиле позднего классицизма (1849), на терр. Заречной слободы сохранилась классицистич. Варваринская ц. с многоярусной колокольней (1821). Композиционный центр прибрежной части города (быв. Прибрежной слободы) — ансамбль Торговой площади с Воскресенской ц. в стиле классицизма (1817), торг. рядами и зданием пожарной части (2-я пол. 19 в.). В застройке улиц остались в целости многочисленные 2-этажные кирпичные жилые дома (Моисеева, Подгорного, Смирновых и др.) кон. 18 — 19 вв. в стиле классицизма, оригинальная по архит. и декоративному решению т. н. дача Павлова в стиле модерн (нач. 20 в.).

П. — музей-заповедник. Картинная галерея (открыта в 1960, в экспозиции — произведения пейзажистов, в т. ч. Ю. Д. Коровина, Я. Д. Ромаса и др.). Дом-музей И. И. Левитана (в быв. доме Солодовникова в Заречной слободе; мемор. экспозиция, произведения И. И. Левитана, А. К. Саврасова, В. Д. Поленова, Л. В. Туржанского и др.). Близ П. расположена быв. дача Ф. И. Шаляпина. Через П. проходят туристические маршруты.

Природно-климатич. особенности П. — хвойные и лиственные леса, песчаные пляжи, чистый ионизированный воздух — благоприятны для санаторно-курортного лечения (в т. ч. больных туберкулезом легких) и отдыха. В П. действует санаторий, дома и базы отдыха, турбаза, детские оздоровительные учреждения.

В 2 км к Ю.-З. от П., в с. Спас-Березники (Прудское), — 5-главая Спасская ц. (быв. собор упраздненной Спасо-Преображенской пустыни), украшенная пучками колонок, аркатурами, подковообразными декоративными закомарами (1682).

Города России : энцикл. / гл. ред. Г. М. Лаппо. М. : Большая рос. энцикл., 1994. С. 356 — 357.

ПЛЁС, город в Российской Федерации, Ивановская обл., расположен на правом берегу р. Волга, прорезающей Ростово-Плесскую моренную гряду, образуя т. н. плесские ворота, в 38 км от железнодорожной станции Фурманов, в 71 км к северо-востоку от Иваново. Население 3,4 тыс. человек (2001). Известен с первой половины 12 в. Город с 1925.

Климатический курорт. Природно-климатические особенности Плеса (хвойные и лиственные леса, песчаные волжские пляжи и др.) благоприятны для санаторно-курортного лечения и отдыха. Близ города растет кедровая роща.

Входит в «Золотое кольцо» России. Основан Василием I как пограничный форпост Московского княжества в 1410. Упоминается в Воскресенской летописи. Стоит на Ростово-Плесской моренной гряде, делится на две части: верхнюю — горную и нижнюю — подгорную. Верхнюю называют Троицкой, нижнюю — Набережной. В 1551 в Плесе по распоряжению Ивана IV формировалось большое войско для похода на Казань. В 1612 плесские плотники помогали ополчению Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского переправиться через Волгу. В 17—18 вв. Плес развивался как торговый центр, поставщик льна и полотна. С 1778 уездный город.

Плес сохранил городскую планировку, сложившуюся в 17 — первой половине 18 в. Улицы расположены параллельно реке. Плес на редкость живописен благодаря своеобразному рельефу. Высокий берег прорезан многочисленными оврагами, разделяющими его на отдельные горы. Каждый из этих холмов-гор имеет свое собственное название. Гора, на которой стояла древняя деревянная крепость города Плес, вплоть до 17 в. называлась Соборной.

Архитектурные памятники: Успенский собор (конец 17 — начало 18 в.), Петропавловская церковь (1841), классические ансамбли Троицкой церкви (летней, 1808, и зимней, 1828), Преображенская церковь (1849) в стиле позднего классицизма, Варваринская церковь (1821), Воскресенская церковь (1817). Гражданские памятники: Торговые ряды (вторая половина 19 в.), здание пожарной части (вторая половина 19 в.), жилая застройка (дома Моисеева, Подгорного, Смирнова и др.), дом Павлова в стиле модерн (начало 20 в.). В доме Солодовникова — музей И. И. Левитана, который жил в Плесе в 1888—89. Здесь им были написаны картины: «Вечер. Золотой Плес», «После дождя. Плес», «Свежий ветер», «Над вечным покоем», «Вечерний звон», «Березовая роща», «Золотая осень». В 1960 в Плесе была открыта картинная галерея.

Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия [Электронное издание]. М. : Кирилл и Мефодий, 2006.

ПЛЁС. Многие древние города Руси в настоящее время стали похожи на небольшие поселки, а количество населения в них неуклонно уменьшается. Однако это только помогает им сохранять свой исторический облик и становиться центрами туризма. Именно таким является городок Плёс, расположенный в Ивановской области, в 71 км к северо-западу от областного центра. Его население в настоящее время около 2,5 тысяч жителей.

Сам Плёс был основан в 1410 году Василием I. Насчет происхождения названия города как обычно есть несколько мнений. В современном

русском языке плёсом называют прямой глубоководный участок реки с медленным течением. Именно на таком участке реки была построена крепость. Также плёсом называли раньше песчаную отмель и рыбий хвост. Какое именно из значений этого слова стало поводом для названия — сказать сложно.

Но археологические раскопки и предания говорят о том, что город существовал здесь уже задолго до строительства Плёса. Уже в IX веке здесь жили племена меря и кривичей, а местность носила название Чувиль. При раскопках в районе Плёса было найдено множество следов, оставленных древней цивилизацией: черепки глиняной посуды, железные топоры, ножи, копья, бусы, височные кольца (украшения, которые женщины вплетали в волосы у виска), кости животных и людей и многое другое.

Сведений об этом древнем поселении, которое было предшественником Плёса, практически не сохранилось. Судя по всему, Чувиль был уничтожен во время нашествия монголо-татарских полчищ хана Батыя, разоривших большинство русских городов в 1238 году. Даже после Куликовской битвы, закончившейся с небольшим перевесом в пользу русских, монголо-татары продолжали свои набеги. Но на этот раз они, возможно, стали одним из мотивов для основания города. В костромском крае скрывался со своей семьёй московский князь Василий, сын Дмитрия Донского, который и повелел соорудить на высоком берегу реки крепость.

Место для крепости было выбрано довольно удачно. Она расположилась на большой высоте, а прямой участок реки Волги, который, скорее всего, дал имя городу позволял заранее подготовиться к прохождению вражеских судов. Крепость также была защищена традиционными валами, рвами и деревянными стенами. Поначалу в городе (городом в те времена считалась крепость) было всего лишь несколько домов для дружинников, оружейные и продовольственные склады, а также небольшая церковь. Рядом с крепостью в Троицкой, Набережной и Зарецкой слободах жили посадские люди.

Сама крепость располагалась на правом берегу, а на левом были наблюдательные пункты. Но небольшие силы крепости не смогли справиться с многочисленным войском под предводительством Махмут Хази, которое разорило и некоторые более крупные русские города. Даже после того, как нападения татар на другие города Руси прекратились, маленькой крепости приходилось не раз отражать атаки небольших отрядов врага. Трудно пришлось Плёсу в «смутные времена»: город вновь был разорён врагами, на этот раз польскими интервентами. В 1609 деревянная крепость была сожжена, но уже спустя три года Плёс стал одним из центров народного ополчения.

Сгоревшая деревянная крепость в Плёсе больше не восстанавливалась. В те времена в таких укреплениях уже не было смысла. В конце века вместо сгоревшей деревянной крепости была построена каменная. Также появились несколько новых деревянных домов. Основная часть населения Плёса занималась рыболовным промыслом. Отсюда еще во времена Ивана Грозного поставляли рыбу к царскому двору.

До конца XVIII века Плёс был одним из населенных пунктов крупного костромского уезда, а в 1778 сам стал уездным центром. В городе неплохо развивалась промышленность. В те времена там была полотняная фабрика, несколько пивоварен и кузниц. Но плёсский уезд просуществовал недолго: в 1798 он был разделен между более крупными и значимыми соседними. Сам Плёс оказался в Нерехтском уезде.

Во время Отечественной войны 1812 года в Плёс эвакуировали московское театральное училище. В нем также формировали отряды костромского народного ополчения, сыгравшего не последнюю роль в разгроме наполеоновских войск.

После войны в городе появились два небольших химических завода, которые прекратили свое существование в начале прошлого века. Расположение города делало его удобным перевалочным пунктом на Волге. В Плёсе также развернулась оживленная торговля хлебом, который производили неподалеку из завезенного зерна.

В отличие от соседнего Иваново текстильный промысел здесь так и не развился на должном уровне. Зато были развиты другие кустарные промыслы: кузнечный, портновский и сапожный. Неплохо было развито в Плёсе и ювелирное искусство. Мастера делали кольца, серьги и другие украшения, которые купцы возили на Нижегородскую ярмарку. Были в Плёсе и свои резчики по дереву и металлу.

Уже в конце позапрошлого века Плёс стал популярным местом отдыха для москвичей. Там появились дачные поселки, а развивающееся пароходство только способствовало наплыву туристов. В то время в городе было такое же население, как и сейчас, — 2,5 тысячи жителей. Крупная промышленность в городе так и не развилась, но зато Плёс стал настоящим культурным центром: его облюбовали писатели и художники. Так, например, И. И. Левитан много раз бывал в этих местах и написал несколько пейзажей плёсского края. Бывал в городе и известный певец Федор Иванович Шаляпин.

Промышленность в Плёсе так и не развилась, что придаёт этому небольшому уютному городу еще большую привлекательность для туристов. Одно из немногих предприятий Плёса — один из филиалов крупной ювелирной компании. Но и сейчас главное направление, развиваемое в городе — туризм.

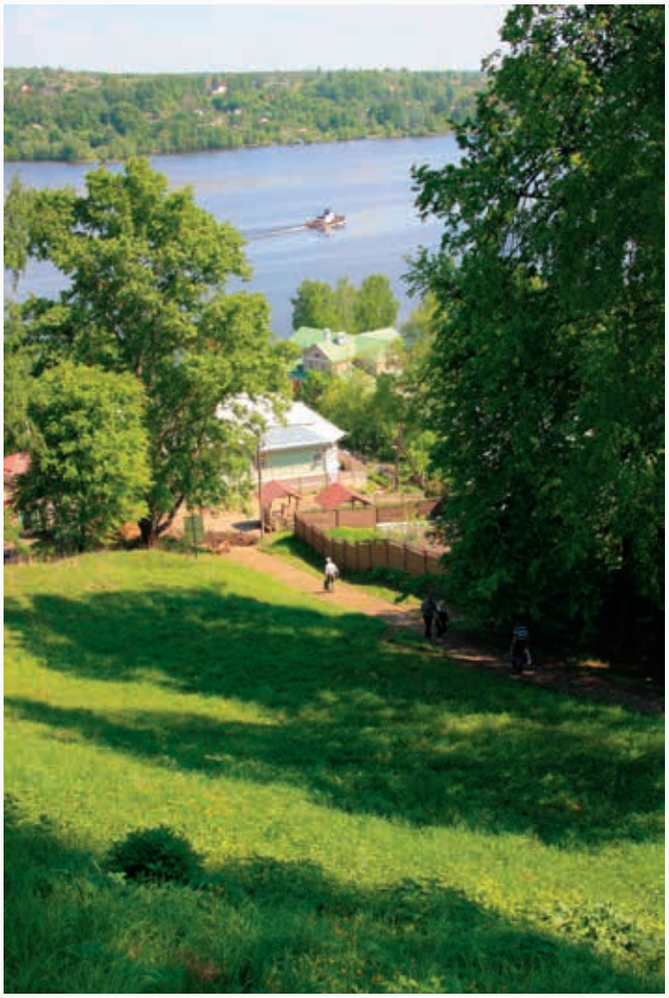
Большая энциклопедия России [Электронное издание]. М. : Хорошая погода, БизнесСофт, 2007.

Прибрежный посад хорошо виден сверху, с кромки Соборной горы, возвышающейся на 45 м. Узкий подол вытянут от устья речки Шохонки к западу до Пахомовского оврага. Улицы Советская (бывшая Нижняя набережная) и Горького (Верхняя набережная) — не характерные для русского города своей узостью — тянутся вдоль Волги. Участки с садами и огородами мизерные, зажатые между домами. В старину здесь жили купцы и ремесленники. Под склоном Соборной горы размещалась наиболее привлекательная, зажиточная часть посада, где восемь переулков круто спускались к Волге. Слева видна Воскресенская церковь с высокой колокольней

Рыбная слобода, набережная рядом с Музеем пейзажа. Низкое береговое плато завершается ул. Урицкого, переходящей здесь в ул. Луначарского. Пляжа в городе нет, тенистая аллея тянется вдоль берега, спускаясь к воде. Это и есть плес, нарушенный в 1956 г. Горьковским водохранилищем, — небольшой участок реки между двумя излучинами. В речной гидрографии плесом принято называть отдельные участки судоходного фарватера между двумя перекатами, порогами или отмелями, речные участки, имеющие на всем протяжении одинаковые условия судоходства, представляющие своеобразную единицу судоходных расчетов

*Вид на Базарную площадь с северо-западного склона Соборной горы.
Глиняный овраг с Проездным переулком соединяет нагорную часть города с посадом и пристанью.
Устье оврага расширяется и превращается в городской центр,обращенный на Волгу.
Ручей намыл песчаную косу и при закладке крепости здесь была устроена пристань.
Базарная площадь образована скромными зданиями в два этажа: верхние торговые ряды,
лавки Бакакина и Подгорнова,дом Иванчикова замыкают площадь,оставляя два нешироких съезда
к Нижней набережной. Центром площади является Воскресенская церковь*

Речка Шохонка и Рыбная слобода. В XIX в. Заречье являлось ремесленным поселением. Речка была запружена двумя плотинами с мельницами — Тараканихой и Токовой. Вдоль речки и дороги на Кинешму стояли кузницы. Слобода застраивалась деревянными пятистенками и каменно-деревянными двухэтажными домами. Среди жилой застройки выделялся большой двухэтажный дом с антресолями Подгорнова. Церковь Варвары являлась композиционным центром Рыбной слободы



Вид с северо-восточного склона Соборной горы на Речную слободу и Волгу. Здесь близ устья речки Шохонки еще до закладки крепости на горе,в XIII в. размещалось древнейшее поселение с пристанью и торгом. До конца XVIII в. Рыбная слобода существовала отдельно от г. Плеса,население слободы было приписано к Дворцовому приказу

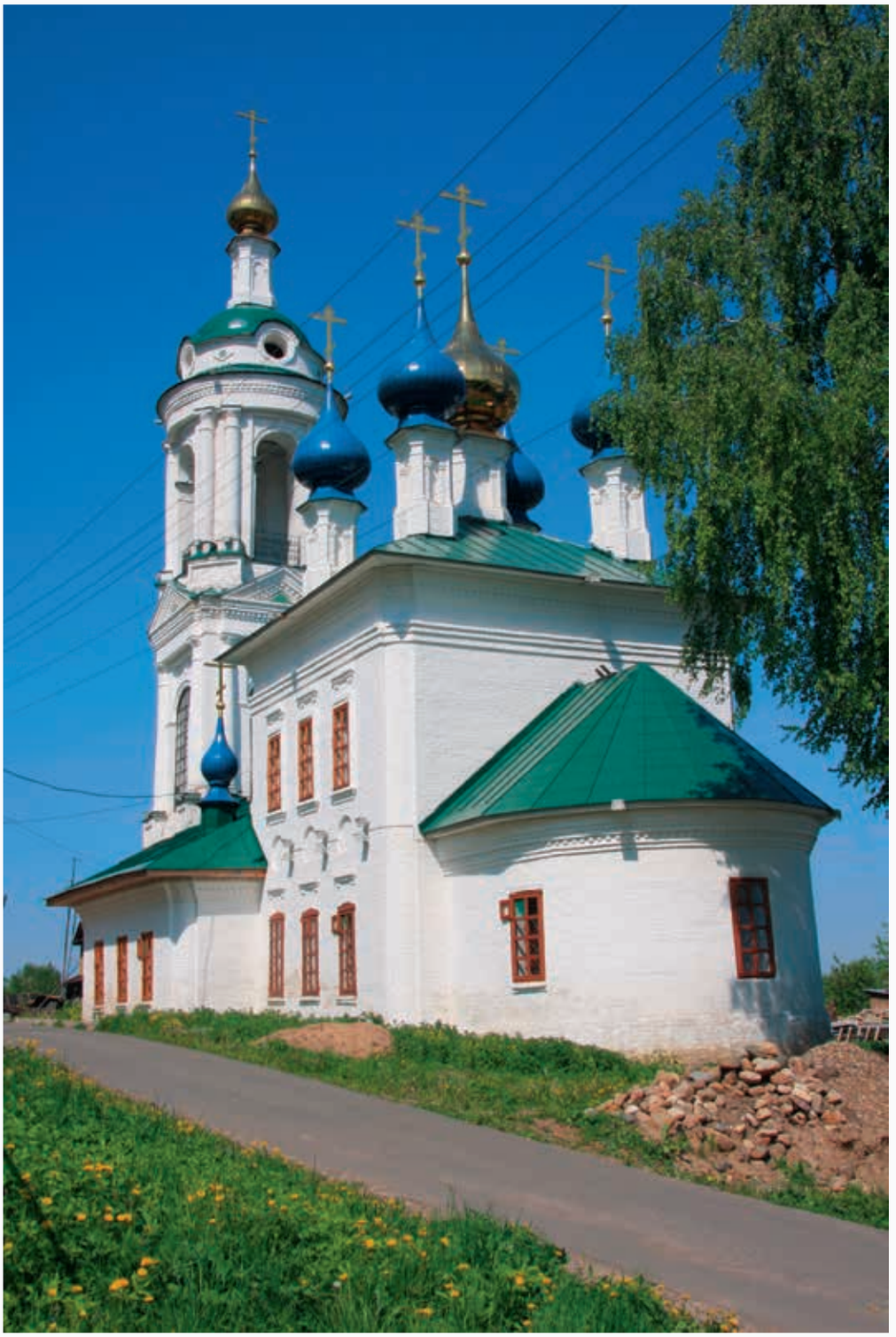
В Прибрежном посаде Верхняя набережная (ныне ул. Ленина) тянется от Базарной площади к кладбищенской Спасо-Преображенской церкви. Улочки Плеса сохранили неповторимую прелесть русского захолустья. Каменные особняки строились в Плесе до 1880-х гг.,когда была проложена железная дорога Кинешма — Иваново,и Плес утратил источники для развития и строительства. Купеческо-мещанский городок не испытал как активного вторжения капитализма,так и типового советского строительства. Все здесь пока дышит заброшенной стариной — но надолго ли этот провинциальный покой? Уже маячат предприимчивые лопахины,готовые вырубить вишневый сад ради сиюминутной прибыли

В дореволюционной России курорты были малочисленны и малодоступны. Из 600 местностей с целебными свойствами лишь 36 были организованы как курорты. В 1915 г. на съезде специалистов профессор Штанге сказал, что «каждый русский гражданин должен иметь право и возможность полечить свои недуги в своем отечестве, в своих русских лечебных местностях». В 1930-е гг. в Плесе открылся санаторий ВЦСПС на 200 коек для больных туберкулезом. Санаторий размещался в 5 зданиях, имел парк,переходящий в сосновый бор. Кроме того,в советские время в Плесе размещались Дома отдыха «Медик», текстильщиков и театральных деятелей

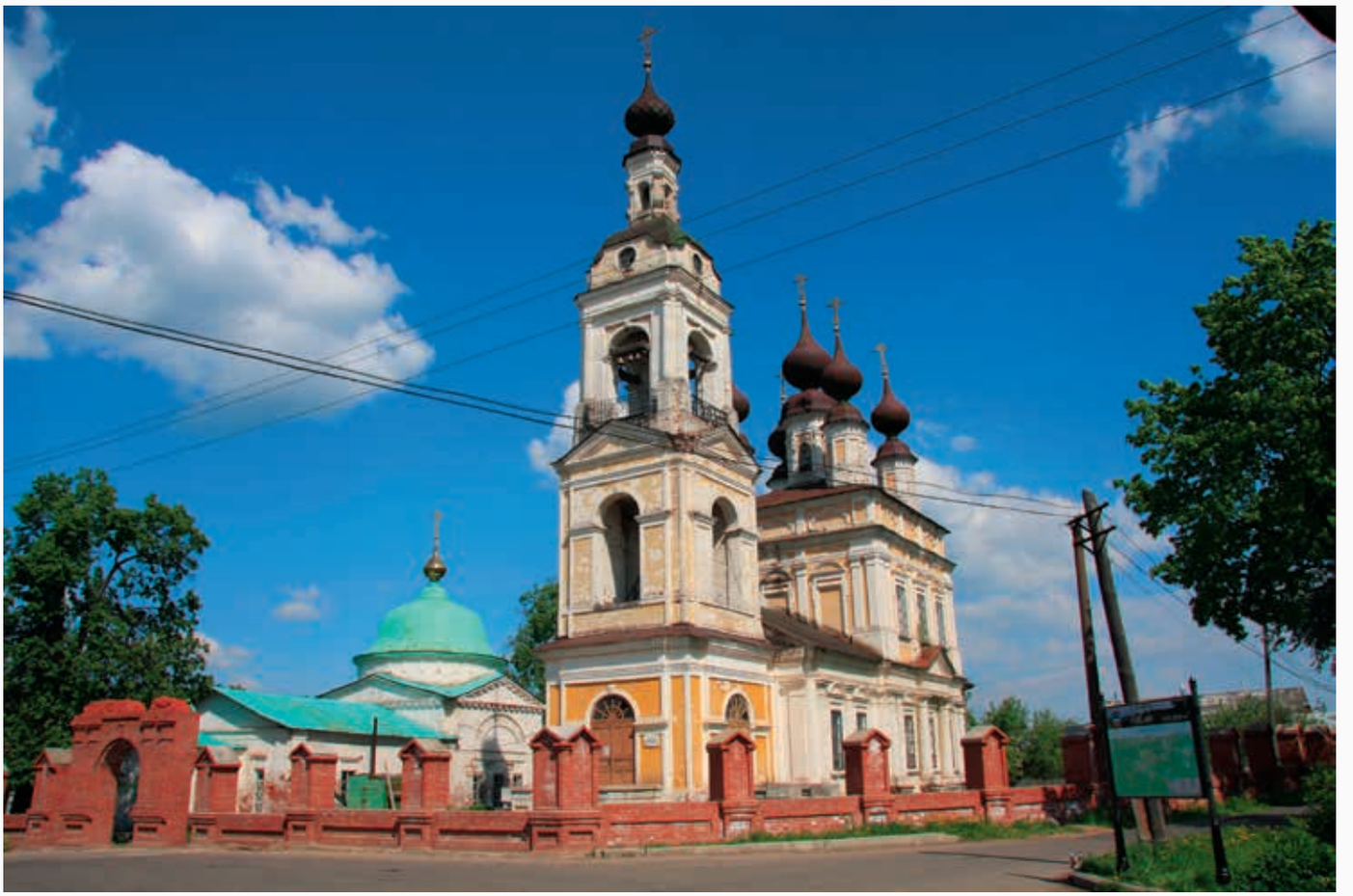
На Соборной горе в 1410 г. была возведена деревянная крепость,ставшая форпостом Руси в борьбе с булгарами за волжский торговый путь. С севера гора обрывалась к Волге,с запада к ней подступал Глиняный овраг, с востока протекала в овраге речка Шохонка,а с юга был выкопан ров,защищавший город от набегов врагов. Стены представляли собой городни,установленные на кирпичном цоколе. Посреди крепости возвышался деревянный Успенский собор. Крепость служила оборонительным пунктом и в борьбе Московского государства с Казанским ханством. В конце XVI в. крепость была разобрана,поскольку выполнила свою функцию. Соборная гора давно уже представляет собой высокий склон,украшенный великолепной березовой рощей

Воскресенская церковь является композиционным центром посада, она возвышается на Базарной площади и была построена на месте двух ветхих деревянных храмов в 1817 г. — в честь победы над Наполеоном. В облике Воскресенской церкви сочетаются черты позднего классицизма и мотивы местной ярославской архитектуры. Основной объем — высокий двухъярусный четверик с пониженной апсидой, завершенный широким пятиглавием. Высокая трехъярусная колокольня — своеобразный маяк для речных судов

Воскресенская церковь привлекает сегодня живописной игрой фактур — оштукатуренными частями, обветренным кирпичом, алебастровой лепниной. Портики с мелкой деталировкой, треугольные фронтоны, пилястры выполнены неизвестным мастером провинциального классицизма. Внутреннее убранство Воскресенской церкви не сохранилось: в 1962 г. она была приспособлена для художественных выставок. Кирпичная ограда с изящными кованными решетками ступенями спускается к Базарной площади, сохранились и Святые ворота



Церковь Варвары с Никольским приделом является композиционным центром Рыбной слободы. Она была выстроена в 1821 г. в позднеклассицистическом стиле. В писцовых книгах 1679 — 1681 гг. упоминаются деревянные церкви Варвары и Николая Чудотворца, стоявшие на этом месте рядом с кладбищем. Изящное пятиглавие храма контрастирует с несоразмерно высокой трехъярусной колокольней — колокольня являлась доминантой восточной окраины города. Таким образом, Плес имел систему высотных ориентиров: соборную церковь на горе, церковь Варвары внизу на востоке, Воскресенскую в центре внизу, Преображенскую церковь внизу на западе



Комплекс Троицкой и Введенской церквей расположен в нагорной части Плеса — Троицкой слободе.
Ансамбль был виден в прошлом от Базарной площади,сегодня березовые рощи скрывают его.
Деревянная Троицкая летняя церковь существовала на этом месте в середине XVI в.
В 1808 г. храм был перестроен в камне — в эклектичном стиле,сочетающем барокко,классицизм и местные традиции.
Высокий двусветный четверик дополнен аттиком и увенчан изящным пятиглавием.
Три яруса колокольни облачены в классицистические одежды,купол и башенка — барочные.
Введенская зимняя церковь была возведена в 1828 г. Это массивный приземистый объем,
перекрытый широким куполом и украшенный высокими портиками тосканского ордера.
К храму примыкает длинная низкая трапезная. Севернее храмового комплекса находится
двухэтажный дом причта,выстроенный в конце XIX в.

Дмитрий Викторович Фролов,
кандидат филологических наук
(г. Саранск)

САРАНСКИЕ РЕЙТАРЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Анализ вооружения на основе саранско-атемарской десятни 1679—80 г.

Современный исследователь десятен П. В. Чеченков заметил: «крайне слабая освоенность архивного материала даже в части выявления персонального состава городовых дворянских корпораций является сегодня главным препятствием для появления крупных обобщающих исследований… В целом, к настоящему времени основные вопросы истории уездных служилых корпораций, чье изучение в значительной степени основывается на десятнях, ждут своих исследователей и… остаются лишь намеченными в отечественной историографии»[1].

Наша статья имеет целью восполнение данного пробела исторического знания «в части выявления персонального состава городовых дворянских корпораций». Мы ставим задачи ввести в научный оборот имена детей боярских, мурз и татар, верставшихся по Саранску и оставшихся в рейтарском строе к 1680 г., а также кратко рассмотреть особенности прохождения службы рейтарами в России XVII в., подсчитать обеспеченность вооружением данной части городовой корпорации.

Десятни — разновидность делопроизводственной документации Московского государства XVI — XVII вв., именные военно-учетные списки служилых людей «по отечеству» (дворян и детей боярских), «составлявшиеся в военно-финансовых интересах государства, при их разборе, верстании, и раздаче им денежного жалованья и получившие значение юридического доказательства права владеть населенным поместьем»[2].

В соответствии с делением, которое проводилось в описях XVII — XVIII вв., исследователи указывают три типа десятен.

Рейтар второй половины XVII в. Реконструкция Дмитрия Антонова (г. Москва)

К рубежу XVI — XVII вв. у большинства служилых организаций великорусского центра, а также окраин государства сложилась троичная чиновная градация. Лучшие в служебном отношении представители уездных служилых организаций служили в чине выборных дворян и являлись высшим слоем городового дворянства. Средний чин городовых служилых людей носил наименование дворовых детей боярских, низший и наиболее многочисленный слой представителей уездных служилых организаций служил в чине городовых детей боярских.

Мигунов Ю. В. История происхождения и формирования уездных служилых организаций в XV — первой половине XVII вв. (на примере служилой организации Арзамасского уезда) : автореф. дис. канд. … ист. наук. Н. Новгород, 2001. С. 19.

Первый тип — «верстальные» — фиксировали зачисление на службу, составлялись при верстании (наделении) городовых дворян, детей боярских и новиков поместными и денежными окладами, подразумевавшими право на получение денежного жалования и поместной земли.

Второй тип — «разборные» — оценивали готовность к военной службе (обеспеченность землей, вооружением, число людей, которых сын боярский может выставить на службу, их вооружение; процесс такого ранжирования назывался «разбором»).

Третий тип — «денежной раздачи» — составлялись при выдаче денежного жалования. Если при этом денежного верстания не проводилось, то жалованье выдавалось по предыдущей («старой») десятне в прежних размерах. До 1608 г. денежные оклады назначались по трем особым категориям: «первые деньги», «другие деньги» и «свершенные деньги». После Смуты такое деление исчезло.

Формуляр десятни не был устойчив и зависел от времени, целей создания и состава данного «города». Велись десятни в Разрядном приказе, ведавшем служилыми людьми и военным управлением.

Если Атемарская десятня 1669—70 г. имела целью рассмотреть всех служилых людей «на лицо» вообще, то перед составителями документа 1679—80 г. ставились совершенно иные цели — рассмотреть только рейтар (как правило, это были беднейшие городовые дворяне), а не всю служилую корпорацию; выбрать из них «вновь» копейщиков и переверстать часть помещиков из рейтар в солдатский строй. В оригинале читаем об этом: «В нынешнем во 188-м году, по указу великаго государя царя и великаго князя Феодора Алексевича и по грамотам и по указным статьям из Рейтарского Приказу, в Саранску, воевода Павел Петрович Языков да подьячий Андрей Степанов, атемарских помещиков и вотчинников русских людей и мурз, и татар, старых рейтар и новиков, которые по разбору прошлого 187 году из городовой службы и из недорослей писаны в рейтары ж, пересмотрели и разобрали с окладчики; а копейщиков выбрали вновь из рейтар, потому что на Атемаре копейщиков наперед сего не было, и, разобрав копейщиков и рейтар, для службы великаго государя расписали по полкам. А кто в копейщики и в рейтары и в солдаты написаны, и что есть за ними поместий и вотчин и сколько за кем крестьян и бобылей и задворных людей, и за пустопоместными сколько в дачах поместных… и всяких земель… и сколько за кем на службе людей с боем и в кошу будет, и то писано в сем разборном списке под их имяны, ниже сего по статьям»[3].

Если в десятне 1669—70 г. значатся 89 рейтар, из которых дворян было всего 13, а остальные были поверстаны из русских казаков и казаков-татар, то в исследуемом документе все оставшиеся к 1680 г. рейтары поверстаны из детей боярских, дворян, мурз и татар. Всего на рейтарской службе по Саранску и Атемару в результате разбора 1680 г. оставлены 200 человек.

Десятни составлялись по решению центральной власти в определенные годы в соответствии с единой программой, обыкновенно на общевойсковых смотрах. В идеале периодичность должна была составлять 8 — 10 лет (что можно видеть и из… Атемарских десятен 1679—80 гг. и 1669—70 гг., предыдущие к которым, несохранившиеся десятни, очевидно, как это можно судить из текстов, были составлены в 1651—1652 гг. и 1641—42 гг.). Начало проведения смотра, раздачи жалованья и составления десятен всегда определялось царским указом. Указ устанавливал время проведения смотра и состав верстальщиков (как правило, это были полковые воеводы), а также дьяков, ответственных за составление десятен. Вместе с указом составлялся специальный наказ, выдававшийся составителям десятен. Наказ определял, будет ли проведен разбор, поместное и денежное верстанье, денежная раздача (и в каком размере), будут ли верстаться новики и на каких условиях… Проводившиеся иногда вместе разбор и верстание или разбор и выдача денежного жалования породили смешанные типы десятен — десятни разбора и верстания или десятни разбора и выдачи денежного жалования.

Чеченков П. В. Десятни как источник изучения нижегородского служилого «города». URL.: http://www.opentextnn.ru/history/istochnik/istXIII-XIX/?id=312

Богатый служилый дворянин XVII в.

Также в десятне значатся 14 мелкопоместных дворян и детей боярских, записанных из рейтар в солдатский строй; из них 6 помещиков также переписаны из рейтар в солдаты, однако «служить им с братьями и с детьми и с племянники погодно, по переменам»[4].

Двадцать три атемарца «казачьи дети, служили рейтарскую службу, а ныне… служить им солдатскую службу»[5], из которых восемь человек будут служить «для безлюдства попеременно, погодно»[6].

Пять мурз и татар также из рейтар переведены в солдатскую службу[7].

Три дворянина (два из которых уже оставлены по старости от службы — А. В. Палибин и Ф. А. Шурловский) оставлены служить по городу[8].

Тринадцать русских дворян и татарских мурз отставлены от службы по старости, из-за ран и увечий. Из них четыре городовых дворянина[9], в особой статье записан выборный сын боярский Григорий Васильевич Алферьев, имевший оклад в 990 четей земли и 56 руб. деньгами[10]. Отдельно значатся и 8 мурз и татар[11].

Таким образом, всего в данном документе числятся 258 человек.

Объектом нашего рассмотрения являются не все эти люди, а только те 200, что оставлены на рейтарскую службу, а также копейщики из их числа, что были «выбраны из рейтар вновь».

В середине XVI — XVII вв. рейтары представляли собой род западноевропейской кавалерии, ведущей бой в правильных, линейных боевых порядках; их особенностью было активное применение в ближнем бою огнестрельного оружия — пистолетов и карабинов. В эпоху кризиса европейского воинского сословия этот разряд войска стал альтернативой традиционной рыцарской, дворянской коннице, постепенно вытеснив ее из состава действующей армии или вынудив перейти на новые формы боя (в основном типа «пистольеров» или «кирасир»). Весь этот процесс был метко назван немецким историком Г. Дельбрюком «преобразованием рыцарства в кавалерию»[12].

О. А. Курбатов выделил следующие этапы развития русской рейтарской конницы в XVII в.

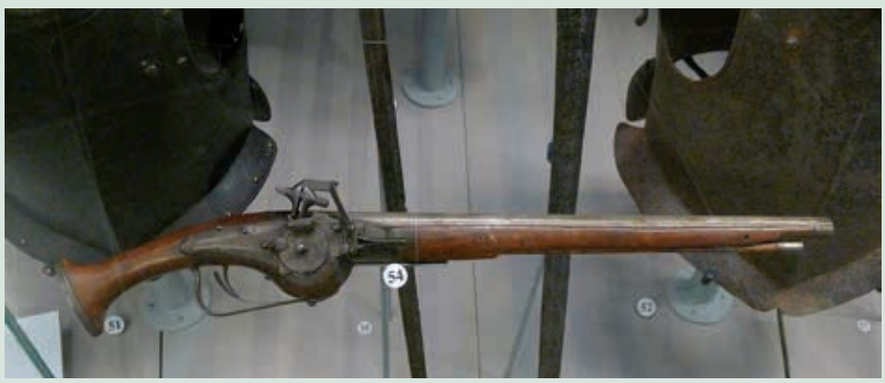
I. 1633 — 1634 гг. Первый опыт формирования и боевого применения полка рейтарского строя (в ходе Смоленской войны 1632 — 1634 гг.).

II. 1649 — 1653 гг. Создание учебного полка Исаака Фанбуковена и подготовка в его рядах национальных кадров начального состава пехоты и кавалерии «нового строя».

III. 1654 — 1658 гг. Создание и активное боевое применение шести «тысячных» полков рейтарского строя в войнах с Речью Посполитой и Швецией.

IV. После 1658 — 1660 гг. Превращение рейтарского строя в стандартный вид русской полевой конницы, поэтапно в Белгородском, Смоленском, Новгородском разрядах, замосковных, украинных и понизовых городах. Для Саранска и Атемара это был 1678—79 г., когда в массовом порядке городовые дворяне были поверстаны в рейтарскую службу.

«В рядовой состав рейтар на добровольной основе принимались малообеспеченные дети боярские и служилые татары. В качестве образца снаряжения послужила модель западноевропейских рейтар („аркебузиров“), его составляли пара пистолетов, карабин, шишак и двусторонняя кираса. Поголовное вооружение рейтар карабинами говорит об образе боя этого полка — с макси-



Рейтарская пистоль. Современная реконструкция

Рейтарский карабин. Современная реконструкция

мальной опорой на залповую стрельбу. Существовали рейтары за счет высокого „подъемного жалования“ (по 30 руб. в год) и выдачи казенного комплекта вооружения („рейтарской службы“), и поэтому не зависели от состояния своих поместий.

Вооружая таким образом своих служилых людей „по отечеству“, правительство разом решало две задачи: возвращение в конный строй заведомо не способных к „дальней полковой службе“ нищих детей боярских, и получение взамен прекрасно экипированной и обученной линейному бою части»[13].

В большинстве случаев дети боярские записывались в «рейтарский строй» того же «титульного» полка, куда распределяли и их соседей по уезду, служивших сотенную службу. С момента создания 6 первых рейтарских полков, активно проявивших себя в ходе Русско-Польской войны, уроженцы мордовского края служили в двух из них. О. А. Курбатов указывает, что «третья тысяча» (полк Ф. А. Фанбуковена) в значительной мере была укомплектована дворянами и детьми боярскими из Передового полка (Арзамас, Углич, Бежецкий Верх, Романов, романовские татары и новокрещены, Можайск и др.). В «четвертой тысяче» (полк В. В. Кречетникова) были включены новые рейтары из северных «замосковных» уездов (Тверь, Торжок, Зубцов, Ржева Володимерова) и из низовых городов (Казань, Свияжск, Алатырь, Курмыш, Атемар).

С 1658 — 1660 гг. полки рейтарского строя стали основным видом царской полевой конницы. В силу их слабого обеспечения доспехами русских рейтар нельзя считать аналогом тяжелой или ударной кавалерии Западной Европы. Это хорошо видно из анализа О. А. Курбатовым боевого применения данных частей. Так, рейтары осуществляли разведывательную и дозорную службу и отправлялись в дальние скорые «посылки» гораздо чаще конных сотен[14].

В Атемарской десятне 1679—80 г. содержатся ценные сведения об участии саранских помещиков в трех видах полков на разных этапах развития рейтарской конницы России:

1) тысячи 1654 — 1658 гг. (в которых из атемарцев служили только «старые рейтары», взятые на службу с 1654 г.);

2) полки территориальные 1659 — 1660 гг., формировавшиеся в ведении Казанского дворца. Снабжались по другим нормам, пока не исследованным, хотя логично предположить, что карабины и пистолеты, как и латы, могли забираться у рейтар в казну по окончании похода — отчего они и служат с неполным комплектом вооружения в 1680 г. История этих полков не изучена;

3) полки сводные 1679 — 1680 гг., с копейщиками (нововведение для всех разрядов, кроме Белгородского), когда прошли разборы, в ходе которых вместо старых сложившихся полков всех помещиков свели поуездно вместе, старых рейтар и новых.

В исследуемой десятне отсутствуют сведения только о вооружении 10 дворян (из 200, т. е. 5 %).

Мурз и татар было 45 человек из 200 (т. е. 22,5 %; или 58 из 258, т. е. также 22,5 %).

4 человека из 200 (т. е. 2,0 % саранских дворян) служили с саадаками, причем у трех кроме лука были обязательные пистолеты, и только крещеный татарин Дмитрий Исянгилдин, у чьего брата отбили под Чигириным пару пистолей и карабин, «служил государеву службу» с саадаком и саблей. С саадаком, пистолетом и саблей должен был явиться по царскому зову и шляхтич Иван Вороблевский. У Григория Прокофьевича Карачурина и Петра Павловича Ульянина кроме луков были по паре пистолей из государевой казны и личные сабли.

В вооружении саранских помещиков-рейтар обязательным холодным оружием была сабля — у 167 из 200 (т. е. у 83,5 %).

Рейтарский шлем XVII в.

Рейтарские латы XVII в.

Огнестрельное оружие распределялось следующим образом: всего в десятне у 200 рейтар значится 418 единиц, карабинов 192, из которых казенных 131 (15 утрачены или отбиты) и личных 38. Пистолетов 249, казенных 183 (51 утрачен) и 66 личных. Всего при разборе 1680 г. у помещиков оказалось в наличии 352 единицы (198 пистолетов и 154 карабина).

69 дворян (или 34,5 %) служили с боевыми холопами численностью 70 человек. При этом «на бою с пищалью» был всего 1 холоп, «на бою с саблею» — 3. «В кошу» — 66 холопов, из которых 34 с бердышами, а остальные без оружия. У братьев Еремея и Лаврентия Жулебиных и Ивана, Мартына и Клементия Юрасовых имелось по одному холопу в кошу без оружия. У 4 дворян было по 2 холопа: у Степана Ивановича Аникиева один с саблей, второй в кошу с бердышем; у Ивана Алексеевича Аленина один человек за ним с саблей, второй в кошу; у Ивана Григорьевича Чарыкова «человек за ним с боем, бою пищаль; да человек в кошу с бердышем»; у Петра Ивановича Мартынова «человек с боем да другой в кошу»[15]. Остальные дворяне были на службе с одним боевым холопом или вообще без таковых.

Рейтары и копейщики были расписаны по 13 статьям.

ДЕСЯТНЯ 1679—1680 г.
Вооружение и контингент, с которыми саранские и атемарские дворяне, дети боярские, мурзы и татары обязаны явиться на службу по разбору воеводы Павла Петровича Языкова и подьячего Андрея Степанова 1680 г.*

Дворяне, которые до 1678—79 г. несли городовую службу, затем были поверстаны в рейтары, а в 1680 г. были выбраны из рейтар в копейщики

№ п/п	Фамилия, инициалы	Сабля	Пистолет		Карабин		Боевые холопы				Всего единиц оружия
							в «бою»		в «кошу»		
			из казны	личный	из казны	личный	огнестрельное/ пищаль	холодное/сабля	безоружия	с оружием (бердыш)	
1	Аникиев С. И.		2		1			1		1	5
2	Милохов Н. С.	1	2								3
3	Аникиев И. И.	1	1	1	1				+		4
4	Аленин И. А.			2	1			1	+		4
5	Чуфаров Н. А.	1			1				+		2
6	Синбугин С. И.	1	2						+		3
7	Чуфаров П. А.	1	−2		1					1	3
8	Ульянин С. С.	1	2		1					1	5
9	Беликов Д. И.	1	−2		1				+		2
	Итого	7	13—4**	3	7			2	5	3	31

* Таблицы приводятся по статьям в десятне. Братья или родственники, значащиеся в «одной сказке», в таблицах расположены под одним номером в разных строках, а также обозначены разными буквами (например 77 А и 77 Б). Порядковый номер дворянина в таблицах соответствует номеру сказки в десятне.

** Здесь и далее первая цифра указывает количество выданного правительством оружия (в данном случае пистолетов), вторая цифра — количество утраченного по разным причинам оружия к моменту составления десятни.

Неповерстанные дворяне, которые до 1678—79 г. несли городовую службу, затем были записаны в рейтары, а в 1680 г. были выбраны из рейтар в копейщики

№ п/п	Фамилия, инициалы	Саадак	Сабля	Пистолет		Карабин		Боевые холопы				Всего единиц оружия
				из казны	личный	из казны	личный	в «бою»		в «кошу»		
								огнестрельное/ пищаль	холодное/ сабля	безоружия	с оружием (бердыш)	
10	Своитинов Ф. В.		1	−2		1				+		2
11	Дмитриев К. Л.					1					1	2
12	Нечаев И. С.			1		1				+		2
13	Дмитриев А. Л.			2							1	3
14	Карачурин Г. П.	1	1	2							1	5
15	Чарыков И. Г.		1	2				1			1	5
16	Ананьин С. Н.		1	1	1						1	4
	Итого	1	4	10—2	1	3		1		2	5	23

Натруска (оборотная сторона). XVII в.

Седло рейтарское с ольстрами

Лядунка. XVII в.

Дворяне, которые до 1678—79 г. несли городовую службу, затем были поверстаны в рейтары, а в 1680 г. были также переверстаны в рейтары

№ п/п	Фамилия, инициалы	Саадак	Сабля	Пистолет		Карабин		Боевые холопы в «кошу»		Всего единиц оружия
				из казны	личный	из казны	личный	безоружия	с оружием (бердыш)	
17	Лехотников А. Л.			2		1			1	4
18	Маслов С. И.		1			1			1	3
19	Романов П. Я.		1	2			1		1	5
20	Романов А. Я.		1	2			1			4
21	Сыропятов Н. Я.				2	1				3
22	Насакин И. К.		1		1	1				3
23	Ульянин П. П.	1	1	2						4
24	Тарханов Г. И.		1	1			1			3
25	Михалчуков Ф. С.				2		1		1	4
26	Каменев П. Е.		1	−2			1	+		2
27	Лазарев Н. Т.		1	1		1			1	4
28	Щукин С. П.				1	1		+		2
29	Зазеркин Г. А.		1	2		1			1	5
30	Тарханов М. И.		1	1			1	+		3
31	Скрябин И. И.		1	−1			1		1	3
32	Юдин С. И.			1		1				2
33	Зимнинский В. А.		1			1				2
34	Зимнинский Е. Т.		1	1			1			3
35	Зазеркин И. А.		1	1			1		1	4
36	Езовской Г. Д.		1		1	1				3
37	Лехотников А. Д.		1			1				2
38	Горылев П. Г.		1	2			1			4
39	Палибин С. С.		1	1		1				3
40	Алашеев Р. Г.			2		1			1	4
41	Жадовской Д. Ф.		1			1				2
42	Кадышев С. П.		1		1	1				3
43	Воронин Ф. Л.		1	2			1			4
44	Лехотников В. И.		1			1			1	3
	Итого	1	22	26—3	8	16	11	*3*	10	91

Рейтары неверстанные

№ п/п	Фамилия, инициалы	Саадак	Сабля	Пистолет		Карабин		Боевые холопы				Всего единиц оружия
								в «бою»		в «кошу»		
				из казны	личный	из казны	личный	Отнестрельное / пищаль	Холодное / сабля	без оружия	с оружием (бердыш)	
45	Левашев Д. Н.		1			1						2
46	Левашев А. Н.		1		2	1						4
47	Загарин Н. К.		1		1	1					1	4
48	Пилюгин П. П.		1		1	1						3
49	Самороков Т. Ф.		1	1	1						1	4
50	Дмитриев Д. Л.			2								2
51	Новиков Н. С.		1	2			1					4
52	Мальцов О. Д.		1			1						2
53	Юрасов М. Ф.		1	2			1					4
54	Жадовской В. Ф.		1	2								3
55	Ховрин И. И.		1	2		1						4
56	Неронов Л. И.		1			1						2
57	Лехотников Д. Т.		1	2						+		3
58	Новиков К. В.		1	1	1	1				+		4
59	Метлин Г. И.					1						1
60	Аристов Н. И.		1	2		1						4
61	Телешев А. Г.		1	2		1						4
62	Нездин Т. И.		1	2			1					4
63	Новиков К. В.		1	2		1						4
64	Исаев Т. М.		1			1				+		2
65	Мякишин С. П		1			1						2
66 А	Китов В. Н.		1	1			1					3
66 Б	Китов Ф. Н.		1	2			1					4
67	Сыропятов А. М.		1	1	1		1				1	5
68	Жадовской Н. Ф.		1			1						2
69	Зазеркин Ф. Л.		1	2		1						4
70	Мякишин В. П.		1				1					2
71	Езовской С. Ф.		1	1		1				+		3
72	Апраксин А. А.		1	1		1					1	4
73	Маслов П. И.		1			1						2
74	Оленин И. В.				2	1				+		3
75	Степанов И. С.		1		1	1				+		3
76	Смолков В. С.		1		1	1				+		3
77 А	Метлин И. А.		1		1	1						3
77 Б	Метлин Л. А.		1	1			1				1	4
77 В	Метлин Е. А.		1				1					2
78	Крыжин Т. И.		1		1	1						3
79	Скрябин Н. И.		1	2								3
80	Зенин П. Н.		1			1				+		2
81	Курунтяев Е. Е.		1	1		1					1	4
82	Палибин А. А.		1	2		1				+		4
83	Иртлин Е. И.			1			1			+		2
84	Издемиров Н. Б.		1		1	1				+		3
85	Смолков А. А.		1	1	1		1				1	5
86	Юматов М. И.		1	2							1	4
87	Жадовской А. Ф.		1			1						2
88	Буланов И. С.		1		2		1					4
89 А	Синбугин Л. П.		1	2								3
89 Б	Синбугин И. П.		1	2								3
90	Игумнов Л. Ф.		1			1					1	3
91	Игумнов П. Л.		1			1				+		2
92	Метлин Ф. С.		1	2						+		3
93	Хардин Т. Г.			2		1				+		3
	Итого	—	48	48	17	32	12	—	—	*14*	9	166

Дворяне и дети боярские старых наборов, прошлых лет, а поверстанные в 1680 г. в рейтары (дворяне, которые состоят на службе 20 — 25 лет)

№ п/п	Фамилия, инициалы	Доспехи из казны		Сабля	Пистолет		Карабин		Боевые холопы				Всего единиц оружия
									в «бою»		в «кошу»		
		«Шишак»	«Латы»		из казны	личный	из казны	личный	Огнестрельное/ пищаль	Холодное/ сабля	без оружия	с оружием (бердыш)	
94	Юрасов И. И.	–1	–1	1	2—1		–1	1					3
95	Колюпанов Я. А.	–1	–1	1	1	1	1						4
96	Насакин Р. В.			1	–2	1	–1	1				1	4
97	Алашеев П. И.			1				1			+		2
	Итого	–2	–2	4	5—3	2	3—2	3			*1*	1	13

«Старых наборов рейтары, а поместными и денежными окладами они не верстаны»

№ п/п	Фамилия, инициалы	доспехи из казны		Сабля	Пистолет		Карабин		Боевые холопы				Всего единиц оружия
									в «бою»		в «коше»		
		«Шишак»	«Латы»		из казны	личный	из казны	личный	огнестрельное/ пищаль	холодное/ сабля	без оружия	с оружием (бердыш)	
98	Сыропятов М. Г.	–1	–1	1	–2	1	2—1				+		3
99	Горылев А. Г.	–1	–1	1	2		1						4
100	Любовцов М. П.	–2	–2	1	–2	2	–1	1					4
101	Полумордвинов А. П.			1				1					2
102	Ананьин И. С.			1		2						1	4
103 А	Загарин К. Ф.			1		2		1				1	5
103 Б	Загарин А. Ф.			1		1		1				1	4
104 А	Мартынов П. И.			1	2					1	+		4
104 Б	Мартынов М. Ф.			1			1				+		2
	Итого	–4	–4	9	8—4	8	5—2	4		1	*3*	3	32

«Рейтары,.. дворяне и дети боярские, служить им велено по разбору для безлюдства погодно»

№ п/п	Фамилия, инициалы	Сабля	Пистолет		Карабин		Боевые холопы				Всего единиц оружия
							в «бою»		в «кошу»		
			из казны	личный	из казны	личный	огнестрельное/ пищаль	холодное/ сабля	без оружия	с оружием (бердыш)	
105 А	Жулебин Л. Ф.	1				1					2
105 Б	Жулебин Е. Г.	1		1					+		2
106	Полумордвинов Т. В.			2	1						3
107	Полумордвинов Ф. В.			2	1						3
108	Жуков П. Г.	1		1	1						3
109	Сыропятов Н. Я.										Нет данных
110	Сыропятов Е. Я.			2	1						3
111	Тенютин Ф. Б.	1			1						2
112 А	Пенков Г. С.	1			1						2
112 Б	Пенков Б. С.	1	2								3
	Итого	6	2	8	6	1			*1*		23

«Рейтары неверстанные, дворяне и дети боярские, служить им велено по разбору для безлюдства погодно»

№ п/п	Фамилия, инициалы	Сабля	Пистолет		Карабин		Боевые холопы				Всего единиц оружия
							в «бою»		в «кошу»		
			из казны	личный	из казны	личный	Огнестрельное/пищаль	Холодное/сабля	без оружия	с оружием (бердыш)	
113	Гольцов З. С.	1	2						+		3
114	Ховрин Г. А.	1			1						2
115 А	Юрасов А. Е.		1		1						2
115 Б	Юрасов И. Е.	1	2		1						4
116	Пахомов А. И.				1						1
117	Корчагин Т. И.	1			1						2
118 А	Маматов Савелий Л.	1		1							2
118 Б	Маматов Степан Л.	1			1						2
119	Зубарев В. С.	1	2—1		1						3
120	Кочергин Ф. Л.	1			1						2
121 А	Юрасов И. Ю.	1		2		1					4
121 Б	Юрасов М. Ю.	1			1				+		2
121 В	Юрасов К. Ю.	1			1						2
122	Скрябин И. А.		2		1						3
123	Маматов А. С.			2	1						3
124	Любовцов А. П.	1	2			1					4
	Итого	12	11—1	5	12	2			*2*		41

«Дворяне и дети боярские объявились сверх списку, вновь и... написаны по окладчиковым сказкам в рейтары»

№ п/п	Фамилия, инициалы	Доспехи из казны		Сабля	Пистолет		Карабин		Боевые холопы				Всего единиц оружия
									в «бою»		в «кошу»		
		«Шишак»	«Латы»		из казны	личный	из казны	личный	Огнестрельное/пищаль	холодное/сабля	без оружия	с оружием (бердыш)	
125	Богатырев С. Н.	−1	−1	1	−2	1	2—1						3
126	Степанов Т. С.			1		1						1	3
127	Пилюгин П. П.			1		1						1	3
128	Кочергин В. Л.			1			1						2
129	Грязнов М. Д.			1			1						2
130	Зенин В. Ф.			1				1					2
131	Внуков Н. Н.			1								1	2
132	Исаков Ф. Ф.			1		2		1					4
133	Демьянов И. П.			1		1					+		2
	Итого	−1	−1	9	−2	6	4—1	2			*1*	*3*	*23*

«Иноземец, шляхтич»

№ п/п	Фамилия, инициалы	Саадак	Сабля	Пистолет		Карабин		Всего единиц оружия
				из казны	личный	из казны	личный	
134	Вороблевский И. И.	1	1		1			3

«Атемарцы, рейтары, у разбору не были»

№ п/п	Фамилия, инициалы	Доспехи из казны		Сабля	Пистолет		Карабин		Всего единиц оружия
		«Шишак»	«Латы»		из казны	личный	из казны	личный	
141	Мордвинцов А. И.	−1	−1	1	−2			1	2
142	Пуской П. Н.			1	−2		−1	1	2
143	Порозов С. П.	−1	−1	1	−2	1	−1		2
	Итого	−2	−2	3	−6	1	−2	2	6

«Атемарцы, рейтары, у разбору не были», которые «на службе... в Киеве»

№ п/п	Фамилия, инициалы	Вооружение
135	Загарин Г. Т.	Нет данных
136	Загарин Ф. Т.	
137	Загарин А. Т.	
138	Загарин Е. Ф.	
139	Резов С. А.	
140	Смолков Ф. А.	

«Рейтары мурзы и татаровя», которым «велено... служить рейтарскую службу»

№ п/п	Фамилия, инициалы	Доспехи из казны		Сабля	Пистолет		Карабин		Всего единиц оружия
		«Шишак»	«Латы»		из казны	личный	из казны	личный	
144	Уразгильдеев Кулмай	–1	–1	1	2—1		1		3
145	Емешев Токтар		–1	1	2		1		4
146	Делеев Алкай	–1	–1	1	1		1		3
147	Семаев мурза Баймаш			1	2		–1		3
148	Токбулатов Акбулат			1	2		1		4
149	Сюнчалеев Ишмамет			1	2—1		1		3
150	Тлевлеев мурза Уразкай	–1	–1	1	1	1	1		4
173	Томин Дмитрий			1	–2		1		2
151	Кошелев Микула		–1	1	1		1		3
152	Баймаметев Тлевлей			1	1		–1		2
153	Акбулатов Ертуган		–1	1	–2		1		2
154	Семаев Ишкай	–1	–1	1	2		1		4
155	Битудин Бибулат			1	1		1		3
156	Досаев Кортлай			1	1		1		3
157	Енбулатов Актуган		–1	1	2—1		–1		2
158	Ишеев Богдан	–1	–1	1	–2		–1		1
159	Ялтудин Айбулат		–1	1	2		1		4
160	Тимофеев Савелий		–1	1			1		2
161	Кульсеитов Козей			1	–2		1		2
162	Кутломамет Зубарев	–1	–1	1			1		2
180	Токташев Толубай			1	–2		–1		1
163	Байбулатов Уразай			1		2	–1	1	4
164	Тешев Агилдя			1	1		1		3
165	Аюкаев Мартын			1			1		2
166	Демекеев Келмеш			1			1		2
167	Ураскаев Уразмамет			1	–2	2	1		4
168	Булатов Алкатон	–1	–1	1	–1	1	–1		2
169	Миняшев Тлевлей			1	1		1		3
170	Алмаметев мурза Акмамет			1	–2		1		2
171	Салбаев Козей			1					1
172	Исянгилдин Дмитрий		–1	1 саадак	–2		–1		2
174	Балашев мурза Невер			1	–2		1		2
175	Баймашев Килмаш			1			1		2
176	Таишев Лукьян			1	2—1		1		3
177	Байбулатов Алмакай			1	–2		1		2
178	Ишмакаев мурза Уразмамет			1	–1		1		2
179	Сюнбаев Исяй			1			1		2
181	Байков Токбулат			1			1		2
182	Байков Айдяр			1	2		1		4
183 А	Яваев Албай								Нет данных
183 Б	Исянгилдин Сюняш								
183 В	Акбулатов Ишелей								
184	Яваев Албай			1	2		1		4
185	Исянгилдин Сюняш			1	–2		1		2
186	Акбулаев Ишелей			1	–2		1		2
	Итого	–7	–14	42+1	55—29	6	41—8	1	109

В десятне у дворянина Якова Артемьевича Колюпанова, служившего рейтарскую службу 25 лет, т. е. с 1654 г., значились выданные из казны: «карабин, да пистоль, да латы и шишак, и те латы и шишак отбиты на бою под Синбирском»[16], т. е. в ходе Крестьянской войны 1670 — 1671 гг. Аналогичны записи у следующих дворян, также служивших рейтарскую службу 25 лет: Михаилу Григорьевичу Сыропятову: «великого государя жалованья выдано... из казны ружья: шишак да латы да карабин да пара пистолей, и те латы и шишак, и карабин, и пистоли отбили под Синбирском воровские казаки; да вновь дано ему из казны под Чигириным: карабин», с которым он и явился на смотр; Андрей Григорьевич Горылев получил «государева жалованья: шишак да латы, и те латы да шишак под Синбирском воровские казаки отбили», а «карабин и пистоли госу-

Способ крепления карабина к пантальере

дарева жалованья» остались у владельца; Максим Путилович Любовцов получил «государева жалованья: шишак да латы, карабин и пара пистолей, и то ружье, и латы, и шишак, отбиты на бою на реке Басе; а вновь под Чигириным дано ему: шишак да латы, и тот шишак и латы отбили турские люди под Чигириным»[17].

Близка к предыдущим история дворянина Ивана Ивановича Юрасова, который служил рейтарскую службу с 1659—60 г.: «Великого государя жалованья выдано ему: карабин, пара пистолей да шишак и латы, и то ружье на службе великого государя в польских городах на бою под Губарями отбито»[18].

В «сказке» Семена Никифоровича Богатырева значится, что он «учал служить великого государя полковую службу с городом 6 лет, а рейтарскую службу служит с 25 лет. Великаго государя выдано ему из казны ружья: шишак и латы и карабин да пара пистолей; а шишак да латы и карабин да пара пистолей отбиты на Басе реке в Углах; да вновь выдано ему, под Чигириным карабин»[19].

В сказках некоторых русских дворян и татар значится, что «латы и шишак даны двоим», данная формулировка объясняется очередностью службы: в первой половине XVII в., после Смуты, береговую и полковую службы служили по «половинам», поскольку ежегодно «подниматься» в поход многим дворянам не позволяло состояние хозяйства. Таким образом, выходили на службу раз в два года. После того как дворян зачислили в рейтары, латный комплект выдавался на боевую единицу в полку, которая менялась раз в год. Явление это сугубо российское, характерное для немногих полков.

Интересная запись содержится в «сказке» Алки Делеева: «служит великаго государя рейтарскую службу 20 лет и больше. Ружье ему дано из казны: карабин да пистоль; а латы и шишак даны двоим с рейтаром с Баймашем мурзою Семаевым; а латы и шишак покинуты в Крыженском уезде, в селе Речках»[20]. Ишкаю Семаеву и Бибулату Битудину кроме карабина и пары пистолей также были даны на двоих «шишак и латы, и те латы и шишак отбиты под Чигириным в кошах»[21]. У крещеного татарина Василия Томина в «сказке» написано: «дано ему великого государя жалованья: карабин да пара пистолей, и та пара пистолей отбита на бою под Чигириным, а латы и шишак даны ему с Уразкаем мурзой Тлевлеевым, и те латы покинуты в Крыжском уезде, в селе Речке»[22].

Исходя из данных десятни можно сделать вывод, что некоторым рейтарам, поверстанным при создании первых 6 тысячных полков правительство в 1654 г., а также полков, находившихся в ведении приказа Казанского дворца в 1559 — 1660-е гг. (в ходе Русско-Польской войны) выдавало полный комплект положенного вооружения (например, Я. А. Колюпанову и И. И. Юрасову, хотя первому была выдана только «одна пистоль»). Однако в «сказке» Петра Ивановича Алашеева читаем: «служил он рейтарскую службу лет с 20 и больше (т. е. был поверстан в конце 1650-х гг.), а из казны великого государя ружья ему не выдано; служил со своим ружьем»[23], таким образом, некоторые провинциальные рейтары по 20 лет служили с личным оружием.

Как видно из документа, во второй половине 1660-х и в 1670-е гг. верставшимся в рейтары дворянам выдавали далеко не полный комплект вооружения, который должен был состоять из кирасы («лат»), шлема, сабли/шпаги, карабина и пары пистолетов, а также обязательной лядунки и натруски. В данный период доспехи уже не выдавали, хотя логично предположить, что после окончания войны или похода карабины и пистолеты, как и латы, могли забирать у рейтар в казну. Чаще всего на одного человека в тот период выдавалась только пара пистолетов, или карабин и пистолет, реже — одна единица огнестрельного оружия.

Рейтар. Реконструкция Дмитрия Антонова (г. Москва)

В десятне имеются и такие дворяне, которым «великого государя жалованья ружья не дано». Так, у Лаврентия Федоровича Жулебина в сказке читаем: «великого государя служил полковую службу с городом со 178 году (1669—70 г. — *Д. Ф.*), а рейтарскую с 187 году, а ружья ему из казны великого государя не дано, служил со своим карабином, а лат и шишака не дано ж… На службе великаго государя будет на меринке, ружья карабин да сабля»[24].

К 1680 г. в Саранске было 9 рейтар, которые служили по 20 и 25 лет, но «поместными и денежными окладами были не верстаны». На вооружении были не шпаги, а сабли, причем всегда личные, а не выданные казной. Очевидна нехватка огнестрельного оружия — 1,8 единицы на человека вместо положенных 3,0, а также полное отсутствие на 1680 г. необходимых доспехов. Всего у анализируемых помещиков в десятне зафиксированы 16 выданных шлемов и 23 кирасы, причем все они были утрачены в ходе различных войн 1650 — 1670-х гг.

Последние случаи вторичной выдачи зафиксированы после Крестьянской войны 1670 — 1671 гг., когда доспехи и вооружение повторно были даны под Чигирином М. Г. Сыропятову и М. П. Любовцову.

О полке, в котором воевали саранско-атемарские рейтары, можно сделать предположение из царской грамоты в Кадом от 1 апреля 1681 г., где значится: «А Казанского розряду начальным людем и городовым копейщиком и рейтаром стольника нашего и воеводы князя Якова Федоровича Долгорукова в полку товарища ево стольника и воеводы Ивана Леонтьевича рейтарского строю полковника в Данилове полку Пулста. А стать им на нашей, великого государя, службе… Казанского розряду начальным людем и городовым копейщиком и рейтаром в Путивле июня 1 число»[25], т. е. саранско-атемарские рейтары, как относившиеся к Казанскому разряду, скорее всего, воевали в полке Д. Пулста.

Очевидно, что саранско-атемарские рейтары, несмотря на богатый опыт боевых действий, проливавшие кровь во многих сражениях, часто воевали если не с минимальным, то по крайней мере с неполным комплектом вооружения, без положенных доспехов. Хотя это не показатель для всей русской армии и для всех кампаний.

Бедность и «худое» вооружение привели к тому, что при разборе 1680 г. 14 человек мелкопоместных дворян и детей боярских и 5 татарских мурз были переписаны из рейтар в солдатский строй (служить в котором для дворян считалось зазорным). Об этом в той же царской грамоте читаем: «Да копейщиком ж и рейтаром сказать наш государев указ, чтоб они на нашу, великого государя службу ехали сами, а вместо себя наемщиков да переменщиков не посылали; да у них же б были лошади добрые и ружья полные службы, у копейщиков по копью да по паре пистолей. У рейтар по карабину да по паре ж пистолей, и латы, и шишаки или иные какие железные доспехи имали ж с собою. А у людей бы их были в обозе пищали долгие и бердыши и копья. А которые начальные люди, и копейщики, и рейтары, в полк к указанному сроку поспеют, — и они б за то впредь ожидали себе нашие, великого государя, милости и денежного жалованья перед их братьею… А буде кто из них к указному сроку в полки не приедут, или копейщики их и рейтары учнуть приходить пеши и приезжать на худых лошадях и не с полною службою ружья или за кого объявятца наемщики и переменщики, — и такие начальные люди оставлены будут зимовать в малороси(й)ских городах, а копейщики и рейтары написаны будут в салдаты»[26].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

[1] **Чеченков П. В.** Десятни как источник изучения нижегородского служилого «города». URL: http://www.opentextnn.ru/history/istochnik/istXIII-XIX/?id=312.

[2] **Сторожев В. Н.** Состав нижегородского дворянства по десятням XVII в. // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии : сб. Н. Новгород, 1890. Т. 1, вып. 9. С. 495, 496.

[3] Десятни Пензенского края 1669—1696 / под ред. А. Барсукова. СПб., 1897. Стб. 249—250.

[4] Там же. Стб. 345 — 352.

[5] Там же. Стб. 352 — 359.

[6] Там же. Стб. 359 — 363.

[7] Там же. Стб. 363 — 365.

[8] Там же. Стб. 365 — 367.

[9] Там же. Стб. 367 — 370.

[10] Там же. Стб. 370 — 371.

[11] Там же. Стб. 371 — 374.

[12] **Дельбрюк Г.** История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 1997. Т. 4. С. 87 — 103.

[13] **Курбатов О. А.** Из истории военных реформ в России во 2-й половине XVII века. Реорганизация конницы на материалах Новгородского разряда 1650-х — 1660-х гг. : дис. … канд. ист. наук. М., 2003. С. 113 — 118.

[14] Там же. С. 121 — 122.

[15] Десятни Пензенского края 1669 — 1696. Стб. 259.

[16] Там же. Стб. 300 — 301.

[17] Там же. Стб. 302 — 303.

[18] Там же. Стб. 300.

[19] Там же. Стб. 318.

[20] Там же. Стб. 326 — 327.

[21] Там же. Стб. 330.

[22] Там же. Стб. 339.

[23] Там же. Стб. 301 — 302.

[24] Там же. Стб. 306 — 307.

[25] Царская грамота в Кадом от 1 апреля 1681 года // Документы и материалы по истории Мордовской АССР : в 4 т. / НИИЯЛИ при СНК Мордов. АССР. Саранск, 1940. Т. 1. С. 46 — 47.

[26] Там же. С. 47.

Евгений Николаевич Бикейкин, *кандидат философских наук, доцент,*
Сергей Васильевич Видяйкин, *кандидат исторических наук,*
Иван Петрович Госткин, *кандидат исторических наук*
(г. Саранск)

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА: САРАНСК XVIII СТОЛЕТИЯ

Жизнь Саранска середины и второй половины XVIII в. достаточно широко отражена в административных отчетах той поры. Кроме того, много интересных сведений о городе можно найти как в записках современников, так и в источниках энциклопедического характера. И если первые рисуют колоритные образы провинциальной жизни, то во вторых есть сведения статистического и экономического плана. Их синтез в сочетании с административными отчетами уездных органов власти, хранящимися ныне в российских архивах, позволяет получить некоторое представление как о социально-экономическом развитии города, так о быте и нравах горожан.

Первые описания г. Саранска появились в начале второй четверти XVIII в.[1] Однако они носят фрагментарный характер и касаются незначительных аспектов городской жизни, не позволяя сделать каких-либо выводов о социокультурном развитии города[2]. Наибольший интерес представляет сообщение действительного члена Петербургской академии наук П. С. Палласа, посетившего Саранск в 1763 г. во время Академической экспедиции по исследованию юго-востока, Урала и Сибири. Он отметил тучность пашенных земель, лежавших в городской округе. Кроме того, внимание исследователя привлекла одна интересная деталь внешнего обихода жителей Саранского уезда: «хулы достойно обыкновение в сих местах, что как деревенские, так и городские жители валят навоз многочисленной скотины в большие кучи подле домов и на берегах мимо текущих речек, от чего рождается такое несказанное множество мух, что весною из их изб должно бежать...»[3].

Более полное представление о социокультурном состоянии г. Саранска можно получить из Топографического описания Пензенской губернии. Здесь имеются сведения, позволяющие судить о бытовых условиях горожан, наличии в городе культовых и административных строений. К тому же дается первое известное описание герба г. Саранска: «герб имеет в серебряном поле красную лису и три стрелы; пожалованной Ея Императорскаго величества конфирмациею 1782 г.»[4].

Достаточно разносторонние описания быта и обычаев горожан Саранска оставил пензенский вице-губернатор И. М. Долгоруков, неоднократно посещавший Саранск в конце XVIII в. и начале XIX в. Есть у него и общее описание города: «Саранск, город уездной Пензенской губернии и старинной. Он всегда почитался в ней лучшим, что и справедливо, но при всем том, был самой дурной в подмосковных губерниях»[5]. И тут же поправляется: «говоря сие, я разумею только старинные города, а не новые, из коих многие и доныне не краше деревни»[6]. Автор отмечает отсутствие в городе достопримечательностей, бросающихся в глаза приезжему человеку: «в Саранске нет ни реки знаменитой, ни строения хорошего, церквей мало, несколько каменных домов купеческих старомодной архитектуры. Дворянские домы все деревянные и так обветшали, что кроме дров ни на что не годятся; прочие обыватели живут в избах под соломенными крышами...»[7].

«Серенький» вид города-деревни подчеркивает и литография г. Саранска, принадлежащая известному художнику XVIII в. М. И. Махаеву: «разбросанные в беспорядке деревянные, крытые соломой, одноэтажные домишки и большое количество церквей — все это создает впечатление большой неблагоустроенной деревни»[8].

Данные заметки современников о Саранске верны и отражают жизнь российского провинциального города второй половины XVIII в. Но в то же время люди, оставившие описания уездного Саранска, являлись жителями столичных либо губернских городов, находились на службе, как правило, при высоких должностях, с иным, отличным от саранского, стилем и уровнем жизни, смотревшими на провинцию сквозь призму европейских стандартов, под которые, естественно, провинциальные города не подпадали. Считаем нужным отметить тот факт, что жители европейских столиц также пренебрежительно относились к жителям глубинки, сравнивая их с примитивными обитателями первобытной эпохи[9].

Несомненной заслугой жителей Саранска является то, что они, несмотря на отсутствие должного внимания со стороны центральных властей после падения роли населенного пункта как сторожевой крепости в XVIII в., сумели сохранить статус города, приумножить его богатство и помогли остаться ему на протяжении всего XIX века вторым по значимости городом в Пензенской губернии.

Рост города в течение XVIII в. был довольно интенсивным, и это обстоятельство отличало, по всей видимости, Саранск от других уездных городов Пензенской провинции, с 1775 г. — губернии. По данным Ивана Кирилова, в 1727 г. в городе насчитывалось 754 двора[10]. В 1781 г. в Саранске частный жилой фонд включал 1 252 домов, из которых только 4 (2 дворянских и 2 купеческих) были построены из камня[11]. Пахотным солдатам принадлежала основная масса домов — 552, цеховым — 288, мещанам — 163 дома. Причем плотность мужского населения в мещанских домах, несмотря на то, что их было почти в два раза меньше, была значительно выше, чем в домах, где проживали цеховые: средняя численность проживавших в одном мещанском доме мужчин составляла 3,8 человека, в домах цеховых — 1,0. Самая высокая плотность была в пушкарских домах — 4,1.

Всего в г. Саранске по IV ревизии 1782 г. проживали 6 228 душ

М. И. Махаев. Вид Саранска с востока. Гравюра. 1768 г.

обоего пола без учета дворянского сословия[12]. Среднегородская плотность населения составляла 4,9 души обоего пола на один дом.

Если в 1784 г. в Саранске было 4 каменных и 1 255 деревянных домов, то например, в г. Керенске — 1 каменный и 672 деревянных дома, в Верхнем Ломове — 650 деревянных домов, в Нижнем Ломове — 590, в Наровчате — 450, в Троицке — 576, в Инсаре — 578, в Чембаре — 170, в Мокшане — 560, в Городищах — 226 и в г. Шишкееве — 285 деревянных домов.

В одном доме в Саранске в 1784 г. без учета дворян в среднем проживало 2,5 человека мужского пола, среднегодовая сумма выплачиваемого налога с одной души составляла 2 руб. 77 коп.; в г. Верхнем Ломове — соответственно 3,2 человека и 3 руб. 38 коп.; в г. Нижнем Ломове — 3,4 и 3 руб. 51 коп.; в г. Инсаре — 2,6 человека и 2 руб. 84 коп. с одной мужской души[13].

Город вырос из тесных рамок былого посада: городские поселения все более переходили на правый берег Саранки.

Саранск был крайне неблагоустроен и «утопал» в грязи. Только в связи с изданием «Жалованной грамоты городам» 1785 г. вопросы благоустройства начинали все более входить в кругозор городских учреждений. Зародилось понятие собственно города: Грамота 1785 г. придала общую организацию городскому населению со всеми его разнообразными группами. Слово «посад» как обозначение той части населения города, которое было занято торгово-промышленным сословием, вышло из употребления. В обиход вошли новые названия — «город» и «слободы». Табель по Саранску, относящийся к 1796 г., отмечает наличие в городе четырех слобод — казачьей, трехсвятской, нагорной и пушкарской. Общий термин «посадский» заменяется словом «обыватель»[14].

Основное городское население составляли купечество, цеховые и посадские (последним двум разрядам приписывалось наименование «мещанство»).

История оставила нам несколько повседневных фоновых портретов саранских горожан. И. М. Долгоруков, несмотря на отмеченную им же внешнюю простоту и неказистость городского облика, отдает должное добросердечному нраву саранских обывателей: «жители города гостеприимством своим и лаской доказывают истину старинной русской пословицы: не красна изба углами, красна пирогами»[15].

В Саранске было много церквей. В 1784 г. их количество достигало 12, по некоторым источникам — 19[16]. Это было связано с тем, что здесь параллельно со строившимися каменными функционировали старые деревянные церкви. В последующие годы их количество увеличилось до 15. «1-я соборная построена в 1685 г. во имя Спаса Преображения»[17] «близ самых крепостных ворот, на полугоре… первоначально это не был собор, а приходская церковь. Собором она сделалась уже в конце XVIII столетия…»[18]. «2-я [соборная] Рождества Христова построена в 1744 г.»; «приходския ж Вознесения Христова… ныне еще строится. Живоначальныя Троицы построена в 773-м г., Успения Богородицы построена в 739-м г., Покрова Богородицы построена в 772-м г., Иоанна Богослова построена в 1783-м г.; деревянныя: Сошествия Святаго духа, построена в 777-м г.»[19].

МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ
ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА
ВСЕРОССИЙСКАЯ.

«Жалованная грамота городам». 1785 г. ГИМ

Следует отметить тот факт, что в строительстве церквей участвовали практически все городские сословия. Из имевшихся в 1843 г. в Саранске 15 церквей 10 были устроены «иждивением» прихожан[20]. Более того, некоторые церкви были построены «старанием» саранских купцов. Так, Успенская церковь была построена «тщанием» купца Котельникова. В 1802 г. к ней был возведен придел купцом Казициным. В 1789 г. купец Федор Сыромятников построил Константиновскую кладбищенскую церковь. Петропавловская церковь, располагавшаяся на территории Спасо-преображенского мужского монастыря, была возведена на средства купца Степана Замятнина.

Строительство церквей было достаточно трудоемким процессом, так как в Саранском уезде камень не добывали и его приходилось приобретать на торгах по очень дорогой цене: «привоз камня и щебня в Саранск не только обременителен, но и сопряжен с большим неудобством, во-первых, где взять камень и щебень, во-вторых, на чем и как его доставить в Саранск»[21].

По этой же причине многие саранские казенные здания были деревянными. В Топографическом описании встречается следующая характеристика казенных строений: «деревянный корпус, в котором была прежде воеводская канцелярия, а ныне уездный и нижний земские суды, нижняя расправа и уездное казначейство присутствие имеют, построен в 779-м г., каменная кладовая для хранения денежной казны построена в 775-м г., каменный магазин, где хранится казенное вино. Корпус деревянный для управы благочиния построен в 764-м г., два корпуса для архива построены в давних годах: корпус для городового магистрата построен в 724-м г., тюремная изба с караульною построена в 1685-м г. Пять соляных анбаров выстроены в 750-м г., вновь построенных два пятистенных анбара: один в 83-м, а второй в 84-м г., гостиного ж двора, училища, богаделен, инвалидных больниц не имеется. Городскаго укрепления, земляной вал зделанной четырех угольной фигурою, и обрыт рвом в начало заведения города»[22]. Так выглядели в Саранске присутственные места.

В июле 1794 г. Саранская городская дума, обсуждая вопрос о положении присутственных мест, констатировала, что, «от давнего построения [здание присутственных мест] приходил в ветхость, а имянно, нижний этаж, где помещена архива, весь сгнил, а думать надобно, и дела письменныя, в нем хранящиеся, от сырости воздуха не без повреждения быть могут; в верхнем этаже и полы опали и некоторые бревна из стен вывалились, крыша обветшала, так что во время дождей безпрестанная сквозь потолок бывает течь». В частности, отцы города сами заседали в помещении «столь крайней ветхости, что присутствующим магистрата заседание иметь было никак не можно»[23].

Г. П. Петерсон писал: «относительно саранских, правительственных учреждений следует заметить, что минувший XVIII в. оставил их своему приемнику XIX столетию в таком состоянии, которое далеко не соответствовало назначению этих учреждений, что выражалось даже и в самой внешности казенных зданий»[24]. В ведомости о казенных строениях г. Саранска за 1802 г. значится, что из 17 имеющихся в городе казенных зданий «состоят в прочности, только кладовая с каменными сводами для казначейства, да еще 10 казенных питейных домов, тогда как остальные здания были до такой степени ветхими, что представляли одни лишь развалины»[25]. Например, в упомянутом выше бывшем воеводском доме, где с 1781 г. размещались уездный и земский суды, отсутствовала крыша, и в 1802 г. служащие в них чиновники были переведены на частную квартиру на Трехсвятской улице в дом коллежского секретаря Петра Левитского с оплатой 150 руб. ассигнациями в год[26]. В 1811 г. все саранские чиновники, кроме полицмейстера, довольствовались «обывательскою квартирою, а отопление помещения» имели «из своей собственности»[27].

Необходимым «привеском» присутственных мест являлась тюремная изба. Нам не известна точная дата постройки каменной саранской городской тюрьмы. Первое встретившееся письменное свидетельство о ее наличии в городе датируется 1829 г., когда она упоминается в отчете саранского полицмейстера Лязовского[28]. Вероятно, ее построили после пожара 1817 г., когда сгорела верхняя часть города, где располагались деревянные казенные здания[29].

Старое здание тюрьмы, по замечанию Г. П. Петерсона, «было до такой степени не приспособлено для жительства, что своей обстановкой вызывало невольный ужас»[30]. Материал для постройки старой тюрьмы был заимствован «из старых, пришедших в ветхость казенных питейных домов… крыша была лубяная и, конечно, ветхая»[31].

Губернский стряпчий Шантуров в 1786 г. писал в Пензенское наместничество «о совершенной тесноте Саранского острога и что помещенные во оном люди в разсуждении тяжелого воздуха совсем почти лишены человечеству свойственного содержания». В своем отношении он предлагал саранскому городничему найти легчайший способ устранить «таковую неудобность». Этот способ был найден 10 лет спустя и похож более на анекдот, только дело касалось живых людей. Генерал-губернатор Вяземский, обозревая состояние уездных городов в 1796 г., нашел «во всяком городе для содержания колодников в тюрьмах такая духота, что почти нет возможности человеку быть». Только после этого последовал приказ: «что-

бы для впущения воздуха прорубили гораздо более нынешних окна, дабы через посредство впущения свежего воздуха не было духоты». К этому нужно добавить, что обитатели тюремной избы в зимнее время страдали от стужи, так как никакой печки в камерах вообще не было[32].

Тюрьма мало изменилась и к началу XIX в. Г. П. Петерсон приводит отрывок из донесения губернского прокурора губернскому правлению от 10 декабря 1802 г., в котором есть описание быта заключенных: «колодники, содержащиеся в тюрьме, страждут от холода и прочих неудобств и переносимых ими изнурений потому, что к разведению в чугунном котле огня (саранская тюрьма отапливалась при помощи чугунного котла, печное отопление отсутствовало. — *Авт.*), на покупку дров, ниже свеч и масла для освещения тюрьмы денег выдачи не производится»[33]. Отсутствие освещения внутри и снаружи тюрьмы вызывало опасение городской полиции, боявшейся побега заключенных «по неимению ночника, по случаю ночного времени»[34].

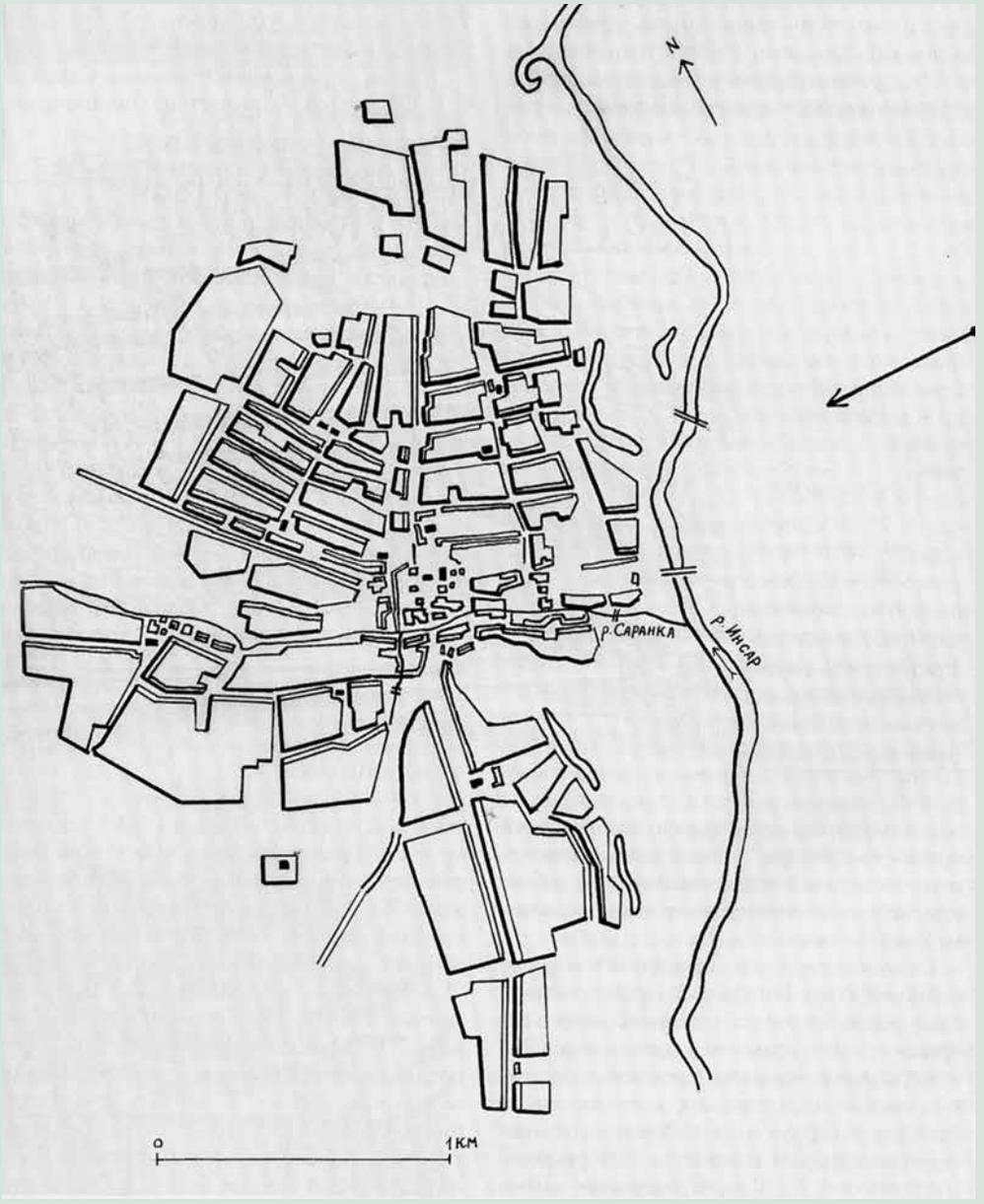
1780-е гг. ознаменовались крупными преобразованиями в системе управления государством. До ликвидации провинций в Саранском уезде существовало воеводское управление. В Саранске находилась воеводская канцелярия во главе с воеводой. Почти без изменений сохранились и действовали созданные еще в первой четверти столетия провинциальные учреждения[35].

В 1785 г. вышло Городовое положение, в соответствии с которым городовым обывателям «дозволялось собираться в том городе и составлять общество градское». Упорядочилось сословное городское самоуправление. «Градское общество» получило право юридического лица, ему дозволялось «иметь печать с городовым гербом», заводить собственность, иметь доходы с имущества, собирать с городского населения специальные сборы.

Первым органом сословного самоуправления в городе было городское собрание, состоявшее из «городовых обывателей». Право избирать и быть избранными имели лишь лица, достигшие 25 лет, с годовым доходом не менее 50 руб. Собрание выбирало распорядительный орган сословного самоуправления — общую городскую думу, состоявшую из городского головы и гласных от всех шести групп населения города. Для решения практических вопросов общая дума избирала шестигласную думу — исполнительный орган, в котором каждая группа населения имела по одному гласному. Председателем этого постоянно действующего учреждения был городской голова.

Деятельность шестигласных дум опекалась губернатором: городское

Фиксационный план г. Саранска (1782 г.).
Показана планировка города с остатками крепости,каменными зданиями, церквами,слободами,улицами и реками.
Стрелкой показан вид на город с востока — из Посопной слободы



собрание созывалось только с его «приказания и дозволения», он же наблюдал за «правильным» употреблением суммы городским обществом; перед губернатором и казенной палатой шестигласная дума отчитывалась в доходах и расходах[36].

Первым городским головой стал купец 2-й гильдии П. И. Гурьев, первыми бургомистрами — купцы 3-й гильдии А. И. Зевакин и М. А. Волков, первыми ратманами — купцы 3-й гильдии М. П. Антипин, Е. Н. Свешников, И. Т. Сыромятников и мещанин И. Г. Волков[37].

После того, как 31 декабря 1780 г. в г. Пензе произошло торжественное открытие наместничества, во всех уездах был воспринят «новый образ» судопроизводства[38]. Вновь открытые присутственные места были окроплены «святой» водой епископом Пензенским и Тамбовским, преподобным Феодосием. На торжественной церемонии открытия присутствовал генерал-губернатор Владимирский, Тамбовский и Пензенский граф Р. И. Воронцов. Первым пензенским наместником стал генерал-майор Иван Алексеевич Ступишин[39].

В уездах Пензенского наместничества торжественно открывались присутственные места. Только два города — Саранск и Инсар — удостоились чести видеть на своих улицах при этом пензенского наместника Ступишина.

Открытие присутственных мест в Саранске совершилось «по полудни со 2-го часу дня» 10 января 1781 г. после окончания торжественной церемонии, «также божественной литургии и молебнопения с коленоприклонением». Здания присутственных мест окропил «святой» водой настоятель Высокопетровского мужского монастыря игумен Петр «с братиею»[40].

Наместническое правление было высшим правительственным органом в губерниях. Во главе его стоял правитель наместничества. Он назначался в Санкт-Петербурге и был подконтролен генерал-губернатору. Наместническое правление объявляло правительственные указы и следило за их исполнением на подведомственной территории, издавало различные распоряжения, наблюдало за деятельностью местных учреждений. Строительством и финансами в соответствии с новыми стандартами управления ведала казенная палата. Здесь велся учет народонаселения, составлялись списки душевых окладов налогооблагаемых сословий, собирались сведения о приходе и расходе денежной казны, ежегодные отчеты уездных казначейств, проводились ревизии счетов. Председатель казенной палаты являлся одновременно вице-губернатором, что подчеркивало высокий статус ведомства.

И. А. Ступишин

Судебные органы имели сословный характер. Это проявилось в создании судов для податных и привилегированных сословий, так называемых верхних расправ и верхних земских судов, нижних расправ и нижних земских судов[41]. По существу, они выполняли одни и те же функции. Различие между ними заключалось в сфере деятельности: верхние и нижние палаты распространяли свою деятельность на крестьян и одно-дворцев, а верхние и нижние земские суды рассматривали дела, касающиеся дворян. Разделение судебной ветви власти было вызвано внутренним сословным характером Российской империи.

9 апреля 1784 г. Екатерина II подписала указ «О мундирах для дворян и губернских чиновников». Указом предписывалось «в сокращение роскоши» ввести для дворян и чиновников в каждом наместничестве для мундиров особые цвета, назначив «оные цвета по трем полосам империи нашей с отменами и различиями для каждой губернии, в заимствованными большей частью из гербов ими употребляемых». В указе давалось описание мундиров для каждого наместничества. Пензенским чиновникам предписывалось выходить на службу в красных кафтанах с бледно-зелеными лацканами, воротником, обшлагами, с 4 по разрезу пуговицами и такого же цвета подбоем, в палевом камзоле с желтыми пуговицами[42].

В 1784 г. штат саранских чиновников состоял из 30 человек: при управе благочиния нес службу 1 чиновник, в уездном суде — 9, в нижнем земском суде — 5, в нижней расправе — 9, в уездном казначействе — 6 чиновников[43].

Интересные сведения о работе правительственных органов власти начала XIX в. приводит Г. П. Петерсон. Он пишет, что «переходное время, переживаемое губернией с 1797 — 1801 гг., то есть от упразднения Пензенского наместничества до восстановления губернии в нынешнем его составе, не могло, конечно, не отразиться неблагоприятным образом на деятельности уездных учреждений, объясняется это тем, что по случаю указанных перемен, над уездными учреждениями одновременно существовало как бы два губернских начальства; причем каждое из губернских начальств имело право предъявлять и предъявляло

требования к указанным учреждениям: прежнее — по делам неоконченным, и настоящее — по делам текущим и вновь возникшим»[44].

Подобное положение вещей приводило к путанице в делопроизводстве, невыгодным образом отражающейся на интересах саранских обывателей, и к неудовольствию «присутствующими» со стороны губернского начальства, выражавшемуся в разного рода взысканиях, а именно: в выговорах, внушениях и денежных штрафах. Например, в 1799 г. присутствующие саранского земского нижнего суда в течение года были оштрафованы пять раз на общую сумму 65 руб. за «нескорое исполнение предписаний начальства относительно выдачи справок по делам» и «объявлений разным лицам», а также «за неотсылку колодников к месту их назначения»[45]. В 1800 г. за слабое взыскание недоимок, достигших по Саранскому уезду 11 369 руб. 94 коп., заседатели нижнего земского суда Гусев и Бодягин были оштрафованы «удержанием у них жалования»[46]. В 1802 г. уездный и нижний земский суды более десяти раз получили замечания от начальства, а присутствующие подвергались штрафам.

Много непорядка было и в саранском городовом магистрате. Пензенский губернатор Ф. Л. Вигель предписывал саранскому городничему А. Желтухину принять строгие меры «с бывшими по 1799 г. присутствующими», которые до 1802 г. не сдали свои дела вновь избранным членам магистрата. Губернатор писал в ордере: «ни стыд быть отсылаемым за присмотром полиции в магистрат для здачи, ни страх ответа за упущение должного, не действовал до ныне на упорство сих ослушников, и потому для укромления их тот час же отослать еще раз в магистрат за караулом, дабы здали архив. Буде же и за сим не уймутся от упрямства, то представить мне для отдачи под суд палаты уголовной»[47].

Законность и право так же мало значили для членов магистрата, как и для других представителей тогдашней власти. В 1784 г. бурмистр Саранского магистрата по собственной инициативе посадил на цепь купца Александра Голова за просрочку векселя. Магистрат встал на сторону своего чиновника. Пензенскому наместничеству пришлось призвать к порядку Саранский магистрат и подвергнуть его членов денежному штрафу «за присвоение себе сверх настоящей их должности власти»[48].

Пензенский губернатор Ф. Л. Вигель

Мало что изменилось со времени организации городской думы: продолжала жить старая, усвоенная веками закваска, а новая порода людей, о которой писалось в указах Екатерины II, была пока в проекте. Работа городской думы все более бюрократизировалась. Достаточно ознакомиться с ведомостью Саранской городской думы за 1796 г., представляющей собой ранний по времени городской баланс, чтобы получить представление о том, в каких условиях жил тогда город и что представляло собой городское общество.

Весь приход выражался суммой в 458 руб. и состоял из следующих поступлений: 1) за выдачу разрешений на красильный промысел и мясную торговлю — 50 руб.; 2) за отдачу на откуп городских мер и весов — 210; 3) за сданные в наем на время ярмарки лубяные шалаши — 198 руб. Выпадали из бюджета такие источники доходов, как сдача в аренду харчевень, трактиров. По сей статье читаем в ведомости: «как прежде так и в нынешнем году трактиров, харчевень, корчм заведено не было». Добровольные оклады городских обывателей также отсутствовали, поскольку «градское общество состоит по малому в торгах количеству». Отдачи в банк собственных излишков городских средств не практиковалось: «по малоимению здесь градских доходов, банков завесть не из чего».

Расходная часть баланса в сумме 413 руб. 35 коп. включала такие статьи, как ремонт пожарных труб, починка мостов, содержание магистратских служащих. Однако ревизский глаз чиновника Пензенского наместничества Львова в том же 1796 году отыскал в расходной части городских финансов «некоторое непозволительное употребление денег, которое не только не согласно с законами, но совершенно разрушает порядок, основанный на правилах честности». За этой словесной шелухой скрывались статьи «совершенного лакомства (подкупа) уездным судам и нижним расправам и нижним земским судам»[49].

Понятно, что часть этих расходов в виде «лакомств» судьям ложилась тяжелым грузом на жиденький городской бюджет, который приходилось покрывать за счет недозволенных поступлений. Об одном таком источнике доходов рассказал в своем заявлении Саранской управе благочиния в 1793 г. ростовской округи крестьянин Тимофей Яковлев. 3 декабря он приехал в Саранск для закупки свиных туш, и того же числа ночью в 11-м часу пришел к нему на квартиру саранский купец Иван Абухов

«с какими то неведомыми людьми» и, вызвав его во двор, предложил ему пойти на квартиру саранского же купца Петра Антипина. Когда Яковлев явился к Антипину, то застал там многолюдную купеческую компанию, и «купец Комлев принуждал его (Яковлева), дабы он за покупку здесь в городе свиных мясов взнес в городскую казну денег 15 руб.». Купец Герасим Котлов предложил означенную сумму взыскать с Яковлева тут же и не выпускать его со двора, так что Яковлев волей-неволей вынужден был эту сумму уплатить. Указав в своем заявлении на причиненную ему «несносную обиду», Яковлев просил «защитить его и учинить, как законы повелевают»[50].

В течение следующих лет бюджет г. Саранска несколько вырос, но способы хозяйствования городской думы остались те же.

Вопросы благоустройства по-прежнему были узким местом в деятельности думы. Непролазная грязь, нечистоты в центре Саранска не смущали отцов города, все это примелькалось, все сжились с неустройствами. Кроме того, гати и мосты в черте города превращались осенью и весной в настоящие волчьи ямы.

Много хлопот и внимания требовал саранский рынок, ставший в ту пору ареной напряженной борьбы между организованными на основе городового положения купечеством и мещанством, с одной стороны, и между всеми тайными и явными нарушителями законов торговли — с другой. Круг этих нарушителей, если верить Саранской думе, был обширен. Дума посвятила данному вопросу специальное заседание 31 января 1802 г. В ряды дезорганизаторов рынка были зачислены: во-первых, приезжавшие из разных городов купцы, мещане и «разного звания люди», торговавшие оптом и в розницу без позволения на то городской думы; во-вторых, проживавшие в городе обыватели, «ни к купечеству, ни к мещанству, ни к цехам не принадлежавшие»; в-третьих, жившие в городе крестьяне, промышлявшие покупкой «в знатном количестве хлеба и отпуском его за город». Основываясь на многочисленных выписках из законов, дума постановила обратиться к городской полиции с требованием всем этим лицам «незаконный торг впредь воспретить»[51].

Городская полиция не отличалась исполнительностью. В том же 1802 году губернский прокурор доводил до сведения губернского правления, что «полиция, получая указы и предписания о сыске разных лиц, о взысканиях и торгах, — никого не разыскивает и не публикует, а лишь доносит об исполнении, каковаго на самом деле не было»[52]. Г. П. Петерсон относил это к последствиям «всеобщаго невежества тяготевшаго мрачным облаком над общественной и частной жизнью той эпохи»[53].

Серьезной проблемой для уездных присутствий был кадровый вопрос. В 1787 г., т. е. спустя 6 лет после их открытия, Пензенское наместничество отмечало повсюду «чрезвычайно малый успех в окончании дел». Причина «малого успеха» в делопроизводстве заключалась прежде всего в абсолютной безграмотности канцелярских чиновников, которые, по выражению указа наместнического правления от 31 мая 1787 г., «не только не могли написать до половины своего имени порядочно, но и литер (букв) к составлению фамилии найти не могли».

Не менее показателен другой случай. Саранский исправник получил распоряжение пензенского губернатора собрать сведения о флоре уезда и доставить их к нему. Не поняв в силу своей «великой» образованности распоряжения, исправник посоветовался с протопопом. Тот заглянул в святцы и, обнаружив, что 18 августа празднуют память Флора и Лавра, разъяснил губернаторское указание: «Не одного Флора требуют, Лавра тож». Вот и собрали в страдную пору крестьян с этими именами со всего уезда и отправили в Пензу[54].

Законность, честное служение обществу, о чем мечтали передовые люди того времени, тонули в атмосфере распущенности и безответственности. Командированный от пензенского наместничества в Саранск в 1785 г. советник Иванчин в своем рапорте доносил о замеченных им «неисправностях и упущениях, а особенно в то самое время, когда должны были иметь заседание, и судей не было при должностях, а секретарь уездного суда явился даже в нетрезвом виде в присутствие»[55].

Последнее, очевидно, было «за обычай» у саранских чиновников всех рангов: в 1779 г. копиист нижнего земского суда Зверев «весьма пьяной» похвалялся в присутствии, что он «тою ночью, поймав инвалидной команды солдатскую женку Ладыгину, всю ее ограбил». В 1794 г. дворянский заседатель того же суда капитан Сидоров, войдя в присутствие управы благочиния «в весьма пьяном образе» и угрожая палкой городничему, «чинил различные неблагопристойности и ругательства», а затем, выведенный из присутствия обер-офицером, в прихожей «учинил такие мерзости, что благопристойность не позволяет здесь описывать».

Поведение выборных представителей от дворянства частенько выходила за рамки одного пьянства. Обыденным явлением было взяточничество, им занимались все, начиная с уездного предводителя дворянства и заканчивая рассыльщиком канцелярии. Причем взятки часто выбивали силой. Например, в марте 1796 г. дворянский заседатель саранского нижнего земского суда поручик Михаил Лотарев с регистратором Кузнецовым и своими дворовыми людьми явился в мордовскую деревню Мокшалей для взыскания государственных податей и, как значится в жалобе мордвы этой деревни, он «Лотарев, и подья-

чий и дворовые люди чинили им безчеловечные побои палками и езжалыми плетьми, отчего некоторые из них чувствуют внутреннюю боль». При этом представители власти вымучили у мордвы: Лотарев — 40 руб. ассигнациями, а подьячий Кузнецов с дворовыми людьми — 10 руб. медной монетой. Следствием было установлено, что означенная взятка была выдана «по мирскому согласию» всей деревни, чтобы прекратить невыносимые избиения[56].

Однако доставалось от саранских чиновников не только крестьянам и посадским людям, но и помещикам, занимавшим немалые должности в уезде. Так, в 1790 г. крупный чиновник уезда Александр Полянский подал на имя наместнического правления жалобу на действия дворянского заседателя нижнего земского суда Жмакина и подьячего Замятина. Последние, получив от саранского городничего Ульянина заявление о похищении будто бы крестьянами Полянского у дворовых людей Ульянина 500 руб. и борзых собак, явились для следствия к Полянскому в Макаровку и в отсутствие владельца «не только делали в господском доме разные неблагопристойности», но и «взяли из крестьян выборного и десятского и, набив колодки одному на шею и руку, другому на ногу, отвезли в Саранск». Арестованные были освобождены по распоряжению случайно оказавшегося тогда в Саранске генерал-губернатора Ребиндера. Через несколько месяцев городничий Ульянин совместно с помещиком А. Рославлевым организовал новый «поход» на владения Полянского. Они стали избивать крестьян и даже открыли стрельбу по ним. «Хотя все сие происшествие, — писал Полянский в своей жалобе, — случилось при самом городничем, однако от него никакого воспрещения не было, и так кончили сие тем только, что, затравив собаками ягненка, оставили избитых на месте».

Далее началось хождение избитых по мытарствам саранских судов. Когда управляющий Полянского привез избитых и раненых крестьян в Саранск для освидетельствования «боевых знаков» к капитану-исправнику, то тот их не принял, сославшись на то, что «тогда де был день табельный» и направил к уездному судье. Тот в свою очередь отговорился тем же, добавив, что освидетельствование — дело капитана-исправника. Тогда избитых крестьян вторично доставили к капитану-исправнику, но он от принятия и описи их отказался, говоря, что «теперь подьячих никого не сыщешь». После того, как управляющий Полянского пригрозил обратиться с жалобой к пензенскому генерал-губернатору, исправник цинично ему заявил: «Вить городничему господин председатель здешний по жене свой, то как они ему такую неприятность могут сделать». Затем исправник отправил просителей к секретарю суда Аристову. Тот, сославшись на то, что уже поздно, сказал, чтобы вновь крестьяне пришли на следующий день рано утром. На следующее утро секретарь суда Аристов не оказался на месте, а исправник «ушел к заутрени». Опять просители ушли, не солоно хлебавши. Через некоторое время избитых крестьян вновь направили в Саранск. Но добились они немногого: «произвели опись одному, а о другом и о затравленном ягненке и совсем умолчали».

Прошло еще несколько дней, и 23 мая на дачи Полянского нагрянул с псовой охотой сам уездный предводитель дворянства Желтухин вместе с Рославлевым и помещиком Каировым в сопровождении пристава Воронина и полусотни крестьян. Управляющий Полянского решил использовать этот случай и «захватить из них Рославлева человека с лошадью и во изобличение представить в губернский город, прося законного покровительства». Пензенское наме-

Иоанно-Богословский Макаровский монастырь

стничество сделало вид, что оно до крайности поражено «таким неслыханным непростительным послаблением насильника» со стороны местных властей. Однако, не рассчитывая на «нелицеприятие Саранского суда, как изобличенного в притеснении людей Полянского», передало дело на рассмотрение инсарскому нижнему земскому суду[57].

Если с таким трудом приходилось доказывать свою правоту и защищать себя таким влиятельным особам в среде уездного общества, как Полянский, то гораздо труднее было местному населению отстаивать свои права в продажных судах того времени. В созданных на основе «Учреждения для управления губерний» судах защита интересов ясачного населения была возложена на уездных стряпчих. Однако на деле стряпчие часто предавали своих подзащитных, когда дело касалось интересов чиновников и их приближенных.

На этой почве в Саранской расправе и уездном суде произошел в 1796 г. любопытный случай. В течение многих лет (с конца XVII в.) тянулось дело о насильственном захвате помещиком Литвиным земли у татарского населения деревень Тавлы и Аксенова. В 1786 г. дело приобрело уже юбилейную, почти 100-летнюю давность, а суд все судил и рядил, а татары всюду и везде приносили жалобы на судебные решения. Когда в том году дело вступило в решающую фазу, то татары, естественно, прибегли к помощи стряпчего Мещеринова: «они де как судную записку сочинить, так и по глупости свой суд говорить не могут» и просили стряпчего за них ходатайствовать. Стряпчий, имея в качестве истца помещика Литвинова, «вспомоществовать им в том отрекся» по причине болезни. Нижняя расправа предписала татарам прибыть в суд для заслушивания дела и подписания протокола. Татары обратились за помощью к секретарю Саранского уезда Россонскому, так как он согласно правилам должен был замещать стряпчего во время его отсутствия. Однако Россонский от представительства отказался. Ввиду таких обстоятельств татары «по безгласности своей» в качестве адвоката избрали пахотного солдата Петра Феделеева из трехсвятской слободы г. Саранска. Защитник, однако, оказался горьким пьяницей, поэтому доверители и его отвели. В поданном вторично в суд заявлении татары просили допустить в качестве нового защитника однородца из г. Саранска Андрея Колмагорова[58].

Приведенный пример красноречиво свидетельствует о еще одной важной особенности, характеризующей не только саранское, но и все российское чиновничество той поры, — волоките дел. Она могла тянуться годами и даже столетиями. Были случаи, получившие широкий общественный резонанс. Так, тяжба двух помещиков Саранского уезда, тянувшаяся двадцать лет, попала на рассмотрение в высший законодательный орган империи — Сенат. Интересно определение по этому вопросу, вынесенное Сенатом после того, как дело уже было решено в нижестоящих судебных инстанциях: «Предписать, кому следует, приказать, кому нужно разрешить этот вопрос на основании существующих узаконений»[59]. В результате дело вернулось в Саранский уездный суд. Это дело нашло отражение на страницах известного журнала «Колокол», где вышла статья под заголовком «Логика и красноречие Сената»[60].

Крупным событием в жизни города была ежегодная ярмарка, о которой упоминал еще в 1727 г. Иван Кирилов. Ярмарка официально начиналась 15 августа (торг — 13 августа) и продолжалась по 20 августа. Согласно «Ведомости состояния Саранска за 1802 г.», на эту ярмарку съезжалось купечество из Москвы, Нижнего Новгорода, Курска, Тулы, Саратова, Пензы и Тамбова. Бывали и иностранцы. Так, в 1782 г. в «книге явленных паспортов зарегистрированы следующие иностранные купцы — француз Леран, француз Прову, тиролец Готлиб Нельдер, итальянец Петр Поканио, Евген Жанбони»[61].

Ярмарка разделялась на две половины: одна половина размещалась на соборной площади и прилегавших к ней улицах. Здесь находились каменные и деревянные лавки, которые занимали обычно «главнейшие купцы». На время ярмарки пристраивались еще лубочные лавки-шалаши (до 200). Вторая половина располагалась за речкой Саранкой на отведенной по плану 1785 г. площади. Здесь также сооружалось около 150 лавок для торговцев медной, чугунной и железной посудой, рыбой и холстом. Ко времени открытия ярмарки из Саратовской губернии пригонялись до 150 гуртов скота, сибирских и уфимских лошадей. Съезд на ярмарку был довольно значительный — до 15 тыс. человек.

Когда-то князь Долгоруков лестно отзывался о гостеприимстве жителей Саранска. Очевидно, он имел в виду рядовых обывателей города. Саранское купечество, наоборот, принимало приезжих торговцев по принципу «незваный гость — хуже татарина». Например, в 1803 г. саранский купец Антипин, взявший на откуп городские лавки и шалаши, распланировал их в неудобном и тесном месте, внутри застроенных купеческих домов, «по соседству с банями и харчевнями». От такого «радушного» приема приезжее купечество взвыло и в заявлении думе указывало, что «в таком месте не только есть возможность в случае пожара сохранить свое имение, но едваль возможно всякому спасти свою жизнь». Новый откупщик саранский купец Кочетов решил приезжих наоборот утопить в грязи. Он разбил «шалашную линию на самом неудоб-

ном месте и с превеликою грязью во время дождей преисполненном месте», чем естественно причинил им «по торговой коммерции подрыв». Иногороднее купечество пригрозило «хлебосольным» хозяевам сообщить о том высшему начальству[62].

Особой приманкой Саранской ярмарки для всех приезжих, преимущественно для дворянства, служила картежная игра. «Здесь (т. е. в Саранске), — пишет кн. Долгоруков, — я видел игроков в настоящем виде. ...Нет ничего любопытнее игрецких шаек. На все балы эти игроки съезжались непременно в один час: они друг друга распознают чутьем». Образно описывает Долгоруков сам процесс игры: «Им отведут особую комнату, поставят столы, навалят карт пропасть. ...Сперва начнутся побасенки, остроты игрецкие, и скоро единодушной примет всех задор. Всякий пойдет в карман за своим пакетом. Выложут на стол тысячи разноцветных денег. Тут золото и серебро, там кучи изношенных, но много значущих, бумажек. Инде светят алмазы. ...Печать с колоды сорвана, все утихло. Двери затворились, началось таинственное действие разврата. ...Летят карты направо и налево. Бегают деньги по столам из рук в руки, и во всю ночь продолжается грабеж»[63].

Во второй половине XVIII в. значительно изменилось культурное пространство Саранска. В 1778 г. открылось первое городское образовательное учреждение — духовная гимназия, располагавшаяся в доме при Владимирской церкви. Однако в Топографическом описании Пензенской губернии, где есть подробный перечень действовавших в Саранске учреждений, о нем нет упоминания. В качестве предположения можно высказать мысль о том, что составитель «описания» пользовался более ранними сведениями и по этой причине не мог знать о существовании учебного заведения в г. Саранске. В духовной гимназии действовали три класса: синтаксический, грамматический и информаторский.

Однако в 1803 г. гимназия закрылась. Лучшие ученики были взяты в Казанскую академию, «а прочие переведены в Симбирское русское училище, и частию — в Тамбовское и Алаторское»[64]. В Симбирское казенное русское училище были переданы все дела саранской духовной гимназии. В 1808 г., по распоряжению Святейшего Синода, вновь было открыто училище при монастыре, получившее название русской школы, в задачу которой входило обучать детей духовенства «к занятию причетнических должностей». Школа существовала до 1848 г. и была закрыта «вследствие преобразования учебной части по духовному ведомству»[65].

Светских учебных заведений в рассматриваемый период не было. Только 12 августа 1807 г. в Саранске открылось уездное казенное училище с приготовительным классом. В нем были 3 учителя и 58 учеников, из которых 5 являлись дворянскими детьми, 2 — детьми священно- и церковнослужителей; 8 — купеческих, 16 — мещанских, 17 — крестьянских и 10 детей чиновников разного ранга. На содержание училища из уездного казначейства выделялось 1 250 руб., от саранского гражданского общества 234 и от попечительных смотрителей — 250 руб.[66]

В конце XVIII — начале XIX в. в Саранске действовали так называемые домашние школы, где обучались преимущественно дети купцов, отцы которых, руководствуясь сословно-профессиональными интересами, предпочитали домашнее обучение. Если дворяне не признавали образования без изучения иностранных языков, особенно французского, то многие купцы, наоборот, считали изучение иностранных языков изменой старине, грехом и предпочитали часослов или Псалтырь, церковное пение и простейшую арифметику; приказные считали высшей образованностью познание «тайн» канцелярского дела[67].

Важную роль в формировании социокультурного пространства Са-

Саранская ярмарка (фрагмент). С картины Н. Дмитриева-Оренбургского. 1876 г.

ранска конца XVIII в. сыграла начавшаяся смена отраслевой структуры занятости населения. Отрыв горожан от занятий интенсивным земледелием и приобщение его к ремесленному производству, торговле и промышленным занятиям способствовали формированию нового типа повседневного поведения, для которого были характерны меньшая замкнутость, догматичность и консерватизм, чем для сельского общества.

С появлением учреждений образования Саранск стал центром культурного прогресса для всего уезда. Однако город по-прежнему сохранял многие черты деревенского быта — большинство жителей относились к разряду государственных крестьян, численность населения увеличивалась за счет выходцев из сельской местности, несомненно, привносших элементы «негородского» поведения. Да и сами горожане еще не так давно практически ничем не отличались от крестьян, также сеяли рожь, пшеницу, выращивали ячмень. Как известно, господствующий вид труда отражается на образе мыслей, формирует систему поведения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСИКЕ ССЫЛКИ

[1] См., например: **Кирилов И. К.** Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1831.
[2] Российский государственный архив древних актов. Ф. 286. Оп. 1. Д. 300. Л. 256 — 266; Д. 916. Л. 283 об. — 284; **Паллас П. С.** Путешествие по разным провинциям Российской империи : в 2 ч. 2-е изд. СПб., 1809. Ч. 1. С. 90, 91.
[3] **Паллас П. С.** Указ. соч. Ч. 1. С. 91.
[4] Российский государственный военно-исторический архив Ф. ВУА. Д. 18911. Л. 16 (далее — РГВИА).
[5] **Долгоруков И. М.** Журнал путешествий из Москвы в Нижний. 1813 год. М. 1870. С. 52.
[6] Там же.
[7] Там же. С. 52 — 53.
[8] Научный архив НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. И. 348. Л. 108 (далее — НА НИИГН).
[9] См., например: **Вульф Л.** Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
[10] НА НИИГН. И. 348. Л. 109.
[11] Государственный архив Пензенской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16. Л. 8, 8 об. (далее — ГАПО).
[12] ГАПО. Ф. 60. Оп. 4. Д. 576. Л. 1, 26, 134, 178, 320, 447, 473.
[13] ГАПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 77. Л. 11 об., 12 об., 15 об., 21.
[14] НА НИИГН. И. 348. Л. 110.
[15] **Долгоруков И. М.** Указ. соч. С. 53.
[16] ГАПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 7; Д. 77. Л. 20.
[17] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18911. Л. 16.
[18] **Масловский А.** Город Саранск (ист.-стат. описание) // Пензенские епархиальные ведомости. 1880. № 18. С. 13.
[19] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18911. Л. 16.
[20] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2673. Л. 12.
[21] Там же. Л. 9 об.
[22] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18911. Л. 16 — 16 об.
[23] НА НИИГН. И. 348. Л. 99.
[24] **Петерсон Г. П.** Саранские правительственные учреждения в начале XIX века // Юбилейный сборник Пензенского губернского статистического комитета. Пенза, 1901. Вып. V. С. 6.
[25] Там же.
[26] Там же.
[27] Цит. по: **Бахмустов С. Б.** Саранск в 1811 году // Феникс — 2003. Саранск, 2003. С. 121.
[28] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1502. Л. 276 об. — 277.
[29] **Масловский А.** Указ. соч. С. 29.
[30] **Петерсон Г. П.** Указ. соч. С. 7.
[31] Там же.
[32] НА НИИГН. И. 348. Л. 99.
[33] **Петерсон Г. П.** Указ. соч. С. 8.
[34] Там же.
[35] См.: **Самойлов Е. Г.** Пензенский край в конце XVIII века (1776 — 1800 гг.) : историко-экон. очерк. Пенза, 1959. С. 25.
[36] См.: Полное собрание законов Российской империи. Т. XXII. № 16188. С. 637 (далее — ПСЗ РИ).
[37] ГАПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 26 об.
[38] См.: ПСЗ РИ. Т. XXI. № 15126. С. 70.
[39] См.: **Лазарева О. В**. Формирование полицейского аппарата Пензенской губернии в конце XVIII — начале XIX века // Исторические и политические науки в контексте современной культурной традиции : материалы IV Сафаргалиев. науч. чтений. Саранск, 1999. С. 164.
[40] ГАПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.
[41] См.: **Самойлов Е. Г.** Указ. соч. С. 26.
[42] См.: ПСЗ РИ. Т. XXII. № 15975. С. 93.
[43] ГАПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 77. Л. 21.
[44] **Петерсон Г. П.** Указ. соч. С. 11.
[45] Там же.
[46] Там же. С. 12.
[47] Там же. С. 13.
[48] НА НИИГН. И. 348. Л. 113.
[49] Там же. Л. 113 — 114.
[50] Там же. Л. 114.
[51] Там же. Л. 114 — 117.
[52] **Петерсон Г. П.** Указ. соч. С. 11.
[53] Там же. С. 20.
[54] См.: **Юрченков В. А.** Люди и нравы // Саранск : в 2 кн. Саранск, 1997. Кн. 1. С. 211, 212.
[55] НА НИИГН. И. 348. Л. 99.
[56] Там же. Л. 100.
[57] Там же. Л. 102 — 103.
[58] Там же. Л. 106 — 107.
[59] Цит. по: Краеведческие записки / Архив. отдел Пензен. облисполкома; Гос. архив Пензен. области. Саратов, 1970. Вып. 2. С. 5.
[60] См.: Логика и красноречие Сената // Колокол. 1858. 15 апр. С. 107.
[61] НА НИИГН. И. 348. Л. 117.
[62] Там же. Л. 118 — 119.
[63] Там же. Л. 119.
[64] **Масловский А**. Указ. соч. С. 29.
[65] Там же. С. 24.
[66] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 26. Л. 73 об.
[67] См.: **Воронин И. Д.** Саранск : ист.-док. очерки. Саранск, 1961. С. 88 — 89.

Василий Леонтьевич Житаев,
кандидат исторических наук
(г. Саранск)

БЛАГОТВОРИТЕЛИ МОРДОВСКОГО КРАЯ

Меценатство и *благотворительность* — понятия, аналогичные в смысловом отношении. Меценатство имеет глубокие корни и уходит в историческое прошлое, когда состоятельные люди покровительствовали наукам и искусствам.

В дореволюционной России меценатство было связано с именами Саввы Морозова и Саввы Мамонтова.

Наша статья посвящена вопросам благотворительности в сфере духовной жизни мордовского народа. Мы проанализируем исторические факты участия людей различных сословий в становлении и развитии народной школы, учреждении народных библиотек, строительстве сельских больничек, т. е. учреждений, которые духовно развивали, обогащали, нравственно возвышали простой крестьянский люд.

В исторической литературе данные вопросы долгие годы оставались вне поля зрения исследователей. Этот пробел был восполнен интересной книгой С. Б. Бахмуства и Е. В. Фролкиной «Благотворительность в мордовском крае»[1]. Авторы изучили феномен благотворительности в сословном аспекте, выделив особенности «добрых деяний» в различных социальных средах — дворянской, купеческой, мещанской, крестьянской, духовной. В большей степени исследованы вопросы благотворительности в сфере строительства храмов, церквей, приводятся некоторые факты об учреждении на средства благотворителей народных школ и сельских больниц.

Ранее выходили небольшие очерки и статьи, где упоминались имена известных деятелей литературы и культуры, на свои средства открывавших школы и больнички[2].

В ряду многих имен благотворителей стоит имя Дмитрия Николаевича Дурова, генерал-майора в отставке. Он родился в имении отца — с. Покровском. После отставки долгое время жил за границей, где в 1867 г. умер в Ницце.

Д. Н. Дуров по завещанию пожертвовал 29 400 руб. на устройство в с. Покровском училища[3]. На завещанные деньги требовалось построить школу, и чтобы в ней обучение крестьянских детей школьного возраста велось независимо от пола, национальности и вероисповедания, без внешней аристократической обстановки.

Будучи верующим человеком и следуя традициям своего времени, Дмитрий Николаевич считал, что мерилом нравственности человека является его религиозность. По его мнению, религиозность передавала детям нравственные нормы поведения, обычаи и традиции народа, помогала государству воспитывать гражданские чувства. Поэтому он настаивал в своем завещании на религиозном воспитании будущих учащихся Покровского училища.

Надо отметить, что Дмитрий Николаевич, находясь по сословной лестнице далеко от простого народа, тем не менее хорошо понимал роль и значение образования и в своем завещании уделил особое внимание дальнейшему развитию талантов учащихся. Согласно его завещанию, даровитые ученики должны были получать более высокое образование, расти патриотами своей Родины и стать «на места Пожарских, Мининых, Ломоносовых»[4].

В числе благотворителей было немало крестьян-землевладельцев, которые считали честью оставить средства на развитие народного образования в тех селениях, где они родились и жили. Нелегким трудом зарабатывая капитал, приобретая земельные угодья, вдруг, в одночасье, они принимали богоугодное решение — оставить все для развития образования земляков. Один из них — житель Дмитриева Усада Спасского уезда Федот Дмитриевич Никуличкин. В его духовном завещании говорилось: «...десять десятин земли завещаю в собственность Спасской, Тамбовской губернии, уездной земской управы, с тем, чтобы доходы от этой земли употреблялись на содержание бедных учеников, как мальчиков, так и девочек, Дмитриво-Усадского началь-

ного училища, в селе Дмитриевом Усаде, Малышевской волости, Спасского уезда, Тамбовской губернии, ныне существующего, или какой будет существовать в названном выше селе.

На упомянутые доходы управа должна приобретать для воспитанников и воспитанниц упомянутой школы платья и обувь, а также выдавать пособия тем из них, которые будут продолжать ученье в других высших школах»[5].

Крестьянин Федот Дмитриевич был неграмотным человеком, но знал, как нелегко было ему, неграмотному, заработать средства, чтобы по купчей получить землю.

Другой благотворитель — коммерции советник Антон Николаевич Шихобалов — обратился в Ардатовскую уездную управу с заявлением, в котором писал: «Имею честь заявить… что… на собственные средства выстроил в селе Наченалы той же волости Ардатовского уезда каменное здание для училища стоимостью до 12 000 рублей, почему покорнейше прошу уездную земскую управу найти со своей стороны возможность здание это принять под наблюдение земства и поместить там земское одноклассное или двухклассное училище»[6].

Представляя заявление А. Н. Шихобалова на рассмотрение собрания, земская управа просила принять этот дар — большое просторное училище, в котором село очень нуждалось, и выразить дарителю благодарность от имени собрания. Приняв это здание, управа полагала перевести в него существовавшую школу, одновременно переделав училище под квартиру учителя. В дальнейшем собрание поручило управе «войти с г. Шихобаловым в сношение, не возьмет ли он на себя расход на отопление, освещение и окарауливание жертвуемой школы, так как в виду ее обширности расход этот для крестьян села Наченалы будет обременителен»[7].

А. Н. Шихобалов

Здание, построенное на средства А. Н. Шихобалова, долгие годы служило не только земской школой, в советское время здесь размещалась средняя школа.

Благотворительностью занимались люди разных сословий, и каждый из них понимал значимость того дела, ради которого он жертвовал свои средства.

В ознаменование Высочайшего Манифеста от 6 августа 1905 г. об учреждении Государственной Думы Темниковское земское собрание в заседании 2 октября 1905 г. постановило открыть в г. Темникове женскую гимназию. Для ее постройки требовалось не менее 48 тыс. руб.

На эти цели 2 500 руб. пожертвовал и действительный статский советник Юрий Александрович Новосильцев, он же выдал долголетний займ на 19 500 руб. Кроме того, Ю. А. Новосильцев пожертвовал свою усадьбу для гимназии при условии, «чтобы возведенное на ней здание служило исключительно для целей учебного заведения»[8].

2 ноября 1903 г. землевладелец с. Вечерлей Владимир Дмитриевич Бурский обратился в Ардатовскую земскую управу с заявлением, что под открываемую в с. Вечерлей амбулаторию он жертвует в пользу земства одну десятину земли казенной меры и просит рассмотреть этот вопрос на земском собрании[9].

Подготовительная комиссия, созданная по докладу земского врача А. П. Воскресенского, сочла нужным пожертвование В. Д. Бурского принять и поблагодарить жертвователя[10].

Большой вклад в развитие народного образования в Тамбовской губернии, в том числе в Спасском и Темниковском уездах, внес Эммануил Дмитриевич Нарышкин, общественный деятель, действительный статский советник, Почетный гражданин Тамбова (1877). Он происходил из древнего боярского рода. Окончил в Санкт-Петербурге школу подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, служил в Гусарском и лейб-гвардейском Конном полках. Вышел в отставку в чине полковника, имел крупные земельные и лесные владения в Моршанском и Шацком уездах, часть которых продал ради получения средств на благотворительные цели[11].

Э. Д. Нарышкин

Э. Д. Нарышкин для устройства учительского института пожертвовал серьезный капитал — 612 тыс. руб.[12] 5 августа 1870 г. состоялось откры-

Екатерининский учительский институт. Тамбов. XIX в.

тие этого учреждения, названного Екатерининским учительским институтом и получившего программу и организацию учительских семинарий. Для этого института Э. Д. Нарышкин купил здание бывшего кадетского корпуса, уплатив за него 38 791 руб.

К тому же на средства Э. Д. Нарышкина Тамбовское земство учредило 12 стипендий на каждом курсе для замещения их кандидатами уездных земств по одному от каждого. Таким образом, Спасский и Темниковский уезды имели там 6 стипендиатов.

По данным исследований за 1899 г., из 443 учителей Тамбовской губернии 212 (или 47,85 %) были выпускниками Екатерининского института. Многие выпускники института работали учителями в земских и министерских школах Спасского и Темниковского уездов. Например, в 1906 г. в Темниковском уезде работали выпускники Екатерининского института: Павел Романович Акашкин — в Авкимановском земском училище, Алексей Иванович Ефимов — в Мельсетьевской школе, Павел Николаевич Предтеченский — в Надежкинской, Александр Николаевич Алаев — в Шокшинской школе. В министерских школах работали Сергей Кириллович Ананьев и Андрей Григорьевич Орешкин — в Ермишинской 2-классной школе, Николай Иванович Косолапов и Михаил Васильевич Сермягин — в Семерекской 2-классной. В Темниковском городском начальном училище работали Федор Федорович Горлов и Михаил Степанович Комяков и др.[13]

Естественно, выпускники Екатерининского института были более подготовлены к педагогической работе, чем другие учителя, работавшие по свидетельству, или окончившие другие средние учебные заведения, или имевшие право на учительскую работу.

В 1880 — 1890 гг. директором Екатерининского учительского института был уроженец с. Каргашина Спасского уезда (ныне Зубово-Полянского района Мордовии) Иван Иванович Дубасов[14].

Кроме учительского института, Э. Д. Нарышкин в 1876 г. первым в России основал приют для арестантских детей, купил для него дом и выделял ежегодно средства на его содержание и обучение воспитанников.

В 1881 г. он учредил бесплатное общежитие для учащихся мужской гимназии и реального училища, выделял средства на содержание стипендиатов и помощь бедным учащимся. Министерство народного просвещения разрешило именовать общежитие и стипендиатов «нарышкинскими».

В 1892 г. на средства Э. Д. Нарышкина было построено здание, предназначенное для Общества по устройству народных чтений, которое организовывало в уездах губернии народные чтения, открывало народные библиотеки для взрослого населения. (Только для Спасского и Темниковского уездов с 1895 по 1911 г. было открыто около ста народных библиотек.) В этом здании размещалась «особая» библиотека (действовала на основе Особых правил, дозволявших иметь формально не разрешенные цензурой издания), в 1895 г. был открыт художественный отдел. Рядом во флигеле находился книжный склад, который формировал народные библиотеки в уездах губернии[15].

Екатерининский институт и Нарышкинская читальня сыграли большую роль в развитии народного образования в мордовском крае, так как два уезда — Спасский и Темниковский — получали не только финансовую, но и методическую помощь в организации школьного и внешкольного образования.

На «богоугодное дело» в 1812 г. пожертвовал 2 000 руб. при формировании 1-го Тамбовского полка Ф. Ф. Ушаков. Кроме того, он организовал в г. Темникове госпиталь на 60 коек для больных и раненых солдат[16]. Здание, где размещался госпиталь, сохранилось, и в нем сегодня размещается историко-краеведческий музей г. Темникова, в котором специальный зал посвящен жизни и деяниям Ф. Ф. Ушакова.

В 40-е гг. XIX в. в с. Малое Маресево (ныне Чамзинского района Мордовии) открыл врачебный пункт Илья Васильевич Селиванов, общественный деятель, писатель. Он лично пользовал больных. В показаниях следственным органам в 1850 г. Селиванов писал: «Живши в деревне, я… занимался хозяйством и лечением крестьян, как своих, так и окрестных, что отнимало у меня решительно все время… Ни одного

промывания, ни одного втирания, ни одного кровопускания не было сделано другими руками, кроме как моими, потому что мордва, при их не образовании, не позволила бы прикоснуться до себя никому, к кому они не имеют доверия, а иметь при селении медика не имеют способов»[17].

Благотворительностью и просветительством в мордовском крае активно занимались Николай Платонович Огарев, Алексей Дмитриевич Желтухин и др.

Николай Платонович Огарев, живя в имении Старое Акшино, открыл школу для крестьянских детей, больницу, которая сыграла немаловажную роль летом 1847 г., когда в Поволжье свирепствовала эпидемия холеры. В письме к Грановскому Огарев писал: «Два бича гуляют над нашей головой, засуха и холера. Первая совершенно изменяет план моего хозяйства на год, грозит голодом и способствует второй; а вторая близка. Вчера верст за 50 от меня человек 12 пали ее жертвой. Спешу устраивать мою больницу, запасаюсь лекарством. Кажется, мне дадут округ под попечение, и тогда пойдет для меня работа, которую я все более люблю, чем хозяйство, и я надеюсь, что в моем округе смертности будет меньше, ибо действительно буду хлопотать о больных»[18].

Лечением больных занимались врач и сам Огарев. Медицинскую науку Николай Платонович изучал за границей, в 1847 — 1848 гг. практиковался по фармакологии у московского профессора Лясковского. Эти занятия помогли ему в борьбе со свирепствовавшей холерой.

В начале 50-х гг. XIX в. Огарев открыл другую, хорошую по тем временам больницу на Тальской фабрике Карсунского уезда Симбирской губернии. «Главное утешение мое — больные, — писал он, — которые стекаются ко мне со всех сторон»[19]. Медицинская помощь рабочим, их семьям и населению всей округи оказывалась бесплатно. Лечением больных кроме дипломированного врача занимались сам Николай Платонович и его жена Наталья Алексеевна.

Свой вклад в богоугодное дело благотворительности внес и Алексей Дмитриевич Желтухин, журналист, издатель, потомок влиятельного дворянского рода. В середине 40-х гг. XIX в. он поселился в родовом имении — с. Зыкове Саранского уезда Пензенской губернии с женой Е. Н. Желтухиной.

Алексей Дмитриевич был близок по своим взглядам к революционным демократам. Занимаясь просветительской деятельностью, он открыл на свои средства в с. Зыкове школу для крестьянских детей, которая просуществовала 20 лет и дала зачатки образования более 700 рабочим местного сахарного завода и их детям.

В 1859 г. А. Д. Желтухин писал своему управляющему: «...а для школы отвести бывшую людскую избу, — крестьянам же объявить, чтобы они детей своих 9 — 13-летнего возраста посылали в школу; сказать также и матерям, не пожелают ли они и девочек учить... А священнику предложить еще: не может ли он взять на себя крестьян... и прививать младенцам оспу... передать эти лечебные книги и ящик с медикаментами...»[20].

Мало известно современному обывателю имя Александра Петровича Воскресенского, видного земского деятеля, чей вклад в развитие культурной жизни мордовского края, его просветительская деятельность среди крестьянского населения неоценимы.

А. П. Воскресенский после окончания Петербургской Медико-хирургической академии, внеся плату за слушание лекций, чтобы не служить военным врачом, приехал в Ардатовский уезд Симбирской губернии. Здесь, в российской глубинке, он работал земским врачом 53 года, 49 из них — в с. Хухореве, где на свои средства открыл небольшую больничку и лечил больных[21].

Работа в сельской местности, где, по словам Воскресенского, «культура проникала кабаками», изнуряла, требовала значительных усилий и нервного напряжения по оказанию помощи страждущим в больнице, а также профилактической работы среди безграмотных крестьян[22].

Александр Петрович находил средства и возможности создавать небольшие культурно-просветительные центры, в частности помогал открывать народные библиотеки, а иногда, когда у сельского общества не было средств на эти цели, отдавал свои заработную плату и сбережения. Так, в с. Киржеманы на свои средства он открыл народную библиотеку. По этому поводу П. Ф. Кудрявцев писал: «В селе Киржеманы, Киржеманской волости, находится библиотека-читальня, устроенная по инициативе земского врача А. П. Воскресенского на его же средства. Помещается читальня в отдельной комнате при волостном правлении. За помещение не платится. Заведует читальней сам врач А. П. Воскресенский, а должность библиотекаря исполняет земская учительница О. А. Балицкая, получающая от Воскресенского вознаграждение 30 руб.»[23].

Библиотека была открыта в 1896 г. На обзаведение читальни в Киржеманах было затрачено 300 руб. В год же расходы составляли приблизительно 50 руб. Книги, пришедшие в ветхость и утраченные, заменялись новыми (около 30 книг в год на 10 руб.). В читальне было 500 книг, читателей числилось 147 чел., из них учеников — 25.

Крестьяне к читальне, по наблюдениям врача и библиотекаря, относились хорошо. Пользовались книгами этой библиотеки крестьяне и других сел, например из с. Горки, находившегося в 3 верстах от читальни.

Пройдет много лет, и забудутся заботы Александра Петровича, толь-

ко отдельные исследователи или коллеги по профессии вспоминали это имя. В 1984 г. к 130-летию со дня его рождения, в журнале «Библиотекарь» появилась статья заслуженного врача РСФСР, члена библиотечного совета Ульяновской научно-методической библиотеки П. Евдокимова «Земские врачи — библиотекари», в которой автор отметил огромный вклад А. П. Воскресенского и других земских врачей в культурное развитие села[24].

Кроме того, А. П. Воскресенский ставил перед земством вопросы об открытии в селах библиотек для грамотного населения, медицинской библиотеки или библиотеки для служащих, привлекал широкую общественность к решению этой проблемы, организовывал сбор средств. Благодаря его инициативе и помощи была открыта библиотека в г. Ардатове для земских служащих. Председатель уездной земской управы М. Т. Дягилев в своем выступлении отмечал: «Начало этому благому делу уже положено. Лица, сочувствующие землевладельцы нашего уезда передали врачу А. П. Воскресенскому около 200 руб., он сам жертвует деньгами 120 руб. и книгами рублей на 200. Таким образом, имеется уже довольно таки значительный фонд в 500 руб. На поддержание же библиотеки может служить небольшая плата некоторыми из служащих лиц, желающих пользоваться библиотекой, добровольные пожертвования, сбор с увеселительных вечеров и пособия от земства»[25]. Торжественное открытие библиотеки для земских служащих состоялось 24 августа 1901 г. Она была открыта в присутствии почти всех учителей и учительниц уезда, съехавшихся в город на учительский съезд, некоторых врачей и других служащих в земстве лиц[26].

Были и другие случаи, когда врач А. П. Воскресенский добился открытия нужных для народа учреждений культуры. Эти вопросы он поднимал не только на уровне уезда, понимая, что в таком же положении находятся земские служащие других уездов губернии и шире — всей России.

Немногим известно и имя Валентины Семеновны Серовой, русской общественной деятельницы, музыкального критика, композитора. В 90-е гг. XIX в. она вела активную благотворительную и музыкально-просветительскую работу в мордовском крае. На ее средства открылись библиотеки в Карсунском уезде, а также в с. Судосево, Большие Березники, последней заведовал земский врач А. П. Солонов[27].

В. С. Серова

В Судосеве В. С. Серова построила народный дом и создала оперную группу из крестьян — любителей музыки и хорового пения. Судосевская оперная группа была довольно популярна, она выезжала со спектаклями в г. Казань, Пензу, Симбирск, Москву и Санкт-Петербург, где имела большой успех[28].

Традиции благотворительности, рожденные в дореволюционный период в мордовском крае, продолжились в советское время, получив совершен-

Оперная группа с. Судосева. Конец XIX в.

но иное содержание и иной характер. Благотворительность носила не индивидуальный характер, и в роли благотворителей выступали не только конкретные люди, но и целые трудовые коллективы.

В 1970-е гг. многие коллективы колхозников Ардатовского, Дубенского и других районов выступали с инициативой строительства клубных и библиотечных учреждений в селах республики. Благодаря их инициативе в республике была обновлена материальная база сельских клубов и Домов культуры. Только в 1967 г. колхозы и совхозы ассигновали 8 644,5 тыс. руб. на строительство сельских клубов. Уже к августу 1967 г. были введены в строй 14 сельских клубов на 2 450 мест и 3 библиотеки, 30 Домов культуры и клубов были в стадии завершения. Особенно успешно эти вопросы решались в Атяшевском районе, где в то время строилось 14 клубов. Всего в 1967 г., в честь 50-летия советской власти было построено 65 клубов[29].

В 1968 г. с инициативой в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина выступили трудящиеся Дубенского района. Она была одобрена республиканскими органами власти и поддержана в целом в республике. За два года было построено более 200 клубов, сельских Домов культуры, библиотек, введены в строй новые кинотеатры. Такого масштабного строительства учреждений культуры за счет средств общественности республика до этого не знала.

Благотворительностью занимались и деятели культуры и искусства. Благодаря их бескорыстной помощи в республике стали открываться картинные народные галереи.

Важным событием в жизни республики в 1981 г. стало открытие картинной галереи в г. Темникове. Около 30 живописных и графических работ передали в дар жителям Темникова мордовские художники, среди них заслуженный художник РСФСР и заслуженный деятель искусств МАССР В. Д. Илюхин, заслуженный работник культуры и заслуженный деятель искусств МАССР А. И. Коровин, заслуженные деятели искусств МАССР В. П. Харламов, Н. С. Макушкин, заслуженные художники МАССР В. Н. Козлов, Н. П. Рожков, художник А. С. Самарин, лауреат премии Комсомола Мордовии В. Р. Макаров и др. Музей изобразительных искусств передал в картинную галерею работы А. А. Мисюры, П. Р. Рябова, Е. С. Кузиной.

Такие же картинные галереи благодаря благотворительной помощи художников республики были открыты в Рузаевке и Зубовой Поляне[30].

Добрая традиция благотворительности должна иметь продолжение и сегодня, когда средства надо жертвовать не только на восстановление храмов, что, конечно, богоугодное дело, но и на сохранение духовных центров села — клуба, библиотеки. Нужно пополнять фонды библиотек новой добротной литературой, которой сегодня не хватает читателю.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1 См.: **Бахмустов С. Б., Фролкина Е. В.** Благотворительность в мордовском крае. Саранск, 2008. 336 с.
2 См.: **Воронин И. Д.** Литературные деятели и литературные места в Мордовии. Саранск, 1976; История Мордовии в лицах. Саранск, 1997. Кн. 2. С. 166; Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 384.
3 См.: **Кузнецов П.** И. Н. Ульянов и просвещение мордовского народа. Саранск, 1981. С. 71.
4 Центральный Государственный архив Республики Мордовия. Ф. 52. Оп. 8. Д. 3. Л. 1 — 12.
5 См.: Журналы Спасского уездного земского собрания 1914 г. Тамбов, 1915. С. 92 — 94.
6 См.: Журналы Ардатовского уездного земского собрания 1908 г. Ардатов, 1908. С. 6, 30 — 31.
7 Там же. С. 6.
8 См.: Доклады управы и журналы Темниковского уездного земского собрания за 1913 г. М., 1914. С. 251 — 253.
9 См.: Журналы Ардатовского уездного земского собрания 1904 г. Симбирск, 1905. С. 50, 537 — 538.
10 Там же. С. 550.
11 См.: Тамбовская энциклопедия. С. 383.
12 См.: Исторический очерк деятельности земства по народному образованию Тамбовской губернии. Тамбов, 1904. С. 33.
13 См.: Журналы Темниковского уездного земского собрания 1907 г. Тамбов, 1908. С. 354.
14 История Мордовии в лицах. С. 148.
15 См.: Тамбовская энциклопедия. С. 384.
16 См.: **Смирнов П. П.** Адмирал Ушаков. Саранск, 1989. С. 39.
17 См.: **Воронин И. Д.** Указ. соч. С. 106.
18 См.: **Конкин С.** Николай Огарев. Саранск, 1982. С. 177.
19 Цит. по: История Мордовской АССР : в 2 т. Саранск. 1979. Т. 1. С. 162 — 163.
20 Цит. по: История Мордовии в лицах. С. 166.
21 См.: **Житаев В. Л.** Более полувека служения народу. Земский врач А. П. Воскресенский // Центр и периферия. 2010. № 1. С. 111 — 112.
22 См.: Товарищеская памятка врачей выпуска 1879 года бывшей императорской Медико-хирургической Академии. СПб., 1904. С. 23 — 26.
23 См.: **Кудрявцев П. Ф.** Бесплатные народные библиотеки Симбирской губернии. Симбирск, 1904. С. 23 — 24. См. также подготовленную П. Ф. Кудрявцевым кн.: Народные бесплатные библиотеки-читальни (земские, волостные и частных кружков) в селах и платные в городах Симбирской губернии в 1900 — 1901 годах. Симбирск, 1904.
24 См.: **Евдокимов П.** Земские врачи — библиотекари // Библиотекарь. 1984. № 2. С. 50.
25 См.: Журналы Ардатовского уездного земского собрания 1900 г. Симбирск, 1901. С. 186.
26 См.: Журналы Ардатовского уездного земского собрания 1901 г. Симбирск, 1902. С. 112, 113.
27 См.: **Евдокимов П.** Указ. соч. С. 50.
28 См.: История Мордовской АССР. С. 303.
29 См.: **Житаев В. Л.** Развитие культуры в Мордовии. Саранск. 1985. С. 21.
30 См.: Советская Мордовия. 1981. 15 окт.

Людмила Михайловна Артамонова,
доктор исторических наук, профессор
(г. Самара)

«ЗАВЕДЕНИЕ СОБСТВЕННЫМ ИЖДИВЕНИЕМ УЧИЛИЩА...»

Роль священников в создании и поддержке школ Казанского учебного округа первых десятилетий его существования

Оказание православным духовенством помощи учреждениям народного образования в дореформенной России часто упускается из виду авторами, которые пишут об общественной активности в школьном деле, но уделяют при этом внимание представителям только светских сословий, прежде всего дворянам[1]. Это заставило нас обратиться к изучению деятельности служителей церкви в пользу общеобразовательных школ первой трети XIX в. Источниковую базу исследования составили материалы по Казанскому учебному округу, образованному в 1803 г. и подчиненному в начальные годы существования (1804 — 1835) первому в Поволжье Казанскому университету. Они отложились в Российском государственном историческом архиве, Национальном архиве Республики Татарстан, Государственном архиве Оренбургской области и других архивах регионов Поволжья и Приуралья, а также были частично опубликованы, в том числе в законодательных актах и периодической печати тех лет.

Типы учебных заведений рассматриваемого времени соответствовали ступеням общего образования: 1) дававшие элементарную подготовку приходские училища; 2) предоставлявшие начальное образование малые народные, а позднее — уездные училища; 3) средние школы — главные народные училища, затем гимназии; 4) университеты. Основным затруднением для развития народного просвещения были материальные проблемы, особенно острые в элементарной и начальной школе. Устройство и содержание приходских школ полностью возлагалось на жителей и местное самоуправление. Считалось, что уездные училища финансируются государством, но в казенные расходы не входили строительство для них зданий и значительная часть других затрат.

В такой ситуации многое, прежде всего для начального образовательного звена, было сделано благодаря частной благотворительности и помощи просвещенных людей разных общественных состояний. В их числе были и лица духовного звания, хотя они вовсе не относились к самым состоятельным слоям.

САМОУЧИТЕЛЬ
ИЛИ
ПОЛНАЯ РОССІЙСКАЯ
АЗБУКА,
СОСТАВЛЕННАЯ ПО НОВѢЙШЕЙ МЕТОДѢ, І
СЪ НОВЫМИ, ДО СИХЪ ПОРЪ НЕИЗВѢСТНЫ-
МИ ОБЛЕГЧЕНІЯМИ КЪ ИЗУЧЕНІЮ ЧТЕНІЯ.
Соч. М. ГУТТЪ.
ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.
3663
МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургической Академіи.
1825.

Часто имена священнослужителей упоминаются в связи с коллективными благотворительными акциями, как правило, сопровождавшими торжественные случаи, например открытие новых училищ. Эти акции носили разовый характер, привлекали заметное число жителей провинциальных селений, взносы которых в большинстве своем были невелики. При открытии в 1815 г. в г. Камышине Саратовской губернии приходского училища свои пожертвования среди прочих лиц внесли протоиерей Мышенский (25 руб.) и священник Чирков (5 руб.). В 1818 г. в пользу Нолинского малого народного училища Вятской губернии священники и церковнослужители 25 храмов в различных селениях уезда собрали 48 руб. 85 коп., причем размер взноса причта одной церкви колебался от 1 до 5 руб.[2]

Вместе с тем делались и крупные пожертвования. Так, в 1811 г. протоиерей Нерчинского Воскресенского собора Петр Лавровский оказался самым щедрым жертвователем на открытое в этом сибирском городе училище. Он подарил школе «дом, стоящий по оценке 3 200 руб., сверх того книг на 18 руб.»[3].

Другая форма благотворительной помощи школе заключалась в представлении помещений для занятий со школьниками в частных домах без взимания арендной платы. В 1807 г. Исидор Евфимиевский, протопоп г. Горбатова, «желая доставить согражданам своим облегчение, которые не в состоянии находятся для назначенного там уездного училища доставить дом ни наймом, ни покупкою, представил для помещения оного покои в своем доме без всякого платежа»[4].

При Александре I возникла практика привлечения представителей духовного сословия к учительскому труду в общеобразовательных школах разного уровня: в приходских училищах с 1804 г., в гимназиях и уездных училищах с 1812 г.[5] Появилась своеобразная форма благотворительности священников, заключавшаяся в их отказе от получения казенного жалованья за преподавание в светских школах Закона Божьего и других предметов.

Законоучитель Ставропольского уездного училища Симбирской губернии Корнилий Ястребов в 1823 — 1835 гг. служил без жалованья, «жертвуя оным в пользу училища». А законоучитель такого же училища в Киеве священник Иванищев передал в 1810 г. свое годовое жалованье (75 руб.) на покупку книг для бедных учеников. Протоиерей Иоанн Световидов уступил в 1817 г. в пользу Свияжского уездного училища свое жалованье законоучителя[6].

Учитель Крестовоздвиженского приходского училища в г. Арзамасе Нижегородской губернии священник Добротворский в 1817 г. пожертвовал на нужды школы свое жалованье за треть года «и обязался навсегда служить без оного». Кроме того, Добротворский в 1812 г. был награжден знаком отличия за «успехи в должности наставнической… и за временное содержание училища наемкою на свой счет служителя для училища и покупкою дров для отапливания печей». В 1820 г. он же «употребил на поправление дома уездного училища двести двадцать рублей»[7]. В последнем примере мы встречаемся с самой действенной формой поддержки школ, когда благотворители частично или полностью брали на себя расходы по их содержанию.

Значение и ценность случаев благотворительности со стороны духовенства были подчеркнуты в решении Комитета министров от 15 января 1816 г. «О наградах для благотворителей училищ», где отдельным пунктом стоял следующий: «Пожертвования духовных особ, хотя бы и не столь значительны были… однако ж их споспешествования, а наипаче заведения ими сельских приходских училищ поставляются в числе важных заслуг: ибо с распространением приходских училищ умножится число учащихся в уездных училищах и гимназиях. Министерство Просвещения употребит ходатайство свое у Духовного Начальства, дабы таковые благонамеренные духовные особы награждены были Высочайше установленными для белого духовенства знаками отличия»[8].

Случаи солидной материальной поддержки светских учебных заведений со стороны лиц духовного звания не были единичными и часто сочетались с серьезными организаторскими усилиями по созданию школ. Упомянутое Крестовоздвиженское училище в Арзамасе было основано в 1809 г. по инициативе священника Степана Прыткова. Тот открыл приходское училище, пожертвовав для него собственный дом с землей, купленный им за 800 руб., и обязался исправлять в нем учительскую должность. В 1810 г. еще один арзамасский священник Петр Дмитриевский, пожертвовал «в пользу основанного им приходского училища собственным деревянным домом»[9].

Священник г. Ардатова Нижегородской губернии Петр Серебровский в 1806 г. «изъявил… желание свое на заведение собственным иждивением училища в том городе». Он предложил открыть приходское училище, которое со временем можно было преобразовать в уездное, обещал «принять на себя и учительскую должность», снабжать учеников книгами, «отапливать то училище», «другие… какие-либо надобности исправлять», а также согласился «пожертвовать собственным же домом для подобного заведения и в уездном городе Княгинине»[10].

Директор симбирских училищ 21 августа 1826 г. представил в училищный комитет Казанского университета прошение священника Степана Макарьевича Бельского из самарского пригорода Алексеевска, который, «жертвуя собственный свой деревянный одноэтажный

дом и принимая на себя обязанность надзирателя и учителя без всякого жалованья», просил открыть приходское училище в пригороде. Священник заявил, что, «если приносимый им дар будет удостоен благосклонным принятием», то он «почтет себя в полной мере вознагражденным за исполнение его желания». Училищный комитет передал вопрос об открытии училища и принятии пожертвованного дома в учебное ведомство на усмотрение Совета университета и просил «в случае уважения просьбы жертвователя ободрить полезное усердие его уверением, что начальство училищное не преминет обратить должное внимание, как скоро усмотрит желаемую пользу»[11].

Сам Степан Бельский, 33 лет от роду, в отличие от многих собратьев-священников обучался не в духовном, а в светском учебном заведении. Он окончил три класса Казанского уездного училища, после чего в 1810 г. был направлен диаконом в с. Чесноковка Самарского уезда, а с 1814 г. служил иереем церкви Владимирской Божьей Матери в пригороде Алексеевске[12].

Вскоре директор симбирских училищ доложил училищному комитету об открытии в Алексеевске приходского училища. Мероприятие состоялось 13 октября 1826 г. «с приличным обрядом», в училище поступили 48 учеников[13].

Воспитанник Оренбургской духовной семинарии священник Иоанн Милордов, прибыв в другой небольшой заволжский город Бугуруслан, не нашел там «никакого благовоспитания детям всех сословий по части наук, по причине неимения в оном городе ни народного, ни уездного училища». Отец Иоанн «из любви к просвещению и пользам Отечественным начал заниматься… обучением юношества разным предметам и языкам», благодаря чему «многие из них поступали прямо в высшие учебные заведения и в службу гражданскую и военную, достигли значительных чинов и украшены многими знаками отличия». В 1818 г. из частных уроков выросло приходское училище, которое священник разместил в собственном доме и содержал полностью на свой счет, так как в течение многих лет на училище «пожертвований как от граждан бугурусланских, так и от дворян оного уезда никаких не поступило». При этом отец Иоанн «обучал учеников всех сословий обоих полов и разных окрестных с Бугурусланским уездов без всякого воздаяния». Когда число учеников достигло сотни и одному стало не под силу справляться с их обучением, Милордов добился преобразования училища в уездное, что обеспечило школе казенное содержание и новых учителей. В 1825 г. он стал штатным смотрителем (директором. — *Л. А.*) этого училища, а также законоучителем в нем. В 1835 г. училище было преобразовано по новому школьному уставу, не предусматривавшему замещение должностей штатных смотрителей священнослужителями. Милордов, в то время уже протоиерей, перестал заведовать училищем, оставаясь в нем до 1837 г. законоучителем[14].

До введения указанного запрещения Милордов был не единственным священником — штатным смотрителем уездного училища. Такую же должность в Уфе в 1820-е гг. занимал протоиерей Покровской церкви Иоанн Бреев[15].

Старания Милордова по развитию просвещения и наук распространялись не только на училище в Бугуруслане. В отчете Казанского университета за 1829 г. по кабинету зоологии отмечено, что этот священник прислал «в дар несколько окаменелых раковин»[16].

Если даже в городах священники возлагали на себя бремя школьных дел, то в деревнях кроме них тем более не имелось иных благотворителей. В 1807 г. в с. Буртасы Цивильского уезда была устроена школа местным священником Николаем Михеевым, который «для заведенного им приходского училища в пользу прихожан своих из чувашей новокрещенных пожертвовал навсегда собственным домом, стоящим 500 рублей, и садом, близ его лежащим, равным образом обязался содержать оное, также в первый раз снабдить учеников учебными книгами, и принял на себя смотрение за сим училищем»[17]. В 1815 г. протоиерей П. Сущанский получил дозволение открыть на собственный счет приходское училище в с. Кузмичи Смоленской губернии, в которое первоначально поступили 38 человек[18].

В 1806 г. директору училищ Казанской губернии стало известно, что священник с. Ягодного Иоанн Бельской «около уже года имеет намерение пожертвовать большею частию малого имения своего в пользу народного просвещения». Прибыв в село, директор выяснил, «что действительно упомянутой священник Бельской, из единого усердия, любви и приверженности к народному просвещению и призрению больных и сирот, отдает на время собственной свой деревянной двуэтажный дом под училище, пока не выстроит своим иждивением для училища каменного корпуса», после чего желает «перевесть в оной училище, а деревянный дом свой обращает на богадельню». «Обязуется он, Бельской, всегдашнее иметь смотрение над училищем и будущею богадельнею, и обучать в оном Катихизису, Священной и Всемирной Истории, Географии Математической, Всеобщей и Российскаго государства и Грамматике Российской, с таковым при том желанием, чтобы со временем в заведенном им приходском училище, преподавались все те науки, которые высочайше конфирмованным уставом учебных заведений предписано преподавать в уездных училищах», — сообщал директор и «сердечно радовался, нашед первого по Казанской губернии не так достаточ-

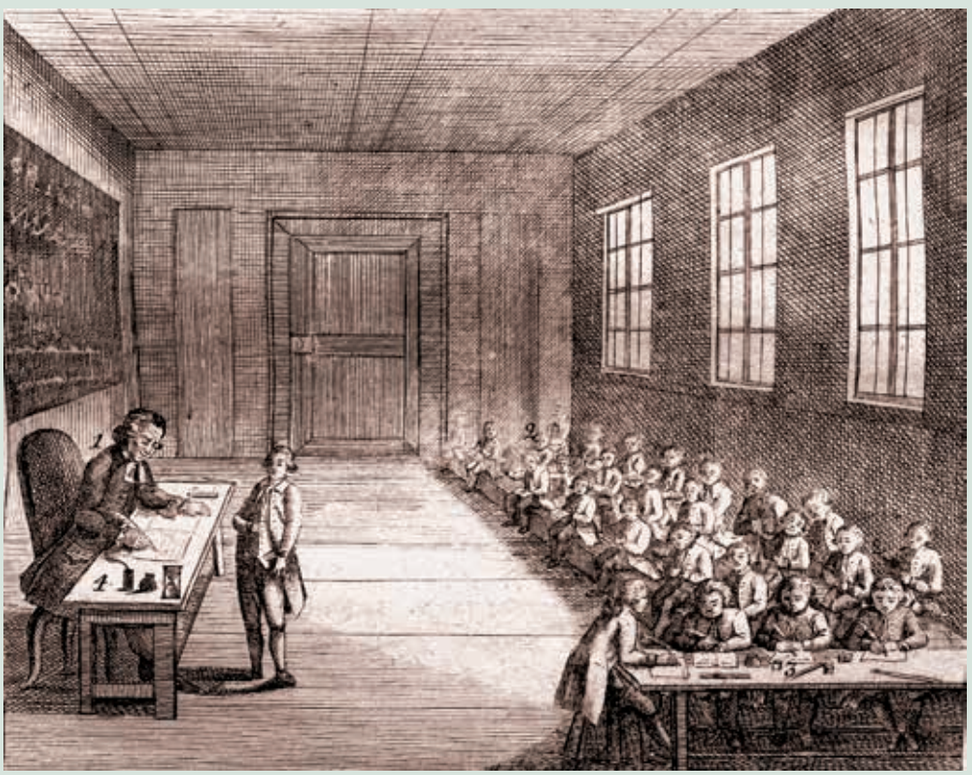
ного человека, располагающего своим имением в пользу народного просвещения и призрения больных и сирот», и снабдив его некоторыми учебными пособиями. Торжественное открытие училища состоялось 18 июля 1806 г. в присутствии архиепископа, архимандритов казанских монастырей «с прочим духовенством», губернатора, вице-губернатора, директора Казанской гимназии «с некоторыми гг. профессорами, адъюнктами и учителями», других важных особ[19].

Император Александр I наградил Иоанна Бельского «крестом для ношения на персях». Министр народного просвещения распорядился опубликовать в печати сообщение об этом ревнителе просвещения, что и было исполнено[20].

Добавим, что подобные награды получили упомянутые выше священники Петр Серебровский, Николай Михеев и другие благотворители духовного сана. Например, в 1807 г. в г. Сызрани Симбирской губернии священник Александр Сызранский «за неимением в сем городе училища завел оное в собственном доме и принял на себя должность учителя чтения, письма, грамматики, арифметики и Священной истории». Император выразил «благоволение к таковому похвальному подвигу сего священника на пользу общую» и «повелел наградить его знаком отличия из установленных для белого духовенства»[21].

Награды служили дополнительным стимулом к благотворительной деятельности. Через два года после открытия училища в Ягодном попечитель учебного округа оповестил министра народного просвещения, что «священник свое обещание исполнил во всей точности, так что сие новое училище строением превзошло почти надежду, ибо не токмо выстроено прочным образом, но и отделан дом лучшею работаю, на что основатель оного, предпочтя общую пользу собственной, пожертвовал более 3 000 рублей». Сами «ученики при прошедшем испытании оказали неожиданные успехи, так что… оное может служить образцом для подобных училищ»[22].

В документах по Ягодинской школе имеются упоминания о том, что ее основатель «со стороны своего сословия и земского правительства» встречал затруднения «к произведению в действо своих благотворений»[23]. Уточнить смысл намеков о недоброжелателях Иоанна Бельского не удается, но в качестве вероятных причин таких затруднений можно привести схожую ситуацию в с. Шихозанове Цивильскаго уезда Казанской губернии, где приходское училище было открыто 2 ноября 1819 г. Смотрителем училища и учителем стал священник этого села Яков Каменский, «пожертвовавший собственный на то дом… стоющий в здании до восьмисот рублей», и который также «принял на себя отопление и освещение сего дома», обязался содержать училище и в дальнейшем «на свой счет и быть в оном учителем». Обычное в таких случаях представление иерея к награде не возымело должного движения, поскольку попечителю учебного округа пришел донос от священника Островского из того же села. Он утверждал, что дом, подаренный училищу, гнилой, а школа устроена лишь для обучения детей самого Каменского и для пускания пыли в глаза начальству. Директору университета пришлось «командировать секретно» почетного смотрителя уездного училища из г. Яранска, чтобы «исследовать допряма как внешнее состояние училища, так и внутреннее, относительно способности учителя и успехов учащихся». По результатам проверки, проведенной в 1820 г., обвинения оказались



Школьный учитель (Зрелище природы и художеств. СПб.,1809,ч. VIII,с. 20)

ложными. Министр духовных дел и народного просвещения обратился к казанскому архиепископу, «дабы учинено было священнику Островскому замечание за его поступок, вовсе не приличный занимаемому им званию, и притом взысканы были с него деньги… на проезд для исследования по его извету, всего пятьдесят один рубль». Каменский 29 декабря 1821 г. был «всемилостивейше награжден бархатною фиолетовою скуфьею»[24]. В тот же день такой же награды был удостоен «Церевококшайского уезда села Морков священник Яков Смирнов», который в 1820 г. построил деревянный дом, ценой в 1 200 руб., и пожертвовал его под приходское училище, снабдив «разными необходимыми учебными пособиями и мебелью, а в ученики привлек уже многих из черемис и татар»[25].

В 1809 г. император приказал Святейшему Синоду наградить камилавкой протопопа Спасского собора в г. Елабуге Вятской губернии Павла Юрьева. Тот «сделал пожертвование собственным своим каменным домом для народного училища в городе, обязываясь снабдить оное на первый случай учебными пособиями и иметь за ним смотрение, равным образом дом тот, какая бы в нем починка ни случилась, поправлять каждогодно своим коштом»[26].

Труды служителей церкви на ниве просвещения, к сожалению, не всегда приносили им признание и награды властей. Приходилось сталкиваться и с чиновничьей волокитой, сводившей добрые намерения на нет. Характерен случай со священником Петром Степановым из с. Стретинского (Беклемишева) Карсунского уезда. В конце 1826 г. он выстроил специальный дом под школу, где обучал детей чтению, письму, Закону Божию и Священной истории. На следующий год Степанов встретился с проезжавшим через село директором училищ Симбирской губернии А. Гапоновым, «прося об исходатайствовании от университета разрешения на формальное открытие приходского училища». Сам священник хотел отказаться от обязанности учителя, но обещал «приискать благонадежнаго к тому человека, который бы под его непосредственным надзором находился»[27].

Как ни странно, камнем преткновения при решении данного дела стал именно школьный дом (размером семь на три сажени): «новый, прочный и разделяется сенями на две части, из коих одна назначена для учебной комнаты, а другая для жилья учителя». Для приема этого дома в училищное ведомство необходимо было произвести его оценку и составить план. Симбирский губернатор, который должен был «командировать губернского архитектора для составления плана дому, священником села Стретинскаго Степановым жертвуемому под училище», не смог решить, на чей счет следует отнести прогонные деньги для поездки архитектора. На этот же вопрос училищный комитет Казанского университета не давал ответа до 1832 г., пока не нашел прецедент в разрешении министра народного просвещения оплатить прогоны архитектору, посланному для снятия планов училищных зданий Вятской губернии[28].

Однако было уже поздно. Многолетняя волокита сорвала планы создания этой школы, поскольку Степанов скончался в апреле 1831 г., «и дом, который предполагал священник сей под заводимое им в сим селе приходское училище», был его вдовой продан. Чиновники от образования поставили последнюю запись в этом деле, видимо, с чувством выполненного долга: «По постановлению Комитета (Училищного. — *Л. А.*) 24-го ноября 1832 года по статье 31-й определено дело сие почислить решеным и сдать в архив»[29].

Иллюстрация к книге «Самоучитель, или полная российская азбука». 1825 г.

Несмотря на неудачу некоторых своих учебных начинаний, лица духовного звания, дополняя усилия властей и светской общественности, внесли своей благотворительностью весомый вклад в развитие русской массовой школы. Анализ широкого круга источников показал действенный характер помощи общеобразовательным учебным заведениям со стороны представителей православного духовенства в первой трети XIX в. Сочетание различных форм участия священников в создании и развитии учреждений образования разного уровня оказало положительное влияние на народное просвещение в российской провинции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

[1] См.: **Лысикова О. В.** Государственная и частная благотворительность в народном просвещении начала XIX века // Благотворительность и милосердие : сб. науч. тр. Саратов, 1997. С. 175 — 178.
[2] Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 1. Д. 521. Л. 26 — 26 об.; Д. 836. Л. 42, 43 об. — 44 (далее НАРТ).
[3] Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1812. № XXXII. С. 323 — 324.
[4] НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 192. Л. 67.
[5] См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 27. № 21501. С. 640; НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д. 4а. Л. 11, 13.
[6] Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 45. Д. 142. Л. 2 об. — 3 (далее — РГИА); Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1810. № XXVI. С. 257; Журнал Департамента народного просвещения. 1821. Т. 1. № III. С. 384.
[7] НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1218. Л. 1, 4 об., 7.
[8] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. I. Стб. 784.
[9] РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 285. Л. 109 — 110; НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 308. Л. 46; Д. 413. Л. 64 — 64 об.
[10] НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 171. Л. 1 — 2 об., 4.
[11] НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1037. Л. 1 — 1 об.
[12] Там же. Л. 3 об. — 4.
[13] Там же. Л. 5.
[14] РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 14. Л. 6 об. — 9.
[15] Государственный архив Оренбургской области. Ф. 73. Оп. 2. Д. 8. Л. 30 об. (далее — ГАОО).
[16] НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1378. Л. 18.
[17] Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1808. № XX. С. 278 — 279.
[18] См.: Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1817. № XLII. С. 14; № XLIII. С. 279.
[19] НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 169. Л. 1 — 2.
[20] См.: Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1806. № XVI. С. 434 — 435.
[21] Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1808. № XX. С. 286 — 287.
[22] РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 285. Л. 12 — 14.
[23] НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 169. Л. 1.
[24] Там же. Д. 982. Л. 6 — 7, 11 — 12, 14.
[25] Там же. Д. 1122. Л. 2, 4.
[26] Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1809. № XXII. С. 209.
[27] НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2077. Л. 4; Ф. 977. Оп. УК. Д. 1027. Л. 1.
[28] НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д. 1027. Л. 1 об., 2 об. — 3, 4.
[29] Там же. Л. 5.

Татьяна Михайловна Гусева,
кандидат исторических наук
(г. Саранск)

СЕЛЬСКИЕ ИСТОРИКИ ПОНЕВОЛЕ

Приходские священники — корреспонденты «Пензенских епархиальных ведомостей»

Вторая половина XIX в. стала плодотворной эпохой в области изучения отечественной истории и культуры. Благодаря невиданному до той поры энтузиазму было собрано колоссальное количество материалов по истории как целых регионов, так и отдельных городов и селений. Интерес к истории родного края охватил буквально все слои населения: краеведением занимались купцы, мещане, учителя, крестьяне, духовенство. Среди краеведов дореволюционного периода довольно многочисленную группу составили представители духовенства.

Русское духовенство являлось одним из источников формирования гуманитарной интеллигенции России. С учетом возросшего образовательного и интеллектуального уровня священнослужителей в середине века был поставлен вопрос о создании образа приходского священника, который уже не только как исполнитель треб служит своему приходу, но и имеет все качества просветителя, одновременно исполняющего социально-благотворительные задачи. Это хорошо отразила начинавшаяся в то время русская церковная журналистика (журналы «Православное образование», «Православный собеседник», «Странник» открыто высказывали фактически протестантские идеи, ставшие логическим завершением переоценки взглядов на роль приходского священника).

Большое значение имело то, что духовенство было не просто грамотным, а наследственно грамотным сословием, со своими ведомственными учебными заведениями, архивами, библиотеками, органами управления, традициями. Трудолюбием, выносливостью, жаждой знаний, упорством бывшие семинаристы и в университетах, и на службе значительно превосходили детей из свободных сословий.

Гуманитарная нацеленность полученного образования, функции регистратора течения времени в приходе (рождений, браков, смертей), наличие в приходской церкви архива — все это делало приходского священника сельским историком поневоле, влияло на его мировоззрение, круг знаний. Близость и сопричастность ко всем крестьянским праздникам превращали его в определенной мере и в этнографа, превосходно знавшего местные обычаи и обряды.

В определенном смысле русское православное приходское духовенство было потенциальным сословием историков. Массовый отклик священнослужителей на вопросники Русского географического общества середины XIX в., повсеместное участие в научной деятельности статистических комитетов — наглядное тому доказательство.

Мотивы массового обращения к научным историческим и этнографическим занятиям священников разных возрастов начиная с середины XIX в. многообразны. Тематика работ, как правило, касалась того, что они хорошо знали в окружающей жизни: исторических и этнографических описаний сел, приходов, уездных городов, быта окрестного населения. Во многих семьях складывались прочные краеведческие традиции, и нередки были случаи, когда отец и сын занимались краеведением. Семейные краеведческие традиции в русской провинции второй половины XIX в. были широко распространены и приносили большую пользу при изучении края. В семьях собирались ценные библиотеки, личные архивы и коллекции, концентрировались краеведческие знания.

Особенностью жизни церкви в пореформенный период было заметное расширение церковной печати. Начавшие выходить в 1860-е гг. в отдельных губерниях епархиальные ведомости к 1880-м гг. повсеместно стали печатными органами епархий. «Пензенские епархиальные ведомости» с момента основания одной из своих задач ставили изучение культуры и быта населения пензенского края.

В 1865 г. инспектор Пензенской духовной семинарии протоиерей Яков Петрович Бурлуцкий обратился с прошением к архиепископу Антонию I, чтобы тот ходатайствовал перед Синодом о разрешении на издание «Пензенских епархиальных ведомостей» по составленной им программе. Познакомившись с представленными документами, Антоний I пришел к выводу, что «предприятие протоирея Бурлуцкого» будет полезно и епархиальному управлению, и духовенству Пензенской епархии. Архиепископ благословил новый журнал и направил в Синод ходатайство о разрешении его издания. Синод рассмотрел это ходатайство, внес некоторые исправления в представленную программу указом от 5 ноября 1865 г. и разрешил печатание журнала (периодичность — два раза в месяц). Статьи с описанием приходов, входивших в состав Пензенской епархии, появились на страницах «Пензенских епархиальных ведомостей» в 1870-е гг. Так, в 1871 г. было опубликовано историко-статистическое описание с. Каменный Брод Краснослободского уезда, данное А. А. Примеровым.

За 51 год существования «Пензенских епархиальных ведомостей» были авторы, которые в течение ряда лет постоянно сотрудничали с журналом. Среди них сельские священники И. П. Александровский, И. Голубинский, В. И. Масловский, И. Ягодинский, знаменитый протоиерей из г. Саранска А. И. Масловский.

Ф. А. Васильев. Деревня. 1869 г.

Корреспонденты «Пензенских епархиальных ведомостей» — в подавляющем большинстве рядовые приходские священники — в своих публикациях исчерпывающе полно отразили разные стороны быта местного населения. Обладая незаурядными задатками, они собирали богатый исторический материал и писали обширные содержательные очерки о селах. Интересные бытовые зарисовки свидетельствуют о наблюдательности и основательной литературной подготовке авторов, серьезно относившихся к изучению этнографических особенностей и культуры русских сел.

В статьях содержится богатый статистический материал: число жителей мужского и женского пола в том или ином приходе при его открытии, через 10, 20, 30 лет и т. д. Так, в историко-статистическом описании с. Вырыпаева приведена численность населения с 1800 по 1909 г., расписанная по десятилетиям. Есть в статьях сведения о численности русского населения и представителей других национальностей, число христиан, иноверцев православных, раскольников, или сектантов. Кроме того, авторы объясняют причины увеличения или сокращения эти цифр. «Количество населения, то увеличивается, что происходит путем естественного прироста, то уменьшается, что происходит вследствие отъезда „на новые земли“, преимущественно в Сибирь, хотя есть выселенцы в Самарскую, Ставропольскую и Оренбургскую губ. Население с. Вырыпаева чисто русское, выговор с сильным ударением на „о“, православного исповедания, если не считать одной женщины, отпавшей в молоканство, хотя дух молоканства царит здесь не в одном семействе, на что здесь влияет близость деревни Уришки (прихода с. Трофимовщины), где все почти поголовно молокане и баптисты, и с этими то сектантами Вырыпаевцы не только имеют общение, но нередко и роднятся через брачные сопряжения или союзы»[1].

Много внимания в статьях уделялось развитию школьного образования. Годы основания школ всех типов и ведомств дают материал о распространении просвещения в крае, истории просветительной деятельности Министер-

Н. А. Ярошенко. Хор. 1894 г.

ства народного просвещения, земства и епархиального училищного совета. «В селе Нечаевке с 1891 г. имеется школа грамоты, которая первоначально помещалась в церковной сторожке. Московская купчиха Варвара Михайловна Елина, муж которой купил имение в г.г. Чарыковых, выстроила в 1900 году для школы на свои средства очень приличное помещение. На постройку школьного здания ею израсходовано 450 рублей. Школа имеет в длину 12 арш., в ширину 8 арш. и, в вышину 4 аршина внутри, с помещением для учительницы. Построена из осинового и липового лесу; покрыта коноплем. Учительницей все время состоит дочь местного псаломщика Елена Ивановна Оранская, воспитанница Саранской женской прогимназии. Учащихся 14 мальчиков»[2].

Приведенные в статьях цифры о числе грамотных мужчин и женщин, позволяют сделать вывод о том, насколько широко было распространено просвещение в народе, как быстро развивалось, что предпринималось для его поддержания и развития.

О материальном положении духовенства можно судить по приведенным цифрам получаемого причтом обеспечения от прихода за 10, 20, 30 лет и более назад, а в связи с другими фактами и указаниями можно понять и оценить пастырскую деятельность духовенства — ее успешность и безуспешность. Цифры о выделяемых на содержание духовенства из разных источников средств разносторонне освещают его материальное положение. Священнослужители редко были довольны материальным положением своего прихода, чаще в статьях звучали жалобы на его бедность. «Кроме доходности от землепашества, причт содержался и содержится добровольными приношениями. Братская кружка и в настоящее время доставляет не более 300 — 350 р.; кроме сего, священник от „новинки“ и от „постной молитвы“ насбирает зернового хлеба рублей на 25, да „требник“ столько же даст; жалованье причт получает по окладу V класса. Поэтому, в виду бедности прихода, священники переходили из Н. Федоровки, оставляя дело образования прихожан своим наместникам...»[3].

Священники в своих статьях часто рассказывали об обычаях, обрядах, суевериях и предрассудках крестьян, которые, по мнению служителей церкви, были чужды и даже вредны православию: гаданье, ряженье, колядова-

ние, знахарство, празднование Масленицы, кулачные бои и т. д. «Разных суеверий среди крестьян распространено очень много. В оборотней, домовых, водяных русалок и прочую нечисть верят почти поголовно все. Домовой часто стонет в избах, предвещая какое-нибудь несчастье, давит во время сна людей, забирается на конюшни и заплетает любимым коням гривы, а нелюбимых мучит ночью, опрокидывая их в колоды и т. д. Лесовики, водяные русалки являются православным в лесах или на воде и пугают их и иногда зло подшучивают, устроя какие-нибудь шутки во вред людям. Со всею этою нечистою силою знаются люди, продавшие свою душу бесам, — знахари, колдуны, ведьмы. Людей, заподозренных в таком сообществе, крестьяне боятся, веря, что они могут своими чарами напустить болезнь телесную или душевную (тоску). В их же власти равно и излечить от болезней — с помощью наговоров, шептаний или каких-либо лекарств. Поэтому с болезнями крестьяне вместо законных врачей чаще обращаются к разным знахаркам и колдунам»[4].

Священники описывали приметы, способы гадания, перечисляли ряженые персонажи. Некоторые иереи делились опытом борьбы с подобными занятиями паствы: с опахиванием села во время эпидемических болезней населения или при падеже скота, со знахарством, с колядованием.

Имеются описания народных представлений о небе, солнце, кометах, громе, радуге и т. д. «Настоящих правильных воззрений на окружающий мир и разные явления природы крестьяне имеют недостаточно, особенно женский пол. Представления их о небе, солнце, земле и других кометах своеобразны. Небо — это, по их понятиям, жилище высших существ — Бога и ангелов, земля имеет форму бесконечной площади, солнце двигается над землей, явление комет объясняют, как предзнаменование каких-нибудь несчастий и бедствий, вроде войны, голода и т. п.; гром и молнии посылает пророк Илия, раскатывающийся по небу на огненной колеснице»[5].

Большое число материалов посвящено специфике восприятия простым народом основных положений христианской догматики, главных церковных обрядов и церковной атрибутики, представлениям о Боге, о святых, об иконах, постах и т. д. Авторы подобных публикаций уверены: священник обязан знать все особенности крестьянского православия с их поверьями и обычаями, для того чтобы избрать наиболее оптимальный способ приобщения паствы к истинной вере. Предлагалось усилить просветительную работу среди прихожан посредством проповедей, внебогослужебных собеседований, открытия церковно-приходских школ.

В статьях повествовалось о настоящих и мнимых юродивых, лжепророках и лжесвятых, гадалках, а также «черничках», которые, с одной стороны, обучают крестьян грамоте, а с другой — мешают деятельности священников. «В редком селении нет, так называемых, богомолок или келейниц. И Новошишкеевская Слобода не составляет в этом отношении исключения, и даже более: здесь они заметнее, чем во многих других приходах, так как играют некоторую роль в религиозной жизни крестьян. В прежнее время эти девы-богомолки были здесь довольно многочисленны; например, в начале 80-х годов их насчитывалось до 15 человек — чуть не целый монастырь!»[6] Часто обличались разные апокрифические произведения, распространяемые как среди сельчан, так и среди горожан.

В опубликованных статьях имеются сведения об одежде, обуви, пище, жилище, семейной жизни, народной демонологии, церковно-календарной обрядности и т. д. «Одежда крестьян самая бедная: шапка, зипун, а в зимнее время, у зажиточных шуба, лапти и онучи. С своими шапками крестьяне не расстаются и летом, как бы не были сильны жары. У всех вообще крестьян рубашки и порты сини — из своего изделия. Молодежь, в праздники, носит красные рубахи и шапки с красным околышем; некоторые стали заводиться картузами. Женский пол носит белые рубахи и синий сарафан, покрывая голову цветным бумажным платком. Пища крестьян чрезвычайно скудна: квас, картофель, пустые щи, у некоторых зажиточных бывают горох, молоко, а в праздники тощая говядина и каша. Водку любят все и из-за нее готовы сделать что угодно...»[7].

Во многих публикациях приводились фольклорные тексты, главным образом произведения устной прозы: предания о первых поселенцах в данной местности, об истории возникновения села или деревни, о строительстве церкви, о наиболее любимых народом батюшках, об особо чтимых иконах, о Разине и Пугачеве, о разбойниках, кладах и т. д. «Много рассказов сохранилось о священнике Адриане Иосифове. Это был и полном смысле слова — „иерей-лапотник“. Были у него сапоги, но хранились в церкви; надевал он их в великие праздники — на Пасху, Рождество и др., да и то только к литургии, утреню же совершал в лаптях. Дома любимым его занятием было плетение лаптей. Большой искусник, говорят, был он в этом отношении. Наплетет, бывало, целый ворох лаптей — больших и маленьких — и дарит их своим многочисленным кумовьям и крестникам. Нередко его можно было встретить бредущим в какую-нибудь деревню и непременно во всеоружие: в кафтане, натуго перетянутом кушаком; с одного боку, за кушаком, замкнут „кочедык“, с другого — пучок лыка; за спиной — лапти, из экономии снятые во время пути; за пазухой — требник, а иногда и крестильный ящик. Придет в деревню — и живет там три-четыре дня:

ходят под окнами и спрашивает: „нет ли каких треб?“ Где случатся, — окрестит младенца, или даст молитву родильниц, освятит новый колодец; не досмотрит баба, — попадет какая нечисть в кадку с капустой — он лезет сам в погреб и освящает осквернённую снедь»[8]. Печатались также духовные стихи, заговоры, причитания, колядные песни, былички.

В состав церковного прихода часто входило по несколько деревень и авторы историко-статистических статей давали небольшие сведения по каждой из них. Так, К. П. Столыпин, подробно излагая историю с. Блохина, пишет и о деревнях, входивших в приход. «К приходу села Блохина принадлежат 4 деревни. В полуверсте от села, по направлению к востоку, на том же правом берегу речки лежит деревня „Блохинские Выселки“ (22 двора), а против нее, на другом берегу, расположилась деревня „Чекаевка“ (43 двора). В трех верстах к югу от села, ближе к г. Саранску, стоит деревня „Берсеневка“ (90 дворов). К этому же приходу приписана дер. „Свербейка“ Инсарского уезда — в 4-х верстах от Блохина по направлению к юго-западу»[9].

В историко-статистических описаниях сел содержится большой объем информации о занятиях местного населения. Все без исключения священнослужители выражали негодование по поводу занятия отхожими промыслами, которые приносили определенный доход населению, но при этом «портили» его религиозно-нравственное состояние. «Самое главное и доходное занятие крестьян с. Воеводского и д. Петровки шитво — отхожий промысел; почти все мужское население с 12-летнего возраста швецы, между которыми встречаются и порядочные портные. Отхожим швейным промыслом они занимаются издавна. Обыкновенно после местного храмового праздника Покрова Божьей Матери все крестьяне мужеского пола, за исключением больных и дряхлых стариков и малолетних, расходятся шить почти во все уезды и особенно Городищенский и Карсунский. Немногие из них, работающие в ближайших и окрестных селах, приходят на побывку к праздникам Св. Николая (6 дек.), Рождества и Крещения Господня. Остальных же швецов не бывает до масляной недели»[10].

Историко-статистическое описание приходов активизировалось с открытием церковного историко-археологического и статистического комитета с церковным древнехранилищем при нем, организованного Указом Святейшего Синода от 9 ноября 1901 г. при Пензенской духовной семинарии.

Из устава комитета видно, что главная цель его учреждения — описание епархии в прошлом и настоящем ее состоянии. К работе в комитете призывались местные уроженцы, преимущественно состоявшие на службе по духовному и учебно-духовному ведомству.

И. Е. Репин. Праздничный вечер в деревне. 1876 г.

Работа комитета — прежде всего исторического и частью археологического характера — заключалась в том, чтобы рассмотреть и обследовать исторические и церковно-исторические документы, вещественные памятники старины. Некоторые из них хранились в архивах, в церковных кладовых и библиотеках, в частных домах и т. д. Найти эти документы, использовать их содержание, изучить памятники и предохранить от разрушения (хотя бы некоторые) — одна из задач учрежденного комитета. Организаторы комитета понимали, что в этих документах и памятниках трудно найти подробности быта, нравов, частных событий. Потому они советовали обратиться к иному источнику исторических данных: к истории, которая хранится в памяти народа, запечатлена в особых названиях местностей, а также в преданиях, связанных с ними. Важно было провести подобную работу в тех селениях, где не забыто недавнее прошлое, начало исторического существования. В связи с этим к работе в комитете призывались местные жители, которые могли собрать различные предания и сказания, осветить их и критически изложить в литературной форме или представить в виде «сырого» материала в комитет.

Материалы, находившиеся в распоряжении приходских священников, были достаточно обширны, и комитет счел необходимым, чтобы сведения об отдельных приходах епархии, на основании которых отчасти будет создаваться история и всей епархии, доставлялись в комитет по определенной программе. В соответствии с ней члены-корреспонденты могли располагать передаваемые комитету сведения в более систематическом порядке и связном виде, что должно было облегчить работу комитета.

Программа состояла из нескольких больших разделов: «Географическое и топографическое описание прихода села N»; «История прихода»; «История храма»; «Причт»; «Население прихода»; «Достопримечательности прихода»; «Современное состояние прихода». Насколько был содержателен каждый из разделов, можно судить по тому, из каких частей они состояли. Так, последний раздел «Современное состояние прихода» включал 16 подразделов: «О храме», «Доходы храма», «Храмовые праздники», «О причте», «Количество земли при церкви», «Общественные и административные учреждения прихода», «Прихожане», «Главное занятие населения», «Физический тип населения», «Материальное благосостояние», «Религиозно-нравственное состояние прихожан», «Религиозно-нравственное развитие крестьян», «Народные верования, представления, знания», «Грамотность прихожан», «Крестьянская семья», «Пороки и преступления крестьян».

Историко-статистические описания сел, опубликованные в «Пензенских епархиальных ведомостях», представляют несомненный интерес для специалистов разных гуманитарных дисциплин, но еще в недостаточной степени введены в научный оборот и мало используются в исследовательской работе.

Таким образом, можно констатировать, что в провинции второй половины XIX в. приходское духовенство стало значительной культурной силой. Достаточно характерной для 1860 — 1880-х гг. является фигура сельского священника — историка, этнографа-любителя, члена губернского статистического комитета. Гуманитарное образование, общественный подъем 1860-х гг., наличие постоянных организационных центров в виде губернских статистических комитетов, нацеленность краеведческих материалов в местной печати на деятельного читателя, стремление к личностной реализации, желание выйти из привычного круга занятий, влияние передовой литературы — таковы, думается, основные предпосылки обращения многих десятков приходских священников во второй половине XIX в. к занятиям историей и этнографией родного края.

Явление это было социально обусловлено: в селе, приходе функции официального историка, регистратора течения времени внутри небольшой общины людей возлагались именно на священника. Наличие церковного архива, где часто имелись документы XVII — XVIII вв., ведение метрических и исповедных книг, составление клировых ведомостей делало этих людей своеобразными генеалогами поневоле, сопричастными ходу истории, позволяло им свободно ориентироваться в прошлом, а следовательно, отделять его от настоящего, а настоящее от будущего. Будучи своими в тесном сельском мирке, они одновременно были отстранены от него своим положением и образованием и могли взглянуть на привычные крестьянские занятия с точки зрения этнографа. Эта среда в условиях провинциальной России XIX в. создала благоприятные условия для формирования исторического сознания у приходского духовенства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

[1] Пензенские епархиальные ведомости. 1910. № 21. С. 972 — 973 (далее — ПЕВ).
[2] ПЕВ. 1901. № 5. С. 166 — 167.
[3] ПЕВ. 1899. № 10. С. 390.
[4] ПЕВ. 1903. № 18. С. 753.
[5] Там же. С. 752.
[6] ПЕВ. 1899. № 14. С. 561.
[7] ПЕВ. 1883. № 15 С. 26.
[8] ПЕВ. 1907. № 21. С. 1027 — 1028.
[9] ПЕВ. 1907. № 20. С. 983.
[10] ПЕВ. 1904. № 7 — 8. С. 238.

Александр Анатольевич Филонов,
аспирант Марийского государственного университета
(г. Йошкар-Ола)

ЭХ, УХНЕМ!..

ЯКОРЩИКИ-СПЛАВЩИКИ НА КОЗЬМОДЕМЬЯНСКОЙ ЛЕСНОЙ ЯРМАРКЕ В НАЧАЛЕ XX в.

Козьмодемьянская лесная ярмарка имела всероссийское значение и была второй по величине объема товарооборота в России после Архангельской и первой среди приволжских лесных ярмарок. Отдельные сведения об этой ярмарке имеются в специальных работах, посвященных внутренней торговле России[1], а также обобщающих трудах по истории Казанской губернии[2]. Фактический материал о лесозаготовках в Волжско-Ветлужском районе, итогах торговли на Козьмодемьянской лесной ярмарке приводится на страницах журналов «Лесопромышленник», «Лесной журнал» и «Лесопромышленный вестник».

Несмотря на интерес исследователей к изучению Козьмодемьянской лесной ярмарки, многие аспекты из ее истории не получили должного рассмотрения[3]. Одним из таких вопросов является характеристика труда якорщиков-сплавщиков. В данной статье предпринимается попытка восполнить этот пробел как за счет систематизации уже имеющихся данных, так и за счет привлечения впервые вводимых в научный оборот документальных материалов, извлеченных из Государственного архива Республики Марий Эл.

Известно, что лесные материалы, заготавливаемые в Никольском уезде Вологодской губернии, Ветлужском и Варнавинском уездах Костромской губернии и Макарьевском уезде Нижегородской губернии, сплавлялись с наступлением весеннего половодья по р. Ветлуге и ее притокам на р. Волгу для продажи на Козьмодемьянской лесной ярмарке[4]. Сюда же по р. Рутке поступала часть выработанного материала из лесов левобережной части Козьмодемьянского уезда Казанской губернии, а в правобережье по р. Суре из Алатырского уезда Симбирской губернии[5].

В течение всей своей деятельности Козьмодемьянская лесная ярмарка сохраняла значение основного распределительного рынка Ветлужского лесосплава. Общее количество плотов-однорядков, поступавших на ярмарку с Ветлуги, ежегодно колебалось от 1,5 до 3,0 тыс. Такое колебание обусловливалось различными причинами. Незначительный снежный покров зимой, невысокий уровень весеннего половодья в лесосплавных реках и их притоках,

Хижина на волжском плоту во время сплава. Издание В. И. Бреева. 1900-е гг.
Фото из коллекции профессора С. В. Старикова

Сплав плотов во время разлива. Издатель неизвестен. 1910-е гг.
Фото из коллекции профессора С. В. Старикова

лесные пожары, засухи, неурожаи служили причинами уменьшения объемов лесозаготовок и количества сплавляемого на Козьмодемьянскую ярмарку леса. В поступавших в продажу плотах насчитывалось от 500 тыс. до 1 млн деревьев различных пород (сосна, ель, осина и т. д.), которые в ожидании продажи стояли на месте нередко более двух месяцев. Так, в 1901 г. на ярмарку прибыло 1 600 ветлужских плотов, в 1909 г. — 1 800 плотов и 1 100 куб. саженей дров, а в 1914 г. — 3 100 плотов[6].

Управляла поступавшими по р. Ветлуге на Козьмодемьянскую лесную ярмарку однорядными плотами команда сплавщиков из 4 — 6 человек. Их работа сосредоточивалась на головном и хвостовом «челенах» (челено — одно из звеньев плота, состоящее из 40 — 60 бревен) плота, где были укреплены 2 больших руля в форме громадных весел — «навесь» (в голове) и «поносное» (в хвосте). Большая часть команды работала около «навеси», неустанно ворочая эту тяжесть из стороны в сторону на извилистом и трудном фарватере. У «поносного», игравшего второстепенную роль, оставались 1-2 сплавщика, только в редких случаях ворочавшие им, когда хвост плота уклонялся от направления, задаваемого «навесью»[7].

Даже при благополучном ходе плота, в тихую погоду, по хорошему фарватеру, от сплавщиков требовалось усиленное внимание, чтобы не посадить плот на мель или не разбить его об узкие берега Ветлуги, не столкнуться с другими плотами и т. д. Команда плота постоянно была занята то поворотом тяжелых рулей, то, не имея якорей, вынуждена была плыть на лодке к берегу, чтобы как можно быстрее вбить пешню и зачалить плот, двигавшийся по опасному пути. Однако упором пешни в песчаном грунте нельзя было удержать тяжелый плот, поэтому несколько сплавщиков наваливались грудью на падавшую пешню, напрягая все силы, чтобы сдержать плот. Сил этих, как правило, не хватало, и пешня вместе со сплавщиками падала в воду. Такие трудности приходилось испытывать из-за отсутствия на плоту якоря[8].

По Волге, при ее сильном течении, легкие плоты-однорядки, поступавшие с Ветлуги, не могли сплавляться без якоря даже на протяжении относительно небольшого пространства от устья Ветлуги до Козьмодемьянска. Якоря здесь были необходимы во избежание аварий, чтобы сдерживать плоты в том случае, если последние сходили с фарватера и принимали опасное направление движения. Так практика создала особую и выгодную профессию якорщика среди жителей приволжских селений. Как правило, во время сплава плотов у устья Ветлуги располагалась целая флотилия дощаников

Козьмодемьянская лесная ярмарка. Издание Северского издательства. 1910-е гг.
Фото из коллекции профессора С. В. Старикова

и других лодок, которые одна за другой выходили из линии и направлялись к сплавляемым из Ветлуги плотам-однорядкам. На каждой лодке находилась команда из нескольких человек и имелись якоря со снастями. В устье

Ветлуги плоты подхватывали и при помощи якорей вели по Волге до Козьмодемьянска к назначенной пристани. Доведя плот до места назначения, якорщики снова возвращались к устью Ветлуги, дожидаясь поочередно новой работы. В разгар сплава плотов, который, как правило, приходился на вторую половину мая, якорщикам удавалось в сутки провести 2-3 плота и получить значительный заработок[9].

Спуск якоря на плоту. Издатель неизвестен. 1900-е гг. Фото из коллекции профессора С. В. Старикова

Денежное вознаграждение, получаемое от данного вида промысловой деятельности, служило якорщикам одним из средств поддержания собственного хозяйства, уплаты податей и повинностей. В связи с этим естественным представлялось стремление владельцев якорных лодок не лишаться такого вида заработка. Со временем все большую конкуренцию якорщикам начала составлять пароходная буксировка плотов. Нередко дело доходило до открытого противостояния. Так, весной 1905 г. крестьяне-якорщики приволжских селений Козьмодемьянского уезда не допустили буксировки пароходом плотов лесопромышленников Разумовых и др. Около 300 крестьян собрались на берегу Волги и заявили, что они и их предки испокон веков занимались спуском плотов от устья Ветлуги до Козьмодемьянска, что спуск плотов пароходом лишает их заработка, и они понесут убытки, связанные с заготовкой лодок, снастей, якорей. На требование пристава беспрепятственно пропустить пароход под страхом судебной ответственности, крестьяне решительно заявили, «что они пароход изрубят или сожгут, хотя бы пришлось им за этот проступок отвечать каторгой»[10]. В итоге было отдано распоряжение отчалить плоты в устье Ветлуги, а пароход ушел в Козьмодемьянск.

По данным М. Н. Янтемира, в 1911 г. сплавляемые из устья Ветлуги к Козьмодемьянску плоты приводились сюда 400 лодками якорщиков Покровской трудовой артели, заключавшей договоры с лесопромышленниками

Грузовой плот. Издание Акционерного общества Гранберг. Стокгольм,1910-е гг. Фото из коллекции профессора С. В. Старикова

на сгонку плотов. При этом порядок на рейде устанавливался и поддерживался судоходным надзором[11].

В 1912 г. количество якорных лодок увеличилось, а география селений, из которых прибывали якорщики на ярмарку, существенно расширилась. Только с 23 мая по 7 июня 1912 г. в Козьмодемьянской судоходной дистанции было зарегистрировано 440 якорных лодок, «работающих на сгонке однорядных плотов, выходящих из р. Ветлуги от устья последней до Батыгинского затона включительно»[12]. Владельцами таких лодок были многие жители Козьмодемьянска из числа мещан. Якорные лодки также находились в собственности русских, марийских и чувашских крестьян различных селений Козьмодемьянского, Цивильского, Чистопольского и Васильсурского уездов.

Анализ архивных материалов позволяет утверждать, что в 1912 г. из общего числа владельцев якорных лодок 59 человек (или 13,4 % от общего числа) проживали в г. Козьмодемьянске, 121 (27,5) — в с. Покровское, 61 (13,9) — в д. Красногорка, 15 (3,4) — в д. Болониха, 16 (3,6) — в д. Мумариха, 10 (2,3) — в д. Сосновка, 9 (2,0) — в д. Поляна, 92 (21,0) — в с. Троицкий Посад, 7 (1,6) — в д. Гаврениха, 2 (0,4) — в с. Ахмылово, 42 (9,6) — в д. Копань, 2 (0,4) — в д. Сиухино Козьмодемьянского уезда Казанской губернии; 3 (0,7) — в с. Сумки, 1 человек (0,2 %) — в д. Малое Ртищево Васильсурского уезда Нижегородской губернии. Обращает на себя внимание тот факт, что абсолютное большинство владельцев якорных лодок, а именно 436 человек (или 99,1 %), были представлены жителями г. Козьмодемьянска и приволжских селений Козьмодемьянского уезда.

С точки зрения социальной принадлежности 277 зарегистрированных владельцев якорных лодок представляли крестьянство, 163 — мещанство. Из общего числа крестьян 121 владелец (43,6 %) являлся крестьянином с. Покровское, 63 (22,6) — д. Красногорка, 42 (15,1) — д. Копань, 14 (5,0) — д. Болониха, 12 (4,2) — д. Сосновка, 9 (3,2) — д. Гаврениха, 2 (0,8) — д. Сиухино, по 1 (0,4) — с. Ахмылово, д. Адабай Касы, Шешкар, Арда Козьмодемьянского уезда, 1 (0,4) — д. Новая Александровка Чистопольского уезда Казанской губернии; 3 (1,1) — с. Сумки, 2 (0,8) — д. Ульяновка, по 1 (0,4 %) — с. Шокино, Малое Ртищево, Осинки Васильсурского уезда и с. Богородское Горбатовского уезда Нижегородской губернии.

Из 163 владельцев якорных лодок, представлявших мещанство, 45 (27,5 %) являлись мещанами г. Козьмодемьянска, 13 (7,9) — д. Мумариха, 8 (5,0) — д. Поляна, 96 (59,0) — с. Троицкий Посад Козьмодемьянского уезда и 1 (0,6 %) — г. Цивильска Цивильского уезда Казанской губернии.

Упомянутые сведения дают возможность заявить, что 429 владельцев якорных лодок (97,5 %) территориально были приписаны к различным селениям Козьмодемьянского уезда, по 1 (0,4) — к Чистопольскому и Цивильскому уездам Казанской губернии и 9 владельцев (2,1 %) — к населенным пунктам Васильсурского уезда Нижегородской губернии[13].

Что касается этнического состава, то более 98,0 % крестьян и мещан, которым принадлежали якорные лодки, были русскими по национальности. Оставшееся число якорщиков было представлено марийцами и чувашами.

В целом следует заметить, что использование якоря, сдерживавшего быстрый ход плотов во время их сплава из устья Ветлуги к Козьмодемьянску, являлось необходимым, и труд якорщиков считался особенно востребованным среди многотысячной массы ярмарочного люда.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

[1] См.: **Денисов В. И.** Ярмарки. СПб., 1911; **Канделаки И.** Роль ярмарок в русской торговле. СПб., 1914; **Дихтяр Г. А.** Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960 и др.

[2] См.: Опись городских поселений Казанской губернии / сост. А. П. Орлов. Казань, 1885; Обзоры Казанской губернии за 1883 — 1913 гг. Казань, 1884 —1915 и др.

[3] См.: Документальные материалы о Козьмодемьянской лесной ярмарке конца XIX — начала XX вв. / подг. к публикации, предисл. и прим. А. Н. Чимаева // Марийский археограф. вестн. Йошкар-Ола, 2003. Вып. 13. С. 196 — 201; **Иванов А. Г.** Козьмодемьянская лесная ярмарка : к постановке проблемы // Там же. 2008. Вып. 18. С. 4 — 17.

[4] См.: Козьмодемьянск в конце XVI — начале XX вв. / сост., предисл. и коммент. А. Г. Иванова. Йошкар-Ола, 2008. С. 423.

[5] См.: **Иванов А. Г.** Указ. соч. С. 4.

[6] Там же. С. 5, 9.

[7] См.: **Оглоблин Н. Н.** Речные проселки / сост.: Н. В. Морохин, Д. Г. Павлов. Н. Новгород, 2010. С. 33.

[8] Там же. С. 194.

[9] Там же. С. 192.

[10] Цит. по: **Патрушев А. С.** Марийская деревня в период империализма. Йошкар-Ола, 1974. С. 52.

[11] См.: **Янтемир М. Н.** Описание Маробласти. Козьмодемьянский кантон. Краснококшайск, 1927. Вып. IV. С. 76.

[12] **Иванов А. Г.** Указ. соч. С. 14.

[13] Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 100. Оп. 1. Д. 723. Л. 11 — 42.

Борис Львович Гинзбург,
кандидат исторических наук
(г. Нижний Новгород)

«ПРАКТИКИ» В МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Кадровый вопрос на предприятиях металлургии Горьковской области в условиях реформы системы управления промышленностью (1957—1965 гг.)

Наличие достаточного количества компетентных инженерно-технических работников и служащих является одним из основных условий успешного функционирования как любого отдельно взятого промышленного предприятия, так и всей промышленности в целом. Решению данного вопроса в СССР уделялось самое пристальное внимание, в том числе в период реформирования системы управления промышленностью 1957 — 1965 гг. Не были исключением Горьковская область и расположенные на ее территории предприятия черной металлургии.

Численность инженеров с высшим и техников со средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве Горьковской области, во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг. претерпела значительные изменения. Число инженеров увеличилось с 9,7 тыс. чел. в 1955 г. до 27,0 тыс. чел. в 1965 г. (рост на 278,3 %); а техников — соответственно с 20,3 тыс. до 64,4 тыс. чел. (рост на 317,2 %)[1]. Цифры впечатляющие, однако не избавившие руководство промышленных предприятий от необходимости прибегать при замещении должностей инженерно-технических работников к услугам «практиков», т. е. лиц, не имевших специального высшего или среднего образования. Нет никаких оснований полагать, что черная металлургия была в этом отношении неким исключением.

На Выксунском металлургическом заводе (ВМЗ) остро стояла проблема повышения теоретической подготовки инженерно-технических кадров. Вызвано это было тем, что на промышленном предприятии многие инженерно-технические должности были заняты «практиками», выдвинувшимися на руководящие должности благодаря большому практическому опыту. К 1 января 1958 г. на заводе их насчитывалось 283 чел.; 1 января 1959 г. — 280, 1 января 1965 г. — 263, 1 января 1961 г. — 256, 1 января 1962 г. — 241, 1 января 1963 г. — 238, 1 января 1964 г. — 225, к 1 января 1965 г. — 208 чел.[2] Таким образом, хотя численность данной категории инженерно-технических работников на ВМЗ ежегодно снижалась, но этот процесс был еще далек от завершения и в начале 1965 г. Принимались меры по замещению инженерно-технических должностей дипломированными специалистами. Впрочем, вполне вероятно, практический опыт ценился выше теоретических знаний.

Повышение квалификации (обучение) инженерно-технических работников и служащих проводилось на ВМЗ в следующих масштабах: в 1957 г. — 25 чел. (при плане 50 чел.); в 1958 г. — таковое формально отсутствовало (при плане 55 чел.), но при этом 374 чел. посещали школы передового опыта; в 1959 г. — соответственно 72 (60); в 1960 г. — 32 (20); в 1961 г. — 26 (25); в 1962 г. — 141 (100); в 1963 г. — 82 (100); в 1964 г. — 123 (100) и в 1965 г. — 73 чел. (при плане 105 чел.)[3]. Обращает на себя внимание как само увеличение плана по повышению квалификации ИТР и служащих (за исключением плана на 1960 г.), так и резкие колебания по их выполнению: в 1957, 1958, 1963 и 1965 гг. выполнение годового плана было сорвано, а в 1960 г. на заводе внезапно добились перевыполнения на 60 % от запланированного. Данная тенденция (невыполнение плановых заданий) едва ли может считаться положительным явлением.

Не пренебрегали в Выксе и лекционным методом повышения профессионального уровня и политической сознательности работников завода, в том числе инженерно-технических работников и служащих. Так, для «среднего командного звена» и рабочих в 1957 г. были прочитаны 154 лекции на политические, технические и экономические темы (присутствовали 7 827 чел.); в 1958 г. — соответственно 144 (6 876), в 1959 г. — 215 (8 889); в 1960 г. — 243 (12 988); в 1961 г. — 252 (12 467); в 1962 г. — 281 (12 893); в 1963 г. — 258 (9 696); в 1964 г. — 255 (11 818); в 1965 г. — 262 лекции (11 700 чел.) «в цехах и отделах завода» и пять лекций «для среднего командного звена»[4]. При этом возникает вопрос об эффективности данной формы обучения. Как уже отмечалось, она могла способствовать повышению общего культурного уровня работника, но едва ли заметно сказывалась на росте его профессионального мастерства.

Для руководящих инженерно-технических работников ВМЗ прочитано: в 1957 г. — 7 лекций; в 1958 г. — 14; в 1959 г. — 9; в 1960 г. — 6; в 1961 г. — 5; в 1962 г. — 5[5]. За 1963 — 1964 гг. данные о количестве таких лекций не выявлены, а в отчете за 1965 г. они, вероятно, показаны как прочитанные «для среднего командного звена». Тут явно налицо падение интереса к подобного рода лекциям, что, возможно, было оправданно. В чтении лекций принимали участие кроме членов Общества по распространению научных и политических знаний и инженерно-технические работники завода. В 1958 г., например, таковых было 89 чел., а в 1960 г. — 73 чел.[6] Очевидно, что и в этом случае лекции могли играть только вспомогательную роль.

Важнейшим средством повышения квалификации работников ВМЗ было направление их на учебу в средние (рабочих и «практиков» из числа ИТР) высшие (в том числе и техников) учебные заведения. Так, в 1960 г. в вечернем металлургическом техникуме обучались 105 чел., а в 1961 г. — уже 130 чел.[7] В 1961 г. заочно в высших учебных заведениях обучались 76 чел., а на 1 января 1965 г. — уже 105 чел.[8] Это было необходимо, так как по-прежнему на инженерно-технические должности принимались «практики»: в 1957 г. — 4 чел.; в 1958 г. — 10; в 1959 г. — 5; в 1960 г. — 4; в 1961 г. — 2; в 1962 г. — таковые отсутствовали; в 1963 и 1964 гг. — по 1 чел. Всего за 1957 — 1964 гг. — 27 чел.[9] Цифра в целом небольшая, но показательно, что эта категория руководителей производства оставалась востребованной в течение всего рассматриваемого периода, для чего, вероятно, имелись убедительные доводы.

Положительным явлением в этом отношении следует также признать открытие в Выксе в 1960 г. учебно-консультационного пункта заочного факультета Горьковского политехнического института. На указанном факультете повышали образование и работники ВМЗ[10], что не могло не сказаться положительным образом на уровне их профессиональной подготовки.

На Кулебакском металлургическом заводе (КМЗ) повышение квалификации лиц, занимавших инженерно-технические должности, происходило следующим образом. В 1957 г. из числа инженерно-технических работников и служащих обучались в вечерних и заочных техникумах 193 чел.; в 1958 г. — 204; в 1959 г. — 202; в 1960 г. — 50; в 1961 г. — 49; в 1962 г. — 88 чел. Соответственно в заочном институте обучались: в 1957 г. — 29 чел.; в 1958 г. — 39; в 1959 г. — 50; в 1960 г. — 10; в 1961 г. — 9; в 1962 г. — 13 чел.[11] Таким образом, в 1957 — 1959 гг. число таких учащихся на КМЗ возрастало, в 1960 — 1961 гг. резко сократилось, в 1962 г. снова выросло, не достигнув, однако, уровня 1957 г. Здесь налицо изменения без выраженной в рамках рассматриваемого периода тенденции к росту или падению числа учащихся.

Большой вклад в подготовку инженерных кадров внес Кулебакский металлургический техникум, занятия в котором начались еще в 1945 г. К 1972 г. его окончило около 3 000 чел., из них более 1 000 без отрыва от производства. Выпускники техникума работали на промышленных предприятиях металлургии как в Горьковской области, так и на расположенных за ее пределами; причем большинство их работали на КМЗ[12].

Значительное число инженерно-технических работников и служащих КМЗ повышало общеобразовательный уровень в школах рабочей молодежи, что, собственно говоря, имело смысл только для «практиков». В 1957 г. в них обучались 190 чел.; в 1958 г. — 159; в 1959 г. — 210; в 1960 г. — 226; в 1961 г. — 210; в 1962 г. — 248 чел.[13] Цифры стабильно высокие и, за исключением 1958 г., имеющие четкую тенденцию к возрастанию, что было положительным явлением в развитии завода.

В объяснительных записках к годовым отчетам по основной деятельности за 1958 — 1959 гг. содержатся данные о функционировании на заводе группы по подготовке к поступлению ИТР и служащих в вуз: 35 чел. в 1958 г. и 50 чел. в 1959 г.[14] В архивных документах за 1961 — 1962 гг. и за 1965 г. выявлены также данные о числе ИТР и служащих, овладевавших второй профессией: в 1961 г. — 207 чел.; в 1962 г. — 203; в 1965 г. — 351 чел.[15] В объяснительных записках к годовым отчетам по основной деятельности за 1963 — 1965 гг. содержатся обобщенные данные о количестве ИТР и служащих КМЗ, повысивших свою квалификацию: в 1963 г. — 179 чел., в том числе 1 — с отрывом от производства; в 1964 г. — соответствен-

но 110 и 14; в 1965 г. — 16 (плюс 134 ИТР, обучавшихся на курсах при техникуме), из них 13 чел. с отрывом от производства[16]. В данном случае отмечалась тенденция к сокращению числа учащихся.

Лекционная деятельность первоначально получила в Кулебаках меньший размах, чем в Выксе. Так, в 1957 г., на КМЗ были прочитаны 42 лекции (присутствовали 2 882 чел.); в 1958 г. — соответственно 59 (3 268); в 1959 г. — 66 лекций (4 650 чел.). Затем положение кардинально изменилось, хотя по отдельным годам и наблюдались значительные колебания: в 1960 г. — 727 лекций (40 097 чел.); в 1961 г. — соответственно 462 (16 170); в 1962 г. — 787 (40 924); в 1964 г. — 423 лекции (21 150 чел.)[17]. Ранее уже высказывалось мнение о лекциях как о сугубо вспомогательном виде обучения специалистов.

Горьковский металлургический завод (ГМЗ), имея гораздо меньший по численности коллектив, чем коллективы Выксунского и Кулебакского завода, нуждался, конечно, и в меньшем количестве инженерно-технических работников, меньшими были на нем и масштабы их переподготовки и повышения квалификации. Причем, хотя они и уступали по объему аналогичной работе на двух упомянутых промышленных предприятиях, но в гораздо меньшей мере, чем это можно было бы предположить. Так, в 1960 г. здесь повысили квалификацию 30 ИТР и служащих, в 1961 г. — 42, в 1964 г. — 46, в 1965 г. — 39 чел.[18], что для ГМЗ было весомым достижением.

Велико было, как и в Выксе и Кулебаках, на ГМЗ число «практиков». Даже на завершающем этапе рассматриваемого периода, что весьма показательно, оно оставалось значительным, относительно общего числа ИТР на заводе: в 1961 г. — 98 чел.; в 1962 г. — 103; в 1963 г. — 98; в 1964 г. — 98; в 1965 г. — 91 чел. Причем, судя по всему, это не вызывало негативной реакции руководства завода. Вероятно, использование «практиков» в целом себя оправдывало. Планами на 1958 — 1965 гг. предусматривалось для замены «практиков» принять на работу 2 инженеров и 6 техников. А вообще, на все эти годы по плану требовались 28 инженеров, в основном для замены лиц, ушедших на пенсию. Численность техников предусматривалось увеличить на 30 чел.[19]

Не следует сбрасывать со счетов и такой вид повышения квалификации, в первую очередь лиц, занимавших инженерно-технические должности, как самообразование. Большую помощь в этом, несомненно, оказывали заводские технические библиотеки. Например, на ГМЗ техническая библиотека насчитывала к началу 1969 г. 31 000 томов и имела 750 постоянных читателей[20], что немало, учитывая общую численность коллектива данного промышленного предприятия.

В работе семинаров металлургических цехов в обязательном порядке использовалась специальная научно-техническая литература. В том числе журналы «Сталь», «Металлург», «Огнеупоры», «Литейное производство», бюллетень Центрального института информации, «Экспресс информация» (серия «Черная металлургия») и другие периодические издания[21].

Интересно отметить то, что при наличии на инженерно-технических

должностях большой группы лиц, не имевших специального среднего или высшего образования, на ГМЗ работали люди со специальным средним и высшим образованием, не имевшие, однако, никакого отношения к черной металлургии. Так, в 1964 г. на ГМЗ трудились: три зоотехника, два агронома плодоовощеводства, техник-механик по механизации сельского хозяйства, два инженера-механика по механизации процессов сельскохозяйственного производства[22]. На наш взгляд, тут имело место желание данных работников ГМЗ избежать работы в сельской местности. Логично было бы предположить, что и специалисты-металлурги вполне могли трудиться, отнюдь не по полученной ими специальности, в различных отраслях народного хозяйства.

Возвращаясь к «практикам», заметим, что не следует считать их наличие проблемой, свойственной только основным предприятиям черной металлургии Горьковской области или народному хозяйству какого-либо отдельно взятого региона. В соседней с Горьковской областью Чувашии в конце 1959 г. не имели законченного высшего или среднего специального образования: 49,2 % директоров промышленных предприятий; 20,2 — главных инженеров; 39,2 — начальников смен, отделов, участков, цехов, лабораторий; 23,1 — инженеров и техников (кроме нормировщиков); 45,9 % старших мастеров и мастеров[23].

Следует отметить, что и имевшиеся кадры специалистов-металлургов со средним и высшим образованием далеко не всегда использовались рационально. Так, на ВМЗ в 1960 г. 386 работников со средним специальным образованием работали «по рабочей сетке», т. е. на рабочих должностях, как и 8 специалистов с высшим образованием[24]. Вероятно, в первую очередь потому, что это было для них более выгодно с экономической точки зрения.

Это, конечно, не означало, что молодые специалисты на ВМЗ, как и на КМЗ и ГМЗ, были полностью лишены перспектив карьерного роста. Например, в 1957 г. 9 молодых инженеров и 24 техника были выдвинуты «на большую работу», причем по итогам их деятельности отмечалось, что «все выдвинутые молодые специалисты вполне оправдали свое назначение»[25].

Таким образом, можно констатировать, что повышению квалификации и подготовке новых кадров инженерно-технических работников на основных предприятиях черной металлургии Горьковской области уделялось в рассматриваемый период значительное внимание. Что, однако, не означало, исчезновения потребности в услугах «практиков», хотя их численность постепенно снижалась. Изменение системы управления народным хозяйством не вызвало, а по нашему мнению, и не могло вызвать быстрых и кардинальных изменений ситуации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1 Годы великого строительства. Горьковская область. 1917—1967 / науч. ред. — д-р экон. наук С. Н. Прохоров. Горький, 1967. С. 99.
2 Центральный архив Нижегородской области. Ф. 1250. Оп. 7. Д. 472. Л. 46; Д. 494. Л. 39; Д. 517. Л. 39; Д. 545. Л. 41; Д. 568. Л. 45; Д. 593. Л. 46; Д. 616. Л. 92; Д. 662. Л. 53 (далее — ЦАНО).
3 ЦАНО. Ф. 1250. Оп. 7; Д. 472. Л. 47; Д. 494. Л. 40 об.; Д. 517. Л. 40; Д. 545. Л. 42 об.; Д. 568. Л. 46 об.; Д. 593. Л. 48 об.; Д. 616. Л. 95; Д. 662. Л. 54; Д. 707. Л. 67.
4 ЦАНО. Ф. 1250. Оп. 7. Д. 472. Л. 48; Д. 494. Л. 41; Д. 517. Л. 40 об.; Д. 545. Л. 43 об.; Д. 568. Л. 48 об.; Д. 593. Л. 48 об.; Д. 616. Л. 97; Д. 662. Л. 55; Д. 707. Л. 67 об.
5 Там же.
6 ЦАНО. Ф. 1250. Оп. 7. Д. 494. Л. 41; Д. 545. Л. 43 об.
7 Там же. Д. 545. Л. 43; Д. 568. Л. 48.
8 Там же. Д. 568. Л. 48; Д. 662. Л. 55.
9 Там же. Д. 472. Л. 46 об.; Д. 494. Л. 39 об.; Д. 517. Л. 39; Д. 545. Л. 41 об.; Д. 568. Л. 45; Д. 593. Л. 40 об.; Д. 616. Л. 93; Д. 662. Л. 53 об.
10 См.: Славная история. Очерки истории Выксунского ордена Ленина металлургического завода / науч. ред. А. И. Желтышева. Горький, 1967. С. 395.
11 ЦАНО. Ф. 359. Оп. 1. Д. 145. Л. 70; Д. 166. Л. 65; Д. 195. Л. 78; Д. 231. Л. 70; Д. 267. Л. 71; Д. 303. Л. 117.
12 См.: **Долбилкин Г. И., Елизарова С. А., Желтов Н. С.** Приокские зарницы. Очерки истории завода 1866 — 1966 гг. Горький, 1972. С. 127 — 128.
13 ЦАНО. Ф. 359. Оп. 1. Д. 145. Л. 70; Д. 166. Л. 65; Д. 195. Л. 78; Д. 231. Л. 70; Д. 267. Л. 71; Д. 303. Л. 117.
14 Там же. Д. 166. Л. 65; Д. 195. Л. 78.
15 Там же. Д. 267. Л. 71; Д. 303. Л. 117; Д. 387. Л. 104.
16 Там же. Д. 336. Л. 101; Д. 358. Л. 113; Д. 387. Л. 104.
17 Там же. Д. 145. Л. 70; Д. 166. Л. 65; Д. 195. Л. 78; Д. 231. Л. 70; Д. 303. Л. 117; Д. 359. Л. 115.
18 ЦАНО. Ф. 2593. Оп. 4. Д. 70. Л. 73; Д. 87. Л. 83; Д. 147. Л. 95; Д. 174. Л. 91.
19 ЦАНО. Ф. 2593. Оп. 4. Д. 105. Л. 81; Д. 123. Л. 92; Д. 147. Л. 86; Д. 255. Л. 10.
20 См.: **Гладышев В. Н.** Завод и люди. Очерки по истории Горьковского металлургического завода. Горький, 1960. С. 147.
21 ЦАНО. Ф. 2593. Оп. 4. Д. 105. Л. 86.
22 Там же. Д. 151. Л. 45.
23 См.: История промышленности и рабочего класса Чувашии. Июнь 1941 г. — 1980 г. / науч. ред. А. В. Изоркин. Чебоксары, 1982. Ч. 2. С. 135.
24 ЦАНО. Ф. 1250. Оп. 7. Д. 388. Л. 1.
25 Там же. Д. 472. Л. 46 об.

Роман Валерьевич Юрченков,
аспирант НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

ДОЛГИЙ РУССКИЙ ПЛЕН

Военнопленные стран фашистского блока в Темлаге-Дубравлаге

Войн без пленных не бывает. Эта истина подтверждается многовековой историей. Для любого воина плен — позор, скорбь и надежда. В годы Второй мировой войны плен стал жесточайшим физическим, психологическим и нравственным испытанием для миллионов людей.

Накануне войны и в ее начале режим военного плена в Советском Союзе регулировался в первую очередь «Положением о военнопленных», инструкциями «О работе пунктов НКВД по приему военнопленных» и «О войсковой охране лагерей военнопленных частями конвойных войск НКВД СССР», принятых в 1939 г.

1 июля 1941 г. Совет Народных Комиссаров ввел новое «Положение о военнопленных», которое гарантировало им жизнь и безопасность, нормальное питание и медицинскую помощь. За ними сохранялись право носить военную форму, знаки различия, награды, личные вещи и ценности. Устанавливался порядок использования пленных. На них распространялись постановления об охране труда, рабочем времени и другие законодательные акты, действовавшие в отношении советских граждан. Предусматривалась уголовная и административная ответственность военнопленных.

Прием и содержание военнопленных, захваченных в годы Великой

Отечественной войны, находились в ведении Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) НКВД СССР, созданного в сентябре 1939 г. (с 1944 по 1951 г. — Главного управления — ГУПВИ). В августе 1941 г. в системе Управления существовали только три лагеря, рассчитанные на 8 — 9 тыс. человек. В их число входил и Темлаг (или лагерь № 58, позднее Дубравлаг, ныне Учреждение ЖХ—385/12), куда уже осенью 1941 г. поступила первая партия военнопленных. Их прибытие на станцию Потьма и обустройство в октябре 1941 г. были засняты известным советским фотографом Борисом Евгеньевичем Вдовенко. Сегодня фотографии хранятся в Российском государственном архиве кинофотодокументов (РГАКФД)[1] и представляют несомненный интерес. Фактически это первые съемки первых военнопленных в СССР. Военнопленные на фотографиях Б. Е. Вдовенко еще довольные, веселые[2], полные достоинства, если не сказать спеси[3]. Они играют в шахматы[4], читают в библиотеке Темлага[5]. Еще отсутствует «синдром Сталинграда», события кажутся веселым военным приключением.

В первые полтора года войны особых проблем с немецкими военнопленными в Советском Союзе не было: их было мало. Но уже во втором

полугодии 1942 г. положение резко изменилось: численность военнопленных резко выросла. В основном это был результат Сталинградской битвы. Большинство захваченных в плен в полосе Воронежского и Юго-Западного фронтов оказались в крайне истощенном состоянии, больными и обмороженными, среди них отмечался большой процент смертности.

Жительница пос. Явас А. Г. Фролова, работавшая в то время сестрой-хозяйкой в госпитале лагеря для военнопленных в пос. Ударном, вспоминала, что «солдаты вермахта, укутанные в одеяла и какое-то тряпье, представляли собой жалкое зрелище. Воюя против Красной армии несколько лет, немецкие интенданты снабжали свой личный состав формой, не приспособленной для морозов. Первым делом пленных проверяли на вшивость. Тела оккупантов стали настоящими рассадниками кровососущих тварей. Группу немцев в 50 человек запускали в баню. Нацистские вояки радовались этой процедуре. Многие из них не мылись несколько месяцев. Потом с них удаляли все волосы. Сестре-хозяйке приходилось проверять соблюдение этого условия, и если что-то не устраивало, тут же следовала реплика: „Нихт гут!“ — и пленный покорно отправлялся по второму кругу. Затем помытых помещали в специально отведенную карантинную зону»[6].

Военнопленные в Темлаге. 1941 г. Фото Б. Е. Вдовенко

Жительница пос. Явас А. Е. Шеина свидетельствовала: «Много пленных немцев и итальянцев стало поступать с зимы 1943 года. Вид у прибывших по этапу солдат был не геройский. Оборванные, вшивые, в лохмотьях, больше всего они боялись русских холодов. В заключении итальянцы, венгры, румыны вели себя миролюбиво, только немцев ненавидели всей душой и при каждом удобном случае старались их побить»[7]. Среди венгерских военнопленных был граф Ю. Дарвис, позднее оставший-

ловеком, за глаза считал всех врагами. Но его жизнь таким сделала“»[9].

Военнопленные французы появились в Темлаге в 1944 г. Они были переведены сюда из-под Тамбова из лагеря № 188, расположенного у станции Рада. В основном это были выходцы из насильственно присоединенных в 1940 г. к Германии Эльзаса и части Лотарингии, мобилизованные в фашистскую армию и отправленные на Восточный фронт.

В мае 1944 г. начальник управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных генерал-лейтенант Петров сообщил на станцию Рада, что решено отправить 1 500 французов в распоряжение французских властей. Лагерное начальство незамедлительно составило «План мероприятий по подготовке к отправке военнопленных французов». При его утверждении было принято решение организовать тщательную проверку военнопленных французов и всех, не соответствующих по «политическим качествам» передаче французским властям, направлять в Темниковский лагерь № 58 на станцию Потьма Казанской железной дороги пассажирским поездом в сопровождении сотрудников. Оно было реализовано, однако численность отправленных в Темлаг военнопленных французов неизвестна[10].

Военнопленные испанцы были переведены в Темлаг в конце войны. В основном это были военнослужащие «Голубой дивизии», попавшие в плен вблизи Ленинграда. По свидетельству второго командира дивизии, генерала Эмилио Эстебан-Инфантеса, в Потьме было много испанцев в конце 1946 г. и в 1947 г.[11] Известны некоторые имена, например в Потьме содержался Буэно Сальвадор Мигель. Позднее он был переведен в лагерь № 476, находившийся в пос. Нижне-Исетск Чкаловского района Свердловской области, однако, как отмечено в его деле, в течение квартала систематически отказывался выполнять требования руководства лагерного отделения — выйти на работу, за что неоднократно наказывался водворением в карцер. Однако и после этого Буэно продолжал отказываться от выхода на работу. В связи с этим он был возвращен в Потьму. В Дубравлаге отбывали срок заключения Каберо Антонио Донато, 1914 г. р., Пелайо Рафаэль 1916 г. р., которые были освобождены и репатриированы в Испанию лишь в 1955 г.[12]

Темлаг еще в декабре 1939 г. по приказу наркома Л. П. Берии был определен как один из приемных пунктов для финских военнопленных. Все финские военнопленные вернулись на родину к концу 1945 г. Исклю-

ся в Мордовии и получивший известность как талантливый врач-стоматолог[8]. Бывший начальник Зубово-Полянского РОВД В. И. Поляков вспоминал о Дарвисе: «Он был лейтенантом немецкой армии. Называл себя сыном венгерского графа. В молодости попал на войну, оказался в плену. Его начали вербовать. Это была ситуация, в которой человек ведет себя по принципу: спасайся, кто может! Дарвис хотел жить. Поэтому создал вокруг себя столько легенд. На Торбеевском хлебозаводе долго работал директором Борис Климкин. Они дружили с Дарвисом, вместе где-то сидели. Климкин говорил про него: „Тот насвистит!“. Дарвис заговорит любого! Дипломат! И все-таки он был здесь чужим че-

чение составили привлеченные к уголовной ответственности за нарушение законов и обычаев войны, за проведение в тылу Красной армии шпионской, диверсионной и террористической деятельности и совершение общеуголовных преступлений в лагерях. В Темлаге к подобной категории были отнесены 2 человека (содержались и на 1 июля 1953 г.)[13].

В 1946 г. недалеко от Виндрея располагался пункт дислокации японских военнопленных. По словам заместителя начальника Учреждения ЖХ–385/12 Н. И. Мелешкина, «история здесь произошла весьма печальная. Дорога к лагерю в дождливую погоду становилась абсолютно непроходимой. В распутицу, может, осеннюю, может, весеннюю, в лагерь не доставили продовольствие. И без того скудный паек был урезан до невозможного. Началась дистрофия с необратимыми последствиями. Более полутора тысяч пленных японцев умерли от голода»[14].

В первые послевоенные годы военнопленные продолжали составлять значительное число среди заключенных Темлага, а потом Дубравлага. Их вина чаще всего заключалась в «антисоветских высказываниях», т. е. они жаловались на режим, на отсутствие переписки с семьями и т. п. На 30 августа 1945 г. в лагере № 58 содержались 10 716 военнопленных и интернированных, из них 3 000 офицеров. Весь контингент размещался как в самом лагере, так и в лаготделениях, которые находились в пос. Молочница, Ударный, Парца, Свеженькая, Известь Зубово-Полянского района, с. Виндрей Торбеевского района, д. Ивановка Теньгушевского района. В июне 1945 г. Рязанский лагерь военнопленных № 173 по заключенному с «Мордовстройлесом» договору развернул два лаготделения при Известковском и Свеженском лесокомбинатах на 650 военнопленных. В конце 1945 г. эти лаготделения как находившиеся на территории республики вошли в штат лагеря № 58.

Кроме лагеря № 58 в Мордовии находились: в Теньгушевском районе около пос. Феклисов 9-е лаготделение лагеря военнопленных № 453, в Зубово-Полянском районе в шести километрах к югу от станции Свеженькая 9-е лаготделение Рязанского лагеря военнопленных № 454[15].

Лагерь № 58 военнопленных и интернированных был отнесен к оздоровительным. В течение четвертого квартала 1944 г. и первого полугодия 1945 г. из него после оздоровления направлены в производственные лагеря 6 500 человек. Их место занимали другие больные и ослабленные военнопленные. В октябре 1945 г. в лагерь были доставлены 1 802 человека. Лагерь и сам использовал военнопленных и интернированных как рабочую силу. В 1945 г. последними было выпущено изделий ширпотреба и другой продукции на 2 760 тыс. руб., произведено сельхозпродукции на 1 753 тыс. руб., осуществлено производственное строительство на 1 796 тыс. руб.[16]

В августе 1945 г. для саранского пенькокомбината и ТЭЦ было открыто 7-е лаготделение лагеря № 58. Через некоторое время в г. Саранске открылось 11-е лаготделение. В сентябре 1945 г. из этого лаготделения выбыли 44 румына. На 21 декабря в нем находились 724 человека, из них 598 немцев, 76 венгров, 48 австрийцев, 1 француз и 1 поляк.

Военнопленные, находившиеся в 7-м и 11-м лаготделениях, в основном работали на пенькокомбинате, ТЭЦ, консервном комбинате, ремзаводе, в стройотделе НКВД и других мелких организациях. В сентябре 1945 г. военнопленные работали на ремонте гостиницы «Центральная», в «Электроводе» (20 человек). В сентябре 1946 г. силами военнопленных проводился ремонт зданий комвуза и зимнего театра. Кроме того, пять маляров занимались художественной отделкой зрительного зала и фойе зимнего театра[17].

Использование «трудового фонда» служило приоритетным показателем, по которому оценивалась деятельность лагерей. Их администрации заключали договора с предприятиями, определявшие права и обязанности сторон. Военнопленные, прибывавшие на места работы, проходили трехнедельный карантин, в течение которого их подвергали медицинскому контролю, определяли группы трудоспособности и проводили учет по специальностям. Выполнявшим нормы выработки выплачивалась заработная плата, однако ее размер не мог превышать 200 руб. в месяц. Для высококвалифицированных специалистов и занятых на административно-технических должностях денежное вознаграждение исчислялось из расчета 50 % от соответствующего оклада по советской тарифной сетке, но не более 500 руб. В апреле 1945 г. произошла реорганизация лагерной жизни, преследовавшая цель улучшить трудовое использование и повысить дисциплину подневольного контингента. Вместо бригад создавались отделения, взводы, роты и батальоны, формировавшиеся по национальному признаку. На должности командиров этих подразделений назначались бывшие офицеры и унтер-офицеры.

Организации, использовавшие труд военнопленных, несли ответственность за создание им нормальных бытовых условий. К нарушившим договор и не создавшим военнопленным бытовых условий предпринимались самые строгие меры. Например, на Свеженском шпалозаготовительном участке было организовано 9-е лаготделение лагеря № 58 на 300 человек. Комиссия по проверке условий содержания военнопленных в лаготделении № 9 Свеженского шпалозаготовительного участка неоднократно указывала администрации на

недопустимые условия содержания военнопленных, работавших на этом участке. Они были размещены в неутепленных товарных вагонах, не пригодных для жилья в зимних условиях, не обеспечены постельными принадлежностями, теплой одеждой, кожаной обувью, рукавицами, не получали дополнительное питание и хлеб за перевыполнение норм выработки. Из-за отсутствия нормальных условий произошло 18 случаев простудных заболеваний с одним смертельным исходом. В связи с невыполнением обязательств по содержанию военнопленных 24 декабря 1945 г. 9-е лаготделение лагеря № 58 было закрыто, а военнопленные были переведены в другие отделения[18].

Руководство УПВИ НКВД СССР подготовило ряд документов о трудовом использовании военнопленных. Инструкция УПВИ НКВД от 17 июля 1942 г., например, устанавливала четыре группы трудоспособности военнопленных. Первая группа — годные к выполнению любых физических работ, вторая — годные к труду средней тяжести, третья — годные к легкому физическому труду, четвертая — инвалиды, годные к выполнению только специальных работ. Военнопленные первой и второй категорий трудоспособности работали столько, сколько на аналогичных работах советские люди, а третьей категории — не более 4 — 6 часов в сутки. Условия труда были разными. Особенно тяжело приходилось тем, кто трудился на лесоповале, строительстве дорог и мостов. Жить военнопленным, занятым на этих работах, обычно приходилось в наспех сколоченных из горбылей бараках. Осенняя сырость, которую сменяли крепкие морозы, становились причиной скоротечной пневмонии и туберкулеза.

Для военнопленных и интернированных был установлен восьмичасовой рабочий день. Заместитель наркома внутренних дел СССР разрешил с 1 июля по 1 октября 1945 г. установить для всех военнопленных, работавших на стройках и предприятиях, десятичасовой рабочий день. При этом предприятия или организации должны были отпускать для них дополнительно одно горячее блюдо. Согласно правительственным решениям и дублирующим их приказам и директивам НКВД СССР физический труд военнопленных был обязательным. Отказ или уклонение от работы рассматривались как нарушение воинской дисциплины, саботаж. Было разработано «Положение о трудовом использовании военнопленных», в котором четко определялся порядок нормирования и оплаты их труда. Для военнопленных, выполнявших нормы труда, устанавливалось более высокое продовольственное обеспечение. Они получали бóльшую норму хлеба и дополнительные пайки. Не выполнявшие же производственные нормы администрацией лагерей привлекались к сверхурочным работам до 2 часов. За правильностью трудового использования военнопленных следили создаваемые в каждом лагере врачебно-трудовые комиссии.

По мнению автора книги «Архипелаг ГУПВИ» австрийского исследователя Стефана Карнера, на долю пленных приходилось около 8 % валового производства времен первой советской послевоенной пятилетки[19].

Военнопленные, нарушавшие воинскую и трудовую дисциплину, согласно приказу НКВД СССР № 001067 от 7 августа 1941 г., наказывались содержанием на гауптвахте до 20 суток или строгим арестом до 10 суток. Денежное вознаграждение за труд военнопленных устанавливалось дифференцированно: лучше работаешь — больше получаешь на руки; за рационализаторские предложения выплачивалось 50 % от суммы премии, но не более 500 руб. одновременно. В этом отношении можно сказать, что труд являлся средством выживания, поскольку работающему военнопленному назначалась и бóльшая норма питания. В случае если ему выдавалась на руки часть заработанных денег, он мог купить себе дополнительные продукты, которые продавались в специальных ларьках (маленьких магазинчиках с продовольственными и промышленными товарами).

Плен — это самый тяжелый в моральном, нравственном, физическом и психологическом отношениях период в жизни человека. Военный плен представляет собой опасную ситуацию, характеризующуюся условиями длительной социальной изоляции, сопровождается стрессогенными факторами. Он всегда негативно сказывается на психике и поведении. Механизмы психической защиты военнопленного требуют периодической психотерапии. Одним из ее важных элементов является труд. Чтобы выжить и сохранить нормальной психику, военнопленному необходимо было периодически переключать внимание, отключаться («забываться») от преследующей его социальной изоляции, от внутренней напряженности, вызываемой «психозом колючей проволоки».

Порядок захоронения и учета умерших военнопленных в системе НКВД — МВД СССР был установлен лишь в середине 1943 г., однако Инструкция о порядке оформления учетных дел на умерших военнопленных и сроках их представления в ГУПВИ НКВД СССР была утверждена только 13 мая 1945 г. В соответствии с требованиями руководящих документов НКВД СССР, каждый труп умершего военнопленного захоронялся в отдельную могилу. Категорически запрещалось захоронение трупов в общие могилы. Не допускалось захоронение без нательного белья, а умершие военнопленные офицеры захоронялись в белье и верхней одежде. Для захоронения в непосредственной близости от лагерей, лагерных отделений, спец-

госпиталей или рабочих батальонов отводились участки на свободной земле, которые ограждались колючей проволокой. Разрешение на занятие участка под кладбище выдавалось местными органами власти и регистрировалось в отделе коммунального хозяйства соответствующего исполкома Совета депутатов трудящихся. Трупы военнопленных, умерших в пути следования, передавались на ближайшей станции железнодорожной администрации.

В сохранившихся кладбищенских и алфавитных книгах по учету умерших военнопленных и интернированных по всем лаготделениям лагеря № 58 с 10 мая 1943 г. по 27 июля 1947 г., 9-м лаготделении лагеря № 453 со 2 февраля по 31 декабря 1947 г., 9-м лаготделении лагеря № 454 с 5 августа 1945 г. по 14 марта 1947 г., спецгоспиталя № 1631 с 8 января по 31 декабря 1943 г. и с 20 июня 1945 г. по 20 января 1947 г., а также эвакогоспиталя № 3052 с 21 августа по декабрь 1941 г. значатся 2 776 захороненных военнопленных и интернированных. На них имеются данные: фамилия, имя, национальность, номер части, звание, год рождения, номер могилы, когда похоронен, адрес семьи. Среди них представлены 15 национальностей: австрийцы, бельгийцы, венгры, голландцы, датчане, итальянцы, немцы, поляки, румыны, словаки, финны, французы, чехи, югославы, японцы. По званию — от рядового до полковника[20].

Плен — это самое страшное, что могло произойти в жизни военного человека. Плен — это неволя: проволока, ограничения и лишения. В крайне сложных для человека физических и психологических условиях ломались даже очень сильные характеры. Оказавшись в плену, люди попадали в необычные для повседневной жизни условия. Их взгляды, и поведение могли кардинально меняться. Для многих военнопленных стран фашистского блока русский плен был долгим, очень долгим.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

[1] См.: **Сучкова С. И.** О составе и содержании фотодокументов из личного архива фотокорреспондента Б. Е. Вдовенко в РГАКФД // Вестн. архивиста. 2011. № 3. С. 175 — 182.

[2] Российский государственный архив кинофотодокументов. Ед. хр. 373146. Шифр 0-373146 чб; 0-373147 чб. (далее — РГАКФД).

[3] РГАКФД. Ед. хр. 373146. Шифр 0-373148 чб.

[4] Там же. Шифр 0-373151 чб.

[5] Там же. Шифр 0-373149 чб.

[6] Цит. по: **Брусилов А.** На ее руках умирали вражеские пленные (Военнопленные в Дубравлаге) [Электронный ресурс]. URL: http://www.zubova-poliana.ru/warheros-dubravlag.htm (дата обращения — 05.01.2012)

[7] Цит. по: Известия Мордовии. 2002. 23 окт.

[8] См.: **Резепов Е. Е.** Крики любви // Столица С. 2004. 2 марта. С. 20 — 21; 9 марта. С. 26 — 27; **Его же.** Наша маленькая жизнь. Саранск, 2007. С. 336 — 337.

[9] Цит. по: **Резепов Е. Е.** Волчья жизнь // Столица С. 2006. 19 дек. С. 15.

[10] См.: Известия. 1990. 22 апр.; **Писарев Е.** Рада, Потьма, тьма ГУЛАГа [Электронный ресурс]. URL: http://www.hro.org/editions/karta/nr4/potma.htm (дата обращения — 05.01.2011)

[11] См.: **Esteban-Infantes E.** La Division Azul (donde Asia empieza). Barcelona, 1956. P. 280.

[12] URL: http://www.history.machaon.ru/all//number _ 17/analiti4/elpatievsky _ print/idex.html # 38#38 (дата обращения — 05.01.2011)

[13] См.: **Конасов В. Б.** Финские военнопленные Второй мировой войны [Электронный ресурс]. URL: http://around.spb.ru/finnish/konasov (дата обращения — 05.01.2011)

[14] Известия Мордовии. 2002. 23 окт.

[15] См.: Известия Мордовии. 1996. 30 июля.

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] Там же.

[19] См.: **Шуман Е.** «Архипелаг ГУПВИ» [Электронный ресурс]. URL: http://www.dw-world.de/dw/article/0,,979125,00.html (дата обращения — 05.01.2012)

[20] См.: Известия Мордовии. 1996. 30 июля.

Александра Ефимовна Мирошкина,
член Союза журналистов России, кандидат филологических наук,
(г. Саранск)

ВЕСЬ ЭТОТ МИР ВОШЕЛ В СТИХИ

Литературный портрет Василия Егорова

Василий Федорович Егоров (9.10.1935, с. Новый Усад — 11.07.1990, г. Краснослободск) — поэт, прозаик, журналист. Родился в крестьянской семье. Окончил историко-филологический факультет Мордовского государственного университета (1957). Участвовал в освоении целинных и залежных земель Казахстана. Работал каменщиком, монтажником, литсотрудником в газете «Молодой ленинец», редактором Мордовского книжного издательства (1957 — 1970). Писать стихи начал в школе. Автор 9 поэтических сборников и одного романа*. Публиковался в Мордовии в районных, республиканских газетах и журналах, коллективных сборниках местного издательства «Между Мокшей и Сурой» (1981), «Примокшанье мое» (1982) и др. Несколько стихотворений напечатал в московских журналах «Сельское хозяйство России» и «Турист», коллективном сборнике «Родники народные. Стихотворение об истоках таланта и творчества великого эрзянского скульптора С. Д. Эрьзи (Нефедова) «Gyökérszobor» (буквально — «корень, скульптура») опубликовано в двух солидных изданиях на венгерском языке[1]. В сборнике «Солдаты войны» (Саранск, 2005) помещен отрывок из стихотворения «Я приехал из деревни...».

70-летие поэта в 2005 г. краснослободские почитатели таланта отметили чтением стихотворений, воспоминаниями о нем, учреждением фонда его имени. В честь 75-летия В. Ф. Егорова в музее имени А. И. Полежаева в г. Саранске состоялась встреча почитателей его таланта. Присутствовали и выступили с воспоминаниями доктор исторических наук профессор Н. Ф. Мокшин, писатель А. А. Соболевский, Г. М. Березина, дочь поэта С. В. Красина и его двоюродный брат А. П. Федюшкин. По словам последнего, юбилей широко отмечался и на его родной краснослободской земле.

Вся нелегкая жизнь, радости и страдания мятущейся души, творческие искания поэта отражены в его произведениях точным и метким словом. А силой слова он владел: «Русского простого слова, / знаю, нет сочней. / Тает на губах медово, / лечит без врачей» («Поле-полюшко», с. 48).

Рождение поэта

Да, настоящего, большого, милостью Божьей поэта... Ныне против такого определения вряд ли кто всерьез возразит по идеологическим или другим соображениям. Он родился поэтом. С детства мыслил образами;

---

* Поэтические сборники В. Ф. Егорова: «Корни» (Саранск, 1963), «Лицом к свету» (Саранск, 1965), «Поле-полюшко» (Саранск, 1971), «Веснянка», «Луна в рубашке» (Саранск, 1978), «Перепелиные зори» (Саранск, 1978), «Тропинка» (Саранск, 1980), «Зимние гости» (Саранск, 1981), «Колыбель» (Саранск, 1982); роман «Камни растут и светят» (Саранск, 1985). Далее ссылки на эти издания даются в тексте (название сборника и страница).

наблюдая окружающий мир, впитывал в себя звуки, краски, особенности речи, жизни и быта людей родного краснослободского края, одной из жемчужин Мордовии, России... Впоследствии все это он выразил в стихотворении «Мой край по-своему поет» (1976):

Мой край по-своему поет
И чист напев любой ветлы,
Петух зарю по капле пьет,
Те капли, как пшено, светлы.
И жизнь моя течет светла,
Как роща в первый день зимы,
Выходит слово из села,
И я беру его взаймы.

«Луна в рубашке», с. 45.

Поэт «занимает» слово, чтобы вернуть его современникам и потомкам сторицей — вечной памятью о родных местах, образами и картинами изящной словесности. Что касается биологического рождения, вхождения в мир сельских забот, то и об этом со свойственной ему простотой и ясностью поведал поэт устами своего лирического героя:

Среди сельчан, в работе дельных,
С рожденья начал жизнь свою,
И так вот, человек артельный,
Свой век живу и хлеб жую.

«Колыбель», с. 24.

Студенты Мордовского университета. В. Егоров первый справа. 1956 г.

В. Ф. Егоров — лирический поэт, в художественных образах отразивший действительную жизнь во всех ее проявлениях через призму собственных чувств и переживаний. Размышляя о месте поэта «в рабочем строю», герой его произведений вынужден преодолевать всевозможные преграды, веря в свое предназначение:

Ломает жизнь меня крутая,
Но верю я: она дана
Лететь до звезд,
гореть до пепла,
Дышать свободно,как в грозу,
От солнца близкого ослепнуть,
Жить чище,чем слеза в глазу...

«Корни», с. 22.

Василий Егоров (справа) с другом. Саранск,1955 г.

Поэт считал себя одним из творений Природы. Олицетворяя ее, он чувствовал родство со всем живым на земле. Он предельно открыт и честен в своих помыслах и делах. Особое благоговение испытывал к яблоне, ставшей символом, музой-покровительницей его творчества. Об этом его проникновенное стихотворение «Муза» (1976):

Сожгу на углях жизни нервы,
Стерплю горячку укоризн,
Но буду верить, буду верить,
Что дочь природы мне сестра,
И не могу я лицемерить
При встрече мысли и пера.

«Луна в рубашке», с. 47.

Геопоэтические объятия Егорова расширяются до уровня мировых масштабов, без которых, оказывается, тоже невозможно прожить:

Я славлю колыбель земную.
Людей великую родню.
Без них я в пору золотую
Листком засохну на корню.

«Колыбель», с. 24.

О нелегком литературном «хлебе» читатель узнает из другого поэтического произведения. Да что там — узнает, он чувствует, как его добывают:

...Ну,а я сижу за столиком,
Бог и царь,и человек,и дерево,
А бумаги-то извел вон сколько,
Чтобы слову моему поверили!
Что там выйдет — песня или присказка?
Может,душу обнажу я в повести?..
Но удача,как всегда,не близкая,
Где-то ходит,заплутавшись,по лесу...

«Луна в рубашке», с. 46.

Первое четверостишие здесь ассоциируется с рассуждением В. В. Маяковского о том, как ради одного нужного слова приходится перелопатить «тысячи тонн словесной руды»; начало второго — с классическим предостережением о непредсказуемости поступков героев художественных произведений: пушкинская Татьяна вдруг «взяла да и вышла замуж», что явно не входило

в авторский замысел. Как бы то ни было, а В. Ф. Егоров представил серьезную заявку на место поэта в нашей быстротечной, полной неожиданностей жизни, на роль искреннего певца родного края необъятной Родины:

Лето мое, ты идешь.
Что я рощу и сею?
Слово хочу, как рожь,
вырастить для России».

«Лицом к свету», с. 21.

Поэта волнует перспектива его творчества. Для него мало излить свои мысли и чувства на листе бумаги, нужно, чтобы они отозвались в людских душах, сердцах.

Извечный вопрос о счастье для поэта Егорова заключен в самой жизни и выражен коротко и просто: это «Когда друг без друга ни дня. / Я — в поле, ты, счастье, — со мной; / в лугах я — ты снова со мной...» («Белая сказка», 1976). Счастье — это радоваться свету, дождю, солнцу, ветру, прикоснуться к руке любимой, видеть, как «покачиваясь в колыбели, дитя пускает пузыри» («Метут февральские метели...», 1982), как подрастает дочь:

Вертлявая и тонкая,
лопочет, словно лист,
работает ножонками,
как велосипедист.
И только небо осени
зажжет в окне звезду,
заснет дитя без просыпа,
как хлебороб в страду.

«Луна в рубашке», с. 50.

Счастье — это встречи с новыми местами, людьми, это способность остаться самим собой и вернуться домой («Ослепли окна...»; «Корни», с. 38).

Судя по содержанию произведений В. Ф. Егорова, основу счастья его героев составляет труд, или работа, как он говорит. Некоторые его стихотворения начинаются с этого слова: «Какой он сладкий вкус работы», «Она, работа, не кончается...», «Работал дождь, всю ночь работал дождь...». Названия других обозначают профессию: «Строителям бессмертие сродни...», «Пасечник», «Хозяин», «В поле» и др. В стихотворении «Крестьянская осень» (1982) запечатлен один из видов сельской работы (заготовка капусты на зиму), являвшейся для крестьянина, особенно детей, своеобразным праздником, к которому заранее готовились, соблюдая традиции. А сколько при этом было шуток, смеха, неподдельной радости:

Василий и Зинаида Егоровы с дочерью Светланой

Для меня работа эта — праздник,
Славный праздник тела и души,
И кого вилок мордастый дразнит,
Тяпку в руку — и валяй круши...
Набираясь силы и здоровья,
Я крестьянской осенью живу,
И люблю особенной любовью
Я ее во сне и наяву.

«Колыбель», с. 84.

Три поколения Егоровых из с. Новый Усад: бабушка Мария и дед Никита, родители Мария Петровна,Федор Никитич и их дети Клавдия и Василий. 1951 г.

Поэт, с детства привыкший к любой работе, с радостью и вдохновением выполнявший ее, одухотворил и само слово «работа», оно зазвучало, запело в его стихах, превратившись в поэтический образ.

Выпускник университета, слушавший лекции М. М. Бахтина, занимавшийся в литературном кружке под руководством большого любителя и знатока русской поэзии Л. Г. Васильева, много читавший, он, конечно, не мог не знать того, что один из интеллигентнейших поэтов конца XIX — начала XX в. В. Я. Брюсов, взяв слово «работа» в название своего стихотворения и придав ему новое звучание, наполнил его глубоким смыслом[2]:

Единое счастье — работа,
В полях, за станком, за столом,
Работа до жаркого пота,
Работа без лишнего счета,

Часы за упорным трудом.
Великая радость — работа,
В полях, за станком, за столом!
Работай до жаркого пота,
Работай без лишнего счета,
Все счастье земли — за трудом!

В небольшом сюжетном стихотворении В. Ф. Егорова «Курьерша» («Лицом к свету», с. 7) созданы запоминающиеся образы женщин: кроткой, исполнительной тети Поли, снующей «быстрее, чем ласточка», из типографии в издательство, и «капризно-начальственной», спесивой секретарши.

Значительное место в лирике В. Ф. Егорова занимают стихотворения о любви, синтезирующие в себе глубокие чувства к матери, жене, дочери, родному краю, Родине. Чувства переполняют сердце поэта, и он спешит поделиться ими:

Меня влечет твой дом на берегу.
И я плыву,не плыть я не могу.
И потому я этот край — неброский
Люблю до самой хиленькой березки.

«Колыбель», с. 32.

Глубокое прочувствованное признание героя одного из произведений в любви к своей единственной отражено в двух четверостишиях:

Ты моя неизвестная песня,
У печальной воды омутов.
Ты моя синева поднебесная
Над полетом суровых годов.
Ты дорога моя на распутье
И серебряный звон родника.
Только кто-то все воду нам мутит:
Не могу я напиться пока.

«Колыбель», с. 50.

Семья Егоровых: стоят — молодожены Василий и Зинаида,сидят — сестра Клавдия,мать Мария Петровна и отец Федор Никитич

Светлым, озорным, радостным чувством наполнены строки, в которых своеобразными свидетелями лирического героя в его объяснениях с любимой становятся животные:

Эх, снега, вы, снега, — лебеди за садом.
Я на лыжах в снега убежал с досады.
Там, где встал краснотал, где ветра лютуют,
На снегу написал, что тебя люблю я.
Только жаль, что письмо не дойдет к красавице.
Объясненье мое прочитают зайцы.

«Корни», с. 30.

В другом стихотворении автор от лица своей героини рассказал с легким юмором о неожиданной встрече девушки с приглянувшимся парнем: «Как у дома, как у вяза на тропинке я увязла...» («Колыбель», с. 33).

Лирические произведения В. Ф. Егорова наполнены философским содержанием, наталкивающим на естественные размышления о жизни, своем «Я» и, конечно, о любви. Образные обобщения щедро рассыпаны в стихотворных текстах, коротких строфах: «Румяней солнца мухомор поганый. / Но есть ли смысл румянить солнце?» (1965), «Прекрасна мать и даже свята / с ребенком малым у груди» (1982), «Гори, гори до пепла, / чтоб счастье крепло, горе слепло!» (1982; есть тут что-то от народного заклинания при исполнении обрядового ритуала, посвященного огню), «У слабого путь короткий. / У сильного путь большой. / Пусть был я и злой, и кроткий, / но не был с глухой душой» (1971) и др. Глубокомысленно четверостишие, вобравшее в себя неоднозначность бытия: «Любовь — загадка жизни. / Ушел, тебе грубя, / Мол, нет тебя капризней. / Но как мне... без тебя?» («Луна в рубашке», с. 48).

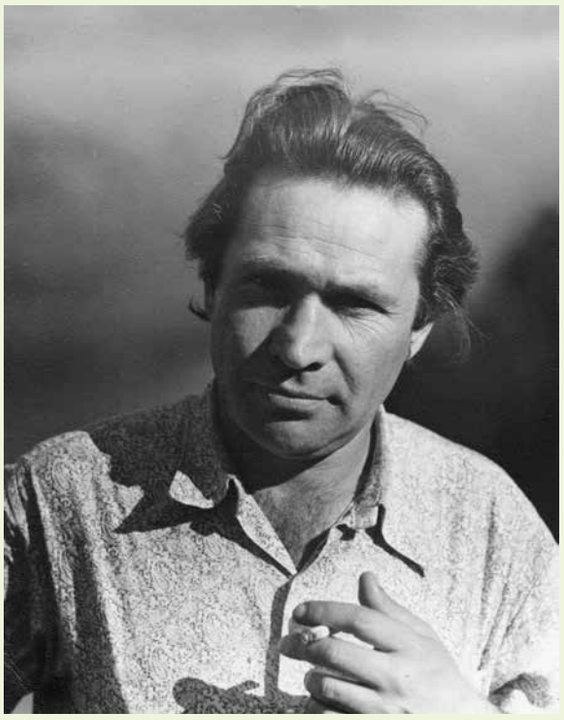
Поэтическая картинка «Красота живет в обычном необычности полна» невольно соотносится с блоковским[3]:

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
когда блеснет в дали дорожной
мгновенный взор из-под платка...

Кстати, подобные поэтические параллели с русской классикой у Егорова нередки. Сообразно времени краснослободский поэт, размышляя о закономерностях в развитии природы, общества, мышления, пришел к заключению:

Нет страны покоя, всюду жизнь.
Временный покой лишь к беспокойству.
Знаю я в природе чудо-свойство:
коль покой, то к грому и дождю.

«Поле-полюшко», с. 22.



В. Ф. Егоров. 1980 г.

От этих строк будто невидимый мостик перекинулся к стихотворению А. А. Блока «На поле Куликовом» с его колоритными картинами, передающими тревожную атмосферу в стане русских воинов перед битвой с мамаевой ордой. Другое время, другие люди и обстоятельства, а смысл один: «И вечный бой! / Покой нам только снится»[4].

Историко-литературные параллели в творчестве В. Ф. Егорова уводят читателя в далекие, былинные времена. Его «Плач жены по Садко» поэтически восходит к знаменитому «Плачу Ярославны» из «Слова о полку Игореве», когда та, «горлинкой летая» по высокой городской стене Путивля, молила силы небесные и земные, воды седого Днепра Славутича вернуть из половецкого плена ее любимого мужа князя Игоря. Подобно ей, получив страшную весть о гибели Садко, тоскует его жена: «...Лебедем взлечу, камнем паду, зарасту травой, глухой тоской. Отпусти его ты, царь морской...». Чтобы вернуть Садко, она готова на многое: «Разожгу пожар — гореть воде! Гой еси, гусляр, ты где, где ты?» («Поле-полюшко», с. 51).

Созданные авторским воображением образы былинного богатыря с душой вещего Бояна («Добрыня») и коротавшего над письменами предков летописца («Сильвестр») в книге «Поле-полюшко» (с. 73 — 78) по замыслу призваны открыть потомкам некоторые хитросплетения в политике властителей по отношению к своим рабам.

Подобные экскурсы в произведениях В. Егорова естественны и вполне объяснимы. Обучаясь на историко-филологическом факультете (по окончании его выпускники получали специальность историка и филолога), Егоров и его сверстники (А. А. Соболевский, А. У. Эскин и др.) имели счастье общаться с такими фанатами науки, как А. Я. Коковин (преподавал историю древнего мира), М. Г. Сафаргалиев (историю Золотой Орды, М. А. Петракеев (устное народное творчество и древнерусскую литературу), М. М. Бахтин (введение в литературоведение и античную литературу), В. Б. Естифеева и Ю. Ф. Басихин (зарубежную литературу), И. Д. Воронин и Л. Г. Васильев (русскую литературу конца XIX — начала XX в. и советскую литературу) и др. Серьезная самостоятельная работа над первоисточниками в архивах и читальных залах, регулярное знакомство с новинками исторической и литературоведческой наук, художественными произведениями современных авторов расширяли познания в заданных сферах, способствовали формированию собственных убеждений, свободной ориентации в трактовке тем, отборе художественных средств типизации характеров, реалий окружающего мира. В егоровском «Толстовском бастионе» (1976) воплощена идея обустройства будущего России с учетом исторического опыта в расширении ее международных связей:

Россия открывала
Границу для друзей.
Но и врагов немало
Досталось встретить ей.
Хожу по бастиону
На самом на виду.
Рассказывают кроны
Про давнюю беду.
Присели пушки грузно
И, кажется, палят,
А турки и французы
В степи ордой пылят.
Ой, лакомый кусочек —
Россия! Сводит рот,
И зависть червем точит,
Покоя не дает...
А русских валит усталь,
Но враг уж не далек.
И Лев Толстой на бруствер
С солдатами прилег.
Шипят-шумят снаряды.
И пуль зловещий свист.
За ратный труд наградой
Слетает с ветки лист...
Те дни ушли в былое —
На пушки пыль легла,
И гложет время злое
Двуглавого орла.
Но вновь, не забывая
Грозу далеких дней,
Россия открывает
Границу для друзей.

«Луна в рубашке», с. 13 — 14.

Образны и содержательны в этом плане стихотворения «Дмитрий Донской», «Ослябя», «Легенда о всаднике» («Колыбель», с. 16 — 18), повествующие о временах Золотой Орды, Бонапарта, Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.

Естественные вкрапления философской лирики в художественную ткань произведений, обычные для В. Ф. Егорова, наполняют стихотворения особым смыслом, уводя читателя в лабиринты безграничного познания физического и духовного мира. Не исключение в этом плане и стихотворения на тему Великой Отечественной войны. Потрясающей силы ее образ преломля-

ется через сознание мальчишки, собиравшего «тяжелые, гербовые» колоски в поле:

Старался, чтоб зернышка
Не оставалось в лунках.
Колосья пахли солнышком,
Топорщась, лезли в сумку.
А детство дальше видело:
Взяв в руки автоматы,
На волоске от гибели
К селу спешат солдаты.
Высотку с боя взявшие,
У речки отдыхают.
И хлеб едят уставшие,
И крошек не теряют.
О время! Желторотые,
На поле врассыпную
Мы, как бойцы, работали,
Колосья атакуя.

«Корни», с. 10.

Памяти павших в боях, пропавших без вести, сгоревших в крематориях фашистских концлагерей, но проложивших путь к Победе, посвящено стихотворение «Отцу» (1971):

Славлю щепотку пепла,
что разлетится в дым;
птахой когда-то пела
кленом была седым.
Пепел из Бухенвальда
по ветру все шумит.
Вот он из-за ограды
тучкой взлетел в зенит.
Может быть, дымом сивым
кружишь, отец, и ты
или течешь по сливам
соками чистоты...
Вот потому большую
землю мою, мою,
каплей любой родную,
не устаю — пою.

«Поле-полюшко», с. 43.

Военные мотивы звучат в произведениях В. Ф. Егорова «Пареная тыква», «Память храним», «Колыбель», «Поклонение огню», «И пусть так будет», «Хозяин», «Окопы» («Колыбель», с. 9 — 14), «1941 — 1945» («Луна в рубашке», с. 13) и др.

Однако Василий Федорович как своевременный и современный поэт даже в обращении к древним и сказочным образам остается певцом родной земли, ее шорохов и вздохов, туманов и рассветов, рек и полей, людей из сел и городов среднерусской полосы. Кстати, городские мотивы не столь многочисленны в его творчестве и чаще даны в сопоставлении, причем пальму первенства автор отдает городам районного масштаба:

Моя звезда — районная столица,
Тихонько наступает на поля.
И быт деревни в городе ютится,
И рядом — деревенская земля...
Теперь уже непросто удивиться,
Когда Россия в каждый уголок
Привносит смело навыки столицы,
А в стольную — наш сельский огонек.

«Луна в рубашке», с. 8.

Признание в любви к таким городам содержат стихотворения «Я бредил городом...» (1965), «Краснослободск», «Города мне большие по нраву, но...» (1971).

Немало прочувствованных слов о главной реке родного края — Мокше — разбросано по строчкам разных произведений В. Ф. Егорова: «Здесь Мокша, омывая села, / несет спокойную волну» («Лицом к свету», с. 13), «Река рисует взгорье и село, / как первый живописец на Руси» (там же, с. 31), «Прижав к себе, / я нес ребенка / на тихий, теплый бережок. / С мордовским именем речонка / плескалась радостно у ног» («Колыбель», с. 51). Содержательны и выразительны стихотворения о других водных источниках краснослободского края: «На Имерке», «Рябка», «Речка-быстротечка».

Поэту, сказавшему о себе «Я звезд не снимаю с неба...», удалось отразить в творчестве существенные признаки надвигавшейся космической эры, повергшей человечество в изумление и восторг. Первым чувством, которое он выразил в стихотворении «Цимлянское море» (1965), была вера во всемогущество человека:

Ты не кичись, гордыня-космос,
войду в твою я глубину.
Я человек.
Я самый сильный...
Звезда любая — ты моя.
Я человек.
Я из России,
где сам я делаю моря.

«Лицом к свету», с. 39.

Василий Егоров и Лидия Скобликова прожили вместе 10 лет. Ей посвящено одно из стихотворений

Следующим открытием стало осознание разумного устройства космического пространства, которое неплохо было бы перенять и землянам:

Сколько в небесной артели звезд,
где председателем — солнце!
Значит, там людям и свет, и рост —
творчеством сердце полнится.
Много их, белых и голубых,
желтых, зеленых и красных!
Сколько простора кругом для них,
крупных и маленьких — разных!
Блещут, не мысля подруг затмить,
в дружбе звезда с звездою.
Надо у солнца учиться жить,
литься, сиять добротою.

«Поле-полюшко», с. 5.

География поэтических открытий автора перешагнула региональные границы. Красоты природы Крыма, Северного Кавказа, Прибалтики, Черноморского побе-

Поэты Василий Егоров и Иван Пиняев

режья, степей Казахстана, обычаи и нравы местного населения воспел он в стихотворениях «Тоска о дороге» (о Паланге), «В степях Казахстана», «Вступление в степь» (1965), «Море», «Чеховские розы», «Дорога на Кара-Голь», «Чайка», «Ночь в Гурзуфе», «Эолова арфа» (1976), «А с севера давно ли я?..», «Херсонес Таврический», «Пьет море Аю-Даг» (1982) и др. Однако всякий раз поэт с необыкновенной радостью возвращается домой, о чем признается в стихотворении «У старицы, за глухим оврагом...».

Творчество В. Ф. Егорова озаряет светлый образ матери, готовой сделать невозможное ради счастья своих детей: «Корни», «Исток», «Хозяин», «Наши плечи прочно сбиты» (1965), «Матушка» (1971), «Крестьянская осень» (1982) и др. Стихотворение «Мать привезет нам яблоки и вишни» (1965) — пожалуй, одно из произведений поэта с наиболее пронзительно и обнаженно выраженными чувствами. Казалось бы, что тут особенного: приехала мать в гости к сыну, привезла гостинцев. Но суть в том, что с самого начала поэт нашел верную тональность, удивительно точные и сочные характеристики, вроде такой: «Сама, как ягода, зардеется». Здесь запечатлено не только и не столько смущение матери, сколько ее внутреннее состояние от встречи с детьми, неизвестности дальнейшего развития событий. Естественен ее заговорщицкий шепот: «...чтоб нас никто не слышал: / — Отец наливкой, Вася, запасся...».

Реально и мысленное авторское переключение к воспоминаниям о жизни в селе, где мать, встречая их, не знает, куда посадить, чем накормить. Вернее знает, потому что несет все, что есть в доме, и рада. Сама же, выйдя на крыльцо, всхлипнет молча. Сын недоумевает:

Живу я в городе, приезды редки,
а почему — не понимает мать...
Я, воспоминаю, отвечаю скупо,
А мать о чем-то хочет расспросить...
Я вижу, как ее раскрылись губы,
И возле рта морщинки тонкой нить.
Она бы сыну много рассказала,
Да времени для разговора нет...
Стою и мну фуражку у вокзала.
И мысленно лечу за мамой вслед.

«Лицом к свету», с. 12.

Типичная ситуация, когда дети, став самостоятельными, перестают интересоваться жизнью родителей не потому, что черствы и равнодушны, а от уверенности в том, что еще успеют выслушать их и сказать все, что те хотели бы услышать, не задумываясь о том, что можно и опоздать...

Вот такие грустно-светлые мысли приходят в голову от прочтения совсем небольшого, но вобравшего в себя так много превратностей жизни стихотворения.

Поэт и журналист В. Ф. Егоров читает свои стихи на празднике «Книжкина неделя». Краснослободск,1980 г.

«Просим в гости вас, друзья!»

Особое место в лирике В. Ф. Егорова занимают произведения о детях и детям: «Детство», «Светлане», «Девочка с клубникой» (1963), «Дочь» (1965), «Дочери Светлане» (1976) и др.

Не известно, соотносил ли В. Ф. Егоров свое обращение к созданию детских стихотворений с советами классиков, что для детей следует писать, как для взрослых, только лучше[5], но, кажется, результат превзошел ожидания. Собранные в книжечках «Тропинка», «Веснянка» и «Зимние гости» (любовно и со вкусом оформленных художником Ю. Смирновым), они не поддаются ни пересказу, ни какой-либо интерпретации. Только читая и слушая их, чувствуешь прелесть, красоту, искренность чувств и правдивость образов, видишь все цвета радуги, услышишь все земные и небесные звуки, познаешь тайны и загадки, которые поджидают на каждом шагу:

Наша липа, расцветая,
Стала прямо золотая.
Облепили липу пчелы,
Пахнет медом день веселый.
«Медоносная пора».

— Что ты, Вова, конопатый? —
Дразнят паренька ребята.
Он смеется, отвечая:
— Через сито загораю.
«Находчивый».

Собрались утята,
Как в лужке опята.
Это нам и на руку:
Мы их гоним за реку.
«Пастухи».

Мутнеют воды полые,
Шумят деревья голые,
А глянь — среди валежника
Подснежники, подснежники...
«Первые цветы».

На зорьке у села
Пылит овечье стадо.
Луга ровней стола
И не окинуть взглядом...
«На зорьке».

Поэтическая образность (у Егорова что ни стихотворение, то яркая, искрометная, словно бьющий из-под земли родничок, метафора), доступная детскому восприятию и пробуждающая во взрослых воспоминания детства, характерна для произведений автора. Написаны они в духе лучших традиций русской классической поэзии. После первого же прочтения они остаются в цепкой памяти детей:

В чаще леса, в чаще синей
Раскрылился клен гусыней.
Крупным дождиком в корзины
Сыплется с кустов малина.
Вьются пчелы, свищут птицы.
К родничку спеши напиться.
«Песни леса».

Именно такой яркий, добрый мир открывают детям «Тропинка» и «Зимние гости». В этих книжках для детей дошкольного возраста автор рассыпал, как в калейдоскопе, цвета и образы календарного цикла. Оказывается, первыми предвестниками весны являются вовсе не грачи, а обыкновенные серые воробушки, никогда не покидающие родных мест:

Еще тропу стеклит мороз;
Еще озера льдисты, сини;
Еще на веточках берез
Затейливый и тонкий иней,
А на развилках проводов
Давно поет весну неистово
Ватага бойких воробьев.
— Какие голосистые!
«Воробьиный праздник».

Не менее выразительны строки об апрельском половодье, когда «вода в огороде тополям по шейке», а ребятня «запружает ручьи». Автору и его читателям «радостно от мысли: / прилетели гуси, / в небесах повисли, / что на нитке бусы». Интересно наблюдать, как, «опуская головы, / пьют из лужи голуби / воду снеговую, воду голубую...», как из грядки «хитрый грач / дергал лук, / хоть плачь...», и какой щедрой бывает весна:

Расцветает целый край —
Улыбнулся месяц Май.
Подпирая синеву,
Тянет за уши траву...

Узнают дети и о лете, представленном поэтом изящной легкой рифмой:

Синеок и юн,
Выходил июнь.
На заре с полян
Гнал в низы туман,
Выводил коров
На ковры лугов.
Широки луга,
Высоки стога!
Синеок и юн,
Золотой июнь
Закружил детей
В хороводе дней.

Картины от начала осени до поздней зимы поэт отразил в стихотворениях «Бабье лето», «На Родине» и др. Содержание каждого из них наполнено глубоким смыслом:

В саду остается синичка
Простая, проворная птичка.
А ветры трубят и трубят,
А листья летят и летят.
Легко ли вороне и галке?
Но больше синичку мне жалко,
Когда наступает зима
И вьюги летит кутерьма.
Морозы все злее и злее.
На Родине птичке милее.
На Родине, как говорят,
У дыма другой аромат.

Конец этого детского стихотворения созвучен чувствам длительное время находившегося на чужбине русского писателя А. И. Куприна, вернувшегося в Россию незадолго до своей кончины («Даже цветы на Родине

В. Ф. Егоров с племянником Святославом Федюшкиным

пахнут по-иному...»[6]) и А. С. Грибоедова («И дым Отечества нам сладок и приятен»[7]).

Через весь детский цикл проходит центральный образ Родины, России: он в картинах природы, образах любимых детьми мамы, бабушки, отца, деда (стихотворения «Кувшинки», «Родниковая вода», «Бабушка», «Умелец», «Кот Мурлыка и Таня», «Крапива учит» и др.).

От лирики к эпосу

В творчестве В. Ф. Егорова лирическое начало органично сочетается с эпическим. Последнее, присутствуя во многих сюжетных стихотворениях, отчетливо проявляется в поэтических произведениях более крупного жанра.

«Возмездие» (1971; «Поле-полюшко», с. 70 — 73), обозначенное как мордовское предание, повествует о мордовских князьях Пуреше (мокша) и Пургасе (эрзя). Они враждовали из-за предательства Пургаса: тот продался булгарам, после чего эрзяне стали нападать на мокшанские земли. Обманным путем коварный Пургас заманил Пуреша в ловушку и убил. Сын Пуреша отомстил за отца, развеяв по ветру прах убийцы. В авторской интерпретации предание, в котором использованы художественно-изобразительные средства русского и мордовского устно-поэтического народного творчества, содержит в себе идею отмщения за предательство: «Тот не уйдет от возмездья, кто предает своего».

«Буртас» (1971; «Поле-полюшко», с. 74 — 76) — легенда о мордовской царице Буртас. В эпическом истолковании поэта под ее началом воины храбро защищали свои земли в XIII в. от набегов половцев и булгар:

Буртас в бою не знала поражений...
Дивился мужеству царицы Пуреш,
мокшанский князь:
— Вай, молния-царица!..

«Поле-полюшко», с. 74 — 75.

Описывая новое сражение, в котором воины Буртас были разбиты Бату-ханом, автор находит нужные слова и поэтические образы для выражения внутреннего состояния побежденной царицы:

Глядится в Мокшу замок деревянный,
и крыша розовеет от заката.
На берегу высоком и горбатом царица ходит:
голова в тумане <...>
— О горечь поражения в бою,
теперь познала сладость я твою.
Чернее часа нет — не утаю.
Из родника позора смерть я пью...
К рассвету птица смуглая, большая
из окон замка вылетела с криком,
метнулась к берегу волна крутая и,
откатившись, круг сомкнула мигом...
Наутро рыбаки нашли в излуке
холодный труп.
И тень легла на лица.
Они упали наземь, к небу руки.
И землю крик потряс:
«Вай, вай, Царица!».

«Поле-полюшко», с. 76.

Сборник «Перепелиные зори» составили лиро-эпические поэмы.

Поэма «Степь» (с. 3 — 24) посвящена студенческой целинной эпопее. Стихотворное повествование ведется от первого лица, что придает достоверность как произведению в целом, так и его отдельным компонентам (структура, сюжет, поэтика). Сюжетное и художественно-эстетическое наполнение поэмы направлено на отображение реальных событий на коротком временном отрезке жизни студенческой молодежи Мордовского университета и одного из московских вузов, сдружившейся на целине, где, кстати, зародилось первое чувство мордовского студента к девушке из далекой Польши, обучавшейся в Москве. Яркими, сочными красками описаны труд, быт и отдых целинников, природа казахских степей, взаимоотношения местных жителей и приезжих, их характеры; все в движении, в развитии: «И бежит по дороге наш ЗИЛ. / В нем студенты, как в бочке, сидят», «...И беседа — сначала неловко, / а потом зажурчала ручьем...». Тонко подмечены особенности быта казахов:

Мы въезжаем в казахский аул.
Он прижался у круч Иртыша,
что течет широко, не спеша.
Темных крыш земляные фуражки
и саманные стены жилищ.
И гортанно лопочут казашки,
Поспешают с бельем на Иртыш

(с. 3).

Правдиво воспроизведено внутреннее состояние персонажей: «На коне, как на птице, лечу / и метелью горячую грусть / по равнине развеять хочу...». Озорные импровизированные частушки в праздничном кругу заражают весельем и зовут в хоровод: «Полюбил мокшанин польку, а она его нисколько...».

В арсенале изобразительных средств автора появились новые метафоры, персонажи, образы казахской степи и самоотверженного труда молодежных коллективов: «Степь звенит, / словно спелый арбуз. / Транспортер, как звереныш бегущий, / желтой речкой течет с него груз...», «Край степной... / Где закат ярко-красною птицей / утонул в ковылях головой», «Он умолк, посмотрев на зарю, / где усталое солнышко грузно / в степь легло половинкой арбузной...», «Солнце выплыло в синий зенит, / жаркой печкой палит свысока...», а «луна, как вода в водополье, — / разлилася — волна за волной...»; «месяц-маяк», «смуглый вечер», «желтолапые ветры», «седые километры», «пшеничные реки» и др. Целинная земля сроднила лироэпических героев, за что они благодарны ей: «Ты мне труд и любовь даровала, / это в жизни, наверно, немало...», «Видно, в жар трудовых этих дней / степь нам попросту стала своей...».

Лейтмотивом поэмы стал своеобразный гимн труду — первооснове всего, в том числе мужанию юности: «Николай! Взгляд стал чуточку строже; / он, казалось, в пути был моложе. / А в степи, словно корень, окреп...». На серьезной деловой основе, мирно разрешались в повествовании случавшиеся порой производственные и иные конфликты. Молодые хлеборобы и строители в поэме считали себя преемниками дела дедов и отцов, столетиями приумножавших трудовую славу России:

Недаром отцами
нам Отчизна в наследство дана.
Мы идем их крутыми путями,
и гудит, отступив, целина

(с. 23).

Такое отношение к материальным и духовным ценностям бытовало до середины 1980-х гг. «Плюрализм мнений», «новое мышление», «совки», «продвинутые» и прочие ярлыки перестроечной поры внесли сумятицу в сознание людей, гордо именовавшихся до того «советским народом». Апологеты первых лет «перестройки» словно пытались перевернуть все с ног на голову, «пересматривая» историю огромной и сильной державы — СССР, называя ее не иначе, как империей зла и тотального насилия, отрицая все, что было до них: и революцию 1917 г., и Великую Отечественную войну... Фальсифицируя факты, вырывая их из исторического контекста, они оболгали и целину, сделав из нее «страшилку», какими ныне запугивают детей печатные и электронные средства массовой информации. Подлинные же участники освоения целинных и залежных земель Алтая и Казахстана, к которым относились и студенты вузов страны (В. Ф. Егоров — из их числа), восприняли работу на целине как один из наиболее интересных, значительных и романтичных периодов в своей жизни, укрепивший их и физически и духовно. Поэту Егорову удалось запечатлеть и донести до нас истинную атмосферу в обществе той поры.

Небольшая поэма «Лето» (с. 25 — 28) — о сенокосной поре, приобщении детей к крестьянскому труду, когда кончались детские игры в лапту, биту, «войну» и начиналась работа:

Бежим в луга с граблями, сорванцы. <...>
Красива и торжественна картина на лугу:
Вожак-косец ведет большой покос,
и цепью бабы растянулись следом.
И шум, и гам, и перезвон от кос.
Клубникой пахнет, пахнет знойным летом.
И солнце половодьем разлилось.
Мозолятся ладошки у ребят,
И спинки жидкие смуглы от зноя,
Но собираем мы за рядом ряд
Сухое сено, сено молодое

(с. 26 — 27).

Поэтическое заключение в честь веселых и славных ребят наполнено чувством уверенности в их добром и светлом будущем:

А луг бежал, от копен конопатый,
среди озер до взгорий голубых,
и дети подрастали, как опята,
чтоб скоро заменить отцов своих

(с. 28).

Памяти С. Д. Эрьзи посвящена поэма «Глубинный свет» (с. 29 — 39). Образ великого скульптора-мордвина притягивал русского поэта-земляка не просто масштабом личности и творческой деятельности, но и непостижимой тайной мастерства. Пытаясь заглянуть в нее, поэт создал стихотворения «Голова Моисея», «Эрьзя» (1971), фрагмент «Тоски» (скульптурный образ), которые явились заготовками к поэме, давшей возможность поэту в известной мере проникнуть в лабораторию творчества скульптора и проследить начало его таланта, вылившегося позднее в мировые шедевры, покорившие человечество.

В произведении «Митусь и Даниил Галицкий» (с. 40 — 42) В. Ф. Егоров по-своему увидел и передал конфликт между князем Галицким и певцом Митусем. Сюжет повествования таков: князь созвал гостей на пир по случаю победы над врагом и пригласил Митуся, чтобы тот отразил его подвиги в песне. Певец отказался, ушел в степь и запел:

О ком ту песню он, гусляр, повел?
...Он пел, гусляр, о подвигах народа,
а не победы княжьи и походы (с. 42).

Прочитав поэму, проникаешься духом, мыслями и чувствами героев давно ушедших дней и делаешь свой выбор.

Поэма «Возвращение» завершена автором в 1960 г. и опубликована в сборнике «Колыбель» (с. 89 — 100). Она — о Великой Отечественной войне. Главный герой

советский летчик Федот Кузьмич, прототип Михаила Девятаева, вынес все муки ада после того, как, сбив очередной «мессершмитт», выбросился из кабины горящего самолета: плен, концлагерь Заксенхаузен, побег на фашистском самолете, неласковый прием на родной земле и... признание его заслуг перед Отчизной: «Домой приехал с Золотой Звездой / известный летчик, признанный герой».

Последнее из опубликованных произведений В. Ф. Егорова — роман «Камни растут и светят» (1985) — стало первым романом в современной русской литературе Мордовии, отразившим крупным планом жизнь студенческой молодежи, проблемы вузовской подготовки. Роман во многом автобиографичен. В главном герое Евгении Степнове узнаются внешний облик и характер самого писателя. Основные принципы жизни и творчества, методология обучения и воспитания, свойственные в романе преподавателю Петру Петровичу Горшкову, сходны с поведенческими качествами, научными принципами и планами работавшего в Мордовском университете ученого с мировым именем М. М. Бахтина. В образе эрудированного, доброго, всегда ровного в отношениях к студентам педагога Алексея Петровича Весеньева угадываются черты характера преподавателя русской и советской литературы Л. Г. Васильева.

Василий Федорович Егоров с дочерью Светланой и внуками Сергеем (на коленях) и Андреем

Имеют своих прототипов персонажи Петр Мышин, дед Семен, бабушка, соседка тетка Федаева и др. Художественно воплощены в произведении образы студентов Нины Семеновой, Лили Богородской, Лены Ромашкиной, Юрия Синева, литературная среда г. Сарска (Саранска), представленная сотрудником молодежной газеты Акимом Саблиным и местными поэтами-антиподами Сергеем Чокиным и Сидором Комарихиным, бригада строителей ТЭЦ и ее лучший трубоклад Андрей Порошко и др.

Через героя Евгения Степнова автор размышляет о традициях, новаторстве и современности, литературных штампах и искренности в поэзии, самобытности и манерности авторов, а также о сложившихся отношениях между городом и селом. В романе много героев, их характеры раскрываются во взаимосвязях друг с другом и самооценках. С первых до последних строк роман пронизан чувством любви: взаимной и безответной — между девушкой и юношей, всепоглощающей — к родным и близким людям, местам. Проблемы типологии жанра, поэтического стиля романа заслуживают более пристального изучения.

«Елки-палки, лес густой!»

Это народное выражение удивления и восторга, по-новому зазвучавшее в контексте солнечной лирики В. Ф. Егорова (стихотворение «За орехами», 1965), можно отнести ко всему его творчеству, которое открывает читателю красоту окружающего мира, родной природы, излучает тепло, свет, радость общения и взаимопонимания. Обращаясь к произведениям поэта, каждый раз находишь все новые художественные образы. Кажется, что им нет предела в его насыщенном творчестве, они готовы литься через край, чего не случается лишь по причине их крепкой спаянности, которую обеспечил им автор, сказавший однажды: «Пусть не смогу я удивляться, но не устану удивлять».

Спасибо ему за это непреходящее удивление, которое он оставил в своих книгах. Один из друзей В. Ф. Егорова, чье анонимное участие в его судьбе запечатлено в стихотворении «Дружба» («Лицом к свету», с. 25), назвал его талантливым русским поэтом, одним из тех «неизвестных, каких много в нашей необъятной России, было, есть и будет...»[8]. Печальный, конечно, вывод о «неизвестности». Тем более, что поэт действительно талантливый. Прекрасный поэт! Может быть, наше время выведет его из разряда «неизвестных»? В связи с этим необходимо обратить внимание на «независимость» его творческой ориентации. Для поэта и прозаика Его-

рова и его многочисленных героев не существовало дилеммы ни в споре лириков с физиками в 1950 — 1960-е гг., ни в более поздних дискуссиях на тему «красота спасет мир» и др. Он был твердо убежден в том, что суть заключается в гармонии человека с природой, самим собой, другими людьми, в искренности, любви и взаимопонимании. Все это вполне возможно в жизни, в которой хватает места и для физиков с лириками, и для красоты, которой следует любоваться, которую надо самим создавать и защищать, а не бросать на баррикады ради спасения мира, практически отвернувшегося от нее и заменившего ее всевозможными суррогатами. Высокое чувство любви делает человека сильным, готовым, как говорят, горы свернуть, реки повернуть вспять. Нечто подобное пытается осуществить один из лирических героев В. Ф. Егорова:

Я для такого человека
Осилю вычерпать и реку.
Легко позванивают ведра.
Бегу к реке.
Какое вёдро!
Бегу, и слышит вся деревня:
— Я все могу, моя царевна!

«Поле-полюшко», с. 53.

Да что там деревня! На весь мир крикнул о переполнившей его сердце любви, с приходом которой «года, что нелюбовью заняты, легко стираются из памяти» («Я шел к тебе годами долгими...», 1965). Оказывается, совсем не обязательно горы сворачивать и реки вычерпывать, достаточно просто любить и не стыдиться этого прекрасного чувства.

В личном архиве поэта

...Всю жизнь Василий Федорович Егоров писал. Много работал и в последние годы. Двоюродному брату А. П. Федюшкину признавался, что обдумывает продолжение романа «Камни растут и светят». В замыслах витали образы древней истории мордовского и русского народов; широкой, подобно Мокше, волной набегали, будоража ум и сердце, философские обобщения настоящей и грядущей нови села и города, не всегда позитивно отражающейся на экологии родной природы и в душах современников.

Незадолго до кончины он отправил в Саранск на рецензию поэтические сборники «Русская баня» (детские стихи) и «Красная Слобода». В личном архиве поэта (хранится у его дочери Светланы) ждут своего издания рукописи поэмы «Поклонение» (1979 — 1988), сборники стихотворений «В одном бору» (1987), «Вечный ткач» (1987), «Душа в подполье» (1989) и др.

Публикация этих произведений открыла бы доступ к ним широкого читателя, расширив его представление о творчестве полюбившегося автора, и стала бы доброй памятью о светлом, искреннем, великодушном и талантливом певце мордовского края, России.

Чем больше вникаешь в суть поэтики В. Ф. Егорова, тем явственнее ощущаешь неотделимость его творчества от судьбы народа. Его произведения — это лишь своеобразные вехи, обозначившие пересечение биографии писателя с ходом исторических и иных событий в народной жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

[1] См.: **Jegorov V.** Gyökérszobor // Medveének. A keleti finnugor népek irodalmának kistükre. Budapest, 1975. P. 913; **Nagy Katalin.** «Hét határon hallik húros daru hangja». Budapest, 1994. P. 168.
[2] **Брюсов В. Я.** Работа // Русская советская поэзия. М., 1977. С. 126 — 127.
[3] **Блок А. А.** Россия // Русская советская поэзия. С. 118.
[4] **Блок А. А.** На поле Куликовом // Русская советская поэзия. С. 116.
[5] См.: **Маршак С. Я.** Большая литература для маленьких : доклад на Первом Всесоюз. съезде совет. писателей. М., 1934.
[6] См.: **Васильев Л. Г.** «Даже цветы на Родине пахнут по-иному...» // Изв. Мордовии. 1995. 7 сент.
[7] См.: **Грибоедов А. С.** Горе от ума. М., 1979. С. 19.
[8] **Гадаев В. А.** В этот мир я пришел. Саранск, 2000. С. 228.

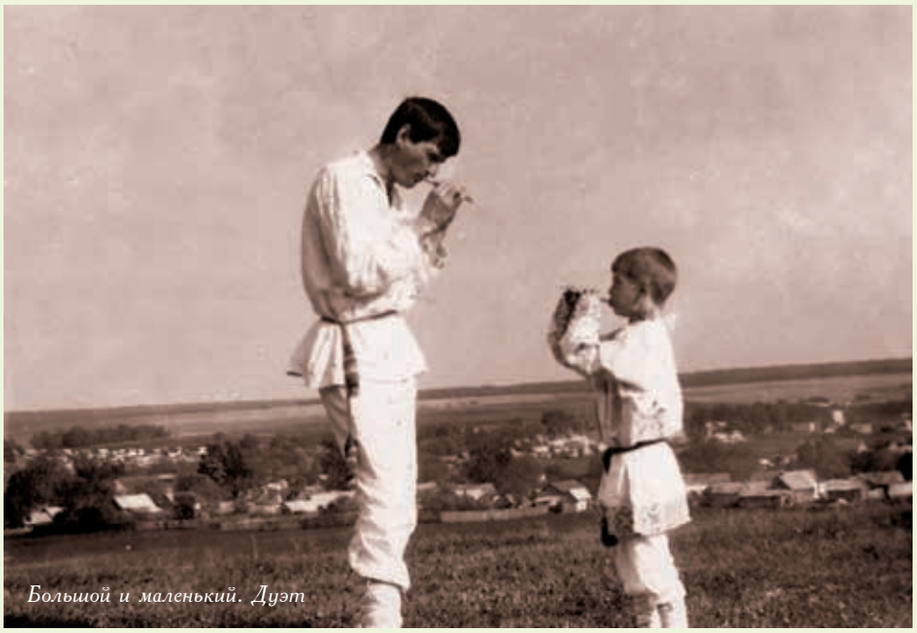
В статье использованы фотографии из личного архива В. Ф. Егорова, хранящегося у его дочери С. В. Красиной (Егоровой) и двоюродного брата А. П. Федюшкина.

Тамара Сергеевна Баргова,
журналист
(г. Саранск)

ПУСТЬ ВСЕГДА ЗВУЧИТ ТОРАМА ТЮШТИ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ВЛАДИМИРА РОМАШКИНА

В Мордовии, в с. Подлесная Тавла уже несколько лет проходит фестиваль эрзянской народной песни. Как и первый фестиваль, так и последующие проводятся в день рождения организатора известного ансамбля «Торама» и его первого руководителя Владимира Ромашкина. И это неслучайно. Именно «Торама» стала брендом мордовской народной музыки и пения на всем пространстве страны и далеко за ее пределами. Легендарная «Торама» побывала в Финляндии, Швеции, Голландии, Дании, Англии, Польше, Эстонии. Она лауреат Государственной премии Мордовии (1996), лауреат Всероссийского телерадиоконкурса «Голоса России».



Большой и маленький. Дуэт

Владимир Ромашкин — величина, значимая в мордовском мире. Пройдет какое-то время, и ученые по его стопам будут изучать то, что им было найдено, то, что он создавал. Важно знать, как формировался этот человек, что способствовало его творческому развитию. Владимир был связующим звеном между прошлым и настоящим мордовского народа. Через его «Тораму» мы заряжались мощнейшей энергетикой, исходящей из голоса, вобравшего в себя голоса веков. И так же, как легендарная торама Тюшти (потому и коллектив его был назван «Торама») поднимала и объединяла народ в тревожные времена, в годы бедствий. «Торама» Владимира Ромашкина пробуждает в нас чувство осознания себя представителем большого древнего народа, вызывает чувство гордости за свою принадлежность к нему. Он был нашим Тюштей, Тюштей всей Финно-Угрии конца XX — начала XXI в.

Вместе с тем Владимир был своим парнем. Он был доступен всем, никогда не ставил себя выше, значимее других. Он был, как росток из земли. Выходил петь на сцену босиком, потому что так ближе к земле: ее токи пронизывают человека насквозь и дают силу. А еще, когда пел, прикладывал ладонь к уху, словно прислушивался. Слушал свой ли голос или голос «Торамы»? А, может, голоса предков, которые вплетали свое пение в его ансамбль?.. Ансамбль «Торама» демонстрировал всем, кто его слышал, независимо от национальности и вероисповедания, мощь таланта народа. Сила исполнительского мастерства коллектива в единении всех людей.

И как горько, что о Владимире Ромашкине приходится говорить в прошедшем времени. Отпущено ему было прожить на земле всего 51 год. Жить бы да жить еще, творить, созидать...

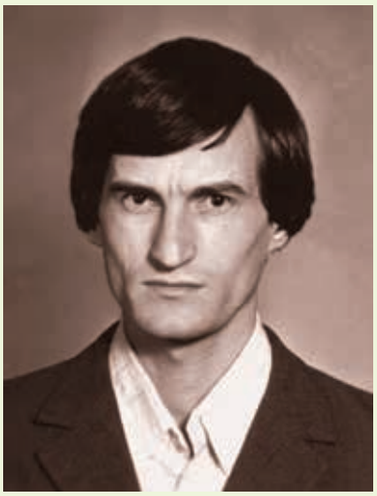
Родился Владимир Иванович Ромашкин в с. Ичалки Ичалковского района 6 сентября 1951 г., а ушел из жизни 29 августа 2002 г. Можно сказать, явление его миру и уход совпали. Когда у его изголовья новая «Торама» пела самую значительную в репертуаре коллектива старинную песню о Тюште, к нам из глубин существа, от земли и от неба шло это горькое осознание: мы провожаем в последний путь нашего Тюштю.

В моей памяти он навсегда останется большим мальчишкой, обаятельным и нежным, а то и хулиганистым, и это, вероятно, не было только игрой, созданием своего имиджа. Все, что ни делал он, все было направлено на одно — творчество, расширение круга ценителей народной песни, народной музыки, которой он посвятил себя.

...Володя не был избалован в детстве. С сестрой Таней росли без отца, с матерью. Мария Григорьевна работала учительницей, ее очень уважали, хотя была она строгой.

Друзья детства, школьные друзья — Иван Викторов, Владимир Павлухин, Владимир Еделькин. Иван Васильевич Викторов, тоже выросший без отца, вспоминая те годы, говорил, что Володю ему всегда ставили в пример.

В первом классе за первую парту Ромашкина посадили с будущей известной поэтессой Валентиной Юдиной. Дети сразу начали их дразнить: «Тили-тили тесто, жених и невеста». Через неделю их рассадили. Жили, считай, на одной улице, росли вместе. Ходили друг к другу. Все так, как и должно быть у хороших друзей. Но, несмотря на это, Володя не примыкал к компаниям, он оставался в стороне и от слишком бойких, и от отличников-тихонь, был сам по себе. То ли по этой причине, то ли за цельный характер его уважали ровесники. А к восьмому классу, когда все заметно повзрослели,



В. И. Ромашкин

на него стали обращать внимание девочки: он был симпатичным, заметным парнем. К тому же с сестрой хорошо пел, участвовал в концертах, олимпиадах.

В те годы в Ичалках все увлеклись борьбой, Володя и здесь поступил по-своему — начал заниматься боксом у тренера Писарева. Со временем бокс занял заметное место в его жизни, поэтому для некоторых сверстников выбор им музыкального образования был неожиданным.

В. М. Юдина хранит подарок Володи — дудочку, такую же, на какой он всегда играл и какую ему подарил сельский умелец Павел Дружинкин. Когда-то в школьные годы с Володей вместе готовились к урокам, экзаменам у Юдиных. Вся голландка бывала исписана доказательствами геометрических теорем. Володя обычно приходил после тренировок и стучал в дверь боксерской перчаткой.

Класс был сильный, из него вышли поэт, художник, музыкант, врач, строитель, бизнесмен...

Владимир в Ичалках был кумиром, земляки его боготворили. Свет материнской доброты, уважения к матери отражался и на сыне. Хотя он и сам многое сделал, оставив яркий след в сердцах людей.

За плечами Ромашкина были дирижерско-хоровое отделение Саранского музыкального училища, дирижерско-хоровой факультет Казанской консерватории, аспирантура НИИЯЛИЭ при Совете Министов Мордовской АССР. Он прошел много дорог, побывал в сотнях сел и

С ансамблем «Ламзурь». Рядом с Владимиром Ромашкиным Маризь Кемаль

Владимира Ромашкина и его «Тораму» знали везде. Знали и любили. И где бы он ни появился,везде встречал друзей и знакомых

деревень в исследовательских экспедициях, записывая исконно народное, чудом сохранившееся и передающееся из уст в уста. Это были не только песни, но и плач на могиле, и пословицы, и сказки, и даже рецепты... Однако главными для него были пение, звучание народных инструментов. Профессор Н. И. Бояркин поставил его в один ряд с такими выдающимися собирателями фольклора, как финн Хейки Паасонен, эрзяне Макар Евсевьев и Андрей Маскаев...

В Андреевке Большеигнатовского района, например, Ромашкин полностью записал и потом снял на телекамеру эрзянскую свадьбу (сохранилась ли она в архивах?) такой, как она праздновалась исстари. Андреевцы стали родней Ромашкина, писали ему письма, приглашали в гости. Побывав у каратаев в Татарии, рассказал о них в фильме «Каратаи». А потом стал создавать творческие коллективы — вначале «Эрзянь ават», потом — «Торама», семейный «Иовлат» (в названии множественное число от избранного Володей псевдонима Йовлань Оло).

Удивительно, так много собрав и сделав, Владимир так и не защитился, не стал кандидатом наук. Вероятно, на то были свои причины.

В 1990 г. Владимир Ромашкин начал преподавать в Мордовском республиканском училище культуры и в то же время организовал ансамбль «Торама». Более чем за десять лет состав ансамбля менялся, кто-то уходил, кто-то приходил, но лицо коллектива, мастерство его от этого не тускнело, а совершенствовалось. Расширялся репертуар, участники коллектива играли на старинных народных инструментах: нудей, гарьзя, кальцаема, чавома, вешкема. Об ансамбле снят фильм «Зов Торамы».

Ромашкин побывал с гастролями во многих странах мира: Германии, Швейцарии, Финляндии — с ансамблем «Эрзянь ават», с «Торамой» выступал по России, в Финляндии, Эстонии, Англии, Швеции, Польше, Латвии и Литве. Записаны четыре компакт-диска с эрзянскими, мокшанскими, финскими, эстонскими песнями, несколько аудиокассет.

В 1999 г. в Эстонии состоялась презентация альбома ансамбля «Торама», на которую был приглашен весь финно-угорский актив. На мордовском радио он начал вести передачу «Од гай» с сыном Андреем и дочерью Галей, где пропагандировал народную музыку, пробуждая интерес к ней у молодежи.

В Мордовии нет, наверное, селения, где не побывала бы «Торама». Да и за пределами Мордовии, везде, где проживает мордва и родственные ей народы, Владимир Ромашкин и «Торама» известны. В 2001 г. за развитие связей с Эстонией Владимир Иванович был награжден крестом Святой Марии.

Ценили его и в республике. Ни один концерт не проходил без участия «Торамы». Я помню один из первых концертов мастера джаза Георгия Гараняна, куда органично вписалось кантри «Торамы» с невероятным оригинальным вплетением в мордовскую музыкальную лексику африканского барабана, на котором солировал Геннадий Дулкин. Неописуемый восторг охватил зал, когда экспромт виртуоза-пианиста дополнился и развился пением и игрой «Торамы». Знание музыкальных нюансов, фольклора позволило Ромашкину импровизировать, не нарушая картину народной музыки.

Во всех больших праздниках, концертах, посвященных юбилею республики, съезду мордовского народа, 125-летнему юбилею Степана Эрьзи участвовала «Торама». Последнее выступление с Владимиром Ромашкиным состоялось на открытии Третьих малых Олимпийских игр 3 июля 2002 г.

Впереди были планы, планы... Соединение народной песни «Торамы» с танцем ансамбля «Визави» — лишь один штрих. Владимир радовался своему приобретению — плейеру, благодаря которому мог записывать пение и корректировать его, подчищая посторонние звуки. Сколько он мог записать! Фестивали, поддержка молодых исполнителей — его детища. Он открывал дорогу молодым, мечтал о своей студии, чтобы пропагандировать в меру возможностей народную национальную музыку. Популярность среди молодежи Вакича Видя, вступление на сцену многих других исполнителей — свидетельства этого.

Одержимый, он даже возникавшие препоны использовал на пользу дела. Его легендарное «Я мордовский еврей» кто только не слышал. «Подумаешь, не дают наши песни в местном эфире! А мы выходим в международный»: у «Торамы» был свой сайт в Интернете, где давалась вся информация о коллективе, сюда шли сообщения, приглашения со всего мира.

Бравада, несгибаемость, конечно, стоили дорогого. У Ромашкина было много сторонников, поддерживавших его и морально, и материально, но нередко требовалось преодолевать непонимание или нежелание понимать. А чаще все объяснялось банальным «нет денег». Приходит, например, приглашение для «Торамы» из-за границы, а его замалчивают. Сообщают за дня два до выезда — уже не успеть оформить документы, и выезд срывается. Что только он не предпринимал, чтобы освободиться от удручающей зависимости. Интернет помог решить часть проблем, но нехватка денег не давала осуществиться многому.

«Эрзянь цера, рост под два метра, орлиный нос и взгляд, от которого не увернуться, не спрятаться, с мощью аргументов — и с протянутой рукой. Это символ состояния нашей культуры, символ всей нашей теперешней жизни», — так написала я когда-то в рукописи статьи. Владимиру это не понравилось, и материал не был опубликован. «Я хоть и с протянутой рукой, но в нее пока дают. А напечатаешь — глядишь, перестанут».

Это был романтик, Дон Кихот наших дней, воевавший с непониманием, призывавший каждого не прозябать, жить активной жизнью. Он торопился жить, многое сделать. Кажется, несколько жизней вместил в короткое время, отпущенное ему Богом. Человеку дана одна жизнь. Он просто обязан стремиться к счастью. Иначе что же это за жизнь?

Отдельно надо сказать о том, каким он был отцом, каким был другом. Своих детей — Виталия, Андрея, Галину, по рассказам друзей, он буквально на руках носил. «Посадит Андрейку в рюкзак — и пешком в свое Ташкино-Ромашкино...».

Ташкино — это селение в Ичалковском районе, где Володя имел что-то наподобие дачи. А помимо этого, участок земли в Рузаевке, домик и огород в Подлесной Тавле. И везде бывал, работал. Пешком, с рюкзаком за плечами, вышагивал дальние километры. Сыновей растил спартанцами, чтобы умели за себя постоять. Гордился дочерью, тем, что она у него есть, что очень талантлива. Девочка в шесть лет уже пела народную песню, словно родилась с ней, проявив понимание, как ее исполнять. Не случайно в тринадцать лет стала получать именную стипендию от главы администрации Приокского района Нижнего Новгорода И. Н. Ивашкина за участие в международном конгрессе «Этнофутур-4», прошедшем в Эстонии.

— Зачем тебе эти дачи? — спросил его однажды друг Иван Викторов. — Лучше бери у меня картошку, помидоры...

— Нет, мне это надо, — ответил Ромашкин.

И уж, конечно, не только материальным был озабочен, копаясь у себя на грядках, хотя и было существенно для поддержки большой семьи. Ему, пожалуй, будь на то возможность, иметь бы домик в каждой деревеньке, где был когда-то, чтобы везде быть своим, посидеть на завалинке, поговорить о житье-бытье, о том, например, как уродилась картошка или какие травы когда заготавливать. И петь песни... Одним словом, плести эту вязь жизни неотрывно, от прошлого к сегодняшнему и в будущее.

Друзей не выбирают. Они или есть, или их нет. У Владимира были хорошие друзья, потому что он сам был человеком, с которым можно просто потолковать или даже помолчать. Он был тактичным в дружбе, никому не навязывал своих проблем. Заболела мать, Мария Григорьевна, об этом немногие знали. Зато он сам предложил друзьям Ольге и Джаку Рютеру поддержку и не раз приходил посидеть с их малышами.

Оставаясь фанатом, Владимир лучше всех понимал значение того, что делает. Его дети каждый день читали по-эрзянски и заучивали тексты, учили финский и эстонский языки. Он был не просто отцом, он был их

В 2001 г. за развитие связей с Эстонией Владимир Иванович был награжден крестом Святой Марии. В день награждения

педагогом. Очень хотел передать все то, что имел в себе, детям. Когда отправлял Виталия в Эстонию учиться, говорил ему: «За тобой пойдут другие. Не подведи». Поэтому Андрей пошел в музыкальное училище, чтобы со временем суметь заменить отца. И потому его дети на похоронах вместе с «Торамой» пели «Прощание с Тюштей», что было выше личного горя, гражданским поступком и очень соответствовало натуре самого Владимира Ромашкина.

Выступает ансамбль «Торама»

Сегодня в Мордовии несколько коллективов, начало которым положила ромашкинская «Торама». Популярность ансамбля была настолько велика, что коллектив посчитал себя обязанным сохранить бренд и после ухода из жизни руководителя. Новым составом ансамбля «Торама» руководит Андрей Ромашкин, есть «Морденс», им руководит бывший участник группы Юрий Буянкин. После «Торамы» Юрий уезжал на некоторое время в Москву, очень хотелось ему выпустить диск со своими музыкальными композициями. «Образы предков» — так он назвал свой первый диск и первый концерт ансамбля в Саранске. Сегодня «Морденс» — лауреат многих российских и финно-угорских фестивалей и конкурсов.

Есть еще детская этнографическая группа «Торама» при Дворце детского творчества, которым успешно руководит Геннадий Дулкин. Его знают в Мордовии, России, в финно-угорском пространстве вот уже на протяжении без малого двадцати лет. Участник ансамбля «Торама», человек, с кем Владимир Ромашкин, можно сказать, положил начало этой легендарной группе, — уроженец с. Сабаева Геннадий Дулкин всегда обращал на себя особое внимание. На фоне высоких, под два метра, участников ансамбля он казался еще меньше, но вместе с тем был, пожалуй, самым выразительным исполнителем. По всему было видно, как он вжился в народную песню, органично чувствует себя в ней, словно сам из песни вырастает. Как-то по-особому крепко и прочно расположившись, сплетя руки на груди, он, несмотря на небольшой рост, воплощает в себе былинную силу и мощь народа, он не просто поет — размышляет, причитает, призывает. И глаз зрителя чаще всего останавливается именно на нем, потому что он более всех несет смысловую нагрузку исполняемого произведения. Запомнился он и с барабаном, ритм его действовал зажигающее, соединяя слушателей в единое целое, завораживая и зажигая.

Геннадий Дулкин по профессии музыкант, окончил Саранское музыкальное училище. Работая в республиканском научно-методическом центре народного творчества, познакомился с Владимиром Ромашкиным. И потом на протяжении нескольких лет они работали вместе, разъезжая по Мордовии, по стране и по зарубежью сначала в поисках народного песенного творчества, а потом уже с этими песнями гастролируя. В 2007 г. Геннадию Васильевичу Дулкину было присвоено звание почетного работника образования Российской Федерации.

Коллектив, руководимый Г. В. Дулкиным, ставит спектакли на основе песенного народного творчества, участвует в экспедициях по собиранию устно-поэтического народного творчества в селах республики. «Торама» — лауреат ряда международных фестивалей, коллектив получил первую премию на престижном международном детском фестивале «Сияние звезд» в г. Санкт-Петербурге в 2005 г.

Геннадий Дулкин со своими воспитанниками — детским фольклорным коллективом Дворца детского творчества «Торама»

Анна Панишева благодаря Владимиру Ромашкину начала сочинять песни для эрзянской эстрады. Владимир Виряскин, где бы ни выступал дуэт «Вий», с благодарностью вспоминает Владимира Ромашкина, потому что он напутствовал их когда-то петь песни на эрзянском и мокшанском языках.

«Торама», рожденная Владимиром Ромашкиным, продолжает жить в нас, она живет в новых коллективах и продолжает звучать по всему миру.

Антонина Николаевна Келина,
кандидат филологических наук, доцент
(г. Саранск)

СЛОВАРЬ ЯЗЫКА КАРАТАЕВ

Рецензия на книгу: Андреев В. П. Словарь языка каратаев / В. П. Андреев. — Казань, 2007. — 191 с.

Известно, что первой работой, посвященной анализу лексического состава языка мордвы-каратаев, является статья Х. Паасонена «Die sogenanten karataj-mordvinen oder karatajen»[1]. Она была подготовлена на основе материалов, собранных во время посещения автором каратаев в 1901 и 1903 гг. Х. Паасонен заостряет внимание на этнической принадлежности мордвы-каратаев, подвергая анализу термины родства и свойства, которые относятся к мордовскому источнику и «представляют собой один из древнейших слоев основного словарного фонда языка, возникших в глубокой древности, в связи со сложением общности людей и для определения людьми своих отношений друг с другом»[2], т. е. «отражают систему кровного родства, сложившегося на ранних ступенях родоплеменных отношений... до формирования семейно-родственных отношений...»[3].

Фонетические особенности языка мордвы-каратаев исследовались в работах Л. Ш. Арсланова[4]. К сожалению, до сего времени не было ни одного словаря, где бы был собран воедино весь словарный состав языка-каратаев. Отрадно, что внимание на язык мордвы-каратаев, не имевшей своей письменности, обратил не ученый-исследователь, а человек, заинтересовавшийся своими корнями, своим языком.

Первый опыт создания словаря языка каратаев принадлежит коренному представителю каратаев, поэту, члену Союза журналистов России и Союза писателей России В. П. Андрееву, проживающему ныне в г. Нижневартовске Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области. Изданный им небольшого формата словарь языка-каратаев содержит 4 300 слов.

Слова расположены в алфавитном порядке, у них проставлено ударение. В заглавной части приводится общеупотребительная лексика языка-каратаев, затем идет перевод на русский язык, который служит средством толкования семантики. В словаре представлены все части речи. Но какие-либо грамматические пометы и иллюстративный материал отсутствуют. Выделены омонимы, они даются под арабскими цифрами: **савым 1** — «удой, надой», **савым, сыр 2** — «подарок на свадьбе невесте»; **сак 1** — «осторожный, чуткий», **сак 2** — «осина»; **сэвäргä 1** — «любить, полюбить», **сэвäргä 2** — «прислонять, приставить»; **ут 1** — «огонь», **ут 2** — «сорняк» и др.

В заглавной части выявлены: один гидроним (**Идель** —«Волга») и три названия религиозных праздников (**Пäтрäв** — «Петров день», **Пукрав** — «Покров день», **Рыштва** — «Рождество»), названия животных (**алаша** — «лошадь», **буре** — «волк», **бурсык** — «барсук»), птиц (**ала карга** — «ворона», **актярлак, кырги** — «чайка», **кыртургай** — «жаворонок»), насекомых (**кыркаяк** — «сороконожка, мокрица», **кымыртска** — «муравей», **кырт** — «червь, личинка», **ызынаяк** — «долгоножка»), растений (**алабута** — «лебеда», **артыш** — «можжевельник», **кымбакты** — «подсолнух»), а также отраслевая терминология (**аркалык** — «чересседельник», **дильбегд** — «вожжи», **каба** — «прясло», **кебе** — «пахталка, ручная маслобойка»). Иногда, заглавную часть образуют словосочетания (**дьлан балыгы** — «угорь», **дуныз шырты** — «волосинки на теле младенца», **матыбашлы дябалак** — «филин», **ызба башы** — «чердак», **ызын дярма** — «рис», **эсьт имтдге** — «ячмень (на глазу)») и т. д.

В конце словаря дано приложение, в котором отдельно вынесены мужские и женские имена, термины родства, названия некоторых населенных пунктов и даже названия ветров. Заслуживает внимания употребление древних названий дней недели (**баш кен** — «понедельник», **буш кен** — «вторник», **кан кен** —

«среда», **касеатна кен** — «четверг», **атна кен** — «пятница», **ара кен** — «суббота», **урсатна** — «воскресенье»).

Особый интерес представляют термины родства и свойства. Их насчитывается около 60. У Х. Паасонена такого рода терминов, восходящих к мордовским языкам, зафиксировано 18. По мнению исследователя Р. Г. Ахметьянова, известно 24 термина. У автора же словаря мы находим 9 таких терминов (**кифтай** — «самый младший брат мужа», ср.: мокш. **кефта, кифта**; **лялай** — «брат матери или отца, любой старший мужчина», ср.: эрз. **леля** — «старший брат, дядя»; **авкай** — «бабушка со стороны матери», ср.: эрз. **авкай** — «мать» и др.).

Данное издание внесет несомненный вклад в изучение лексики языка-каратаев как один из первых письменных источников, в котором собрана общеупотребительная лексика ныне исчезающего языка. Зафиксированный материал представляет интерес и для исследователей материальной и духовной культуры финно-угорских (в первую очередь мордовского) и татарского народов.

Проанализировав материал словаря, мы пришли к выводу, что основное лексическое богатство языка-каратаев составляют общетатарские слова. Бытующие слова мордовского происхождения относятся в основном к терминам родства и свойства, значительно количество русских заимствований.

Выявлено несколько лексем, которые имеют в языке каратаев другое значение по сравнению с мордовскими языками: **кер** — «одежда, белье», ср.: мокш. **кер**, э. **керь** — «кора дерева»; **куе** — «густой, крепкий», ср.: мокш. **куя**, э. **куяв** — «жирный; жир»); **эзьнä** — «игла, иголка» (ср.: мокш. **эзня** — «сустав»; **ысярга** — «лететь, летать» (ср.: мокш. **яксярга**, э. **яксярго** —«утка»); **танда** — «завтра» (ср.: мокш. **танда** — «огромный, очень большой»); **сяканя** — «маленькие перемячи с грибной начинкой» (ср.: мокш. **сяканя** — «горшок»); **сельге** — «полотенце» (ср.: мокш. **сялье**, э. **сэльге** — «волокно»); **лыгыр-лыгыр** — звукоподражание бормотанию (ср.: мокш., эрз. звукоподражание, обозначающее грохот телеги); **вермä** — «вихрь, смерч» (ср.: мокш., эрз. **варма** — «ветер»).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

[1] См.: **Paasonen H.** Die sogenanten karataj-mordvinen oder karatajen // J. de la Societe Finno-ougrienne. Helsingiss, 1903.

[2] **Рамазанова Д. Б.** Система терминов родства говора мордвы-каратаев // Мордва-каратаи: язык и фольклор. Казань, 1991. С. 58.

[3] Там же. С. 66.

[4] См.: **Арсланов Л. Ш.** Особенности говора мордвы-каратаев // Мордва-каратаи: язык и фольклор. Казань, 1991. С. 10 – 38 и др.

[5] См.: **Ахметьянов Р. Г.** Лексика говора мордвы-каратаев в сравнительном освещении // Мордва-каратаи: язык и фольклор. С. 46.

www.svjato.info

Наталья Ивановна Учайкина,
доктор философских наук, профессор
(г. Саранск)

МИФОЛОГИЯ — ВЫДАЮЩЕЕСЯ ДОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Рецензия на монографию: Юрченкова Н. Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации / Н. Г. Юрченкова ; НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. — Саранск, 2009. — 412 с.

Монография Н. Г. Юрченковой «Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации» представляет собой яркий образец концептуального творчества, выполненный в лучших отечественных традициях. Тема мифологии стоит в центре исследовательских интересов многих ученых. В современной философии и науке представлен широкий спектр исследовательских подходов и перспектив. Рецензируемая монография занимает в этом многообразии истолкований особое место, поскольку в ней представлена модель мордовской мифологии и показано своеобразие мордовских мифов. Отталкиваясь от методологически верной посылки о том, что любым мифологическим концепциям в качестве основания должна быть предпослана определенная мифологическая модель, автор предлагает отличную от многоуровневых концепций многостороннюю модель мордовской мифологии, в которой использована взаимодополнительность познавательных ориентаций — аллегорической, антропогеографической, лингвистической, материалистической, психологической, ритуалистической, символической, структуралистской, теистической, трансцендентальной. Это позволяет Н. Г. Юрченковой не просто воссоздать целостную мифологическую картину мордовского этноса, но дать глубокий анализ истории и теории мифологии вообще.

Убедительность авторских реконструкций из истории мифологии XX столетия связана еще и с тем, что автор определяет в качестве предмета культурологического анализа не жесткую и однозначную трактовку мифологии тем или иным ученым, но стремится выявить и проследить в движении их мысли целенаправленную ориентацию на объективное знание.

Данный подход продуктивен и для анализа финно-угорских мифологических систем. Финно-угорская мифология как феномен культуры в настоящее время неслучайно оказывается предметом пристального изучения, так как через раскрытие истоков этнической культуры малых народов (марийская мифология, мордовская мифология и др.) возможно прояснение вопросов национального сознания и идентичности. Автор подчеркивает, что «современное изучение мифологии продиктовано не только интересами разума, но и насущной потребностью человека разобраться в смысловых основаниях собственного бытия» (с. 5). Используемая Н. Г. Юрченковой методология исследования предопределена традициями и тенденциями развития мифологической школы как в России, так и за рубежом. Основным проблемным полем при этом выступает мордовская мифология. Автор ставит перед собой задачу выявить те продуктивные трансформации, которые должна пережить «мифология», чтобы стать актуальной сегодня.

Монография имеет жесткую внутреннюю структуру и четкую концептуальную позицию самого автора. Таким образом, сложное переплетение различных мифологических концептуальных систем раскрывается перед нами по мере чтения монографии как целостная структура гуманитарного знания, и притом как структура, «открытая» новой реальности и новым проблемам, в том числе тем, которые начинают волновать гуманитарную науку уже в веке нынешнем. Структура монографии включает в себя введение, три главы, заключение, библиографический список и приложение.

В первой главе «Мифология как феномен культуры» (с. 14 — 80) проанализирована мифология как форма социального познания, прослежено историческое становление мифа, выявлен семиотический аспект

понятий «символ» и «миф». Во второй главе «Мордовская мифология в контексте финно-угорской культуры» (с. 82 — 174) дан содержательный анализ понятия «финно-угорский мир», поставлена проблема культурного единства, рассмотрена модель мордовской мифологии, проанализированы финно-угорские мифологические системы в аспекте взаимодействия культур. В третьей главе «Мордовская мифология как основание культуротворчества» (с. 176 — 267) мифология сопоставляется с различными формами духовной культуры и искусства (религия, литература, изобразительные виды искусства). В заключении даются обоснованные выводы по работе. В приложении представлены произведения мордовского фольклора, содержащие мифологические образы и сюжеты (с. 307 — 322), реконструкцию мифов (с. 323 — 410). Приводимый материал ценен в том смысле, что позволяет ознакомиться с уникальной мордовской культурой, причем с самой интересной ее частью — мифотворчеством.

В монографии использован опыт междисциплинарного исследования, который помог представить целостную мифологическую концепцию мордовской мифологии. Данный аспект исследования представляется нам наиболее плодотворным, так как позволяет рассматривать мифологические образы с рациональной точки зрения, реализуя коммуникацию между эмпирическим миром опыта и рациональным миром идеальных конструкций, обеспечивающую целостность научного исследования.

Мифология как феномен культуры и как объект научного исследования всегда характеризовалась непрерывностью развития и преемственностью традиций. Этим объясняется актуальность проблемы соотношения древнего и нового, традиции и новаций, истории и теории. Здесь вполне уместен представленный в монографии анализ культурно-исторической специфики мифологии, включающей содержание и форму, архаику и новации, а также художественные традиции различных эпох — от древности до наших дней. Этот исторический экскурс совершенно необходим именно как историко-логическое введение в пространство мордовской мифологии.

Преемственное развитие научного знания в области мифологии предполагает использование упорядоченного и структурированного массива добытого знания для его переосмысления с целью построения новой мифологической модели, проясняющей бытийные основания, в данном случае мордовского этноса. Обширный источниковедческий материал, структурированный в книге по трем уровням: «1) констатация и описание мифологического материала; 2) реконструкция мифологической системы с элементами теоретического анализа; 3) современное осмысление мифологии как структурированного понятия» (с. 8), в полной мере решает данную задачу. Несомненной заслугой автора является то, что выявлена специфика мифологии мордвы как культурологического феномена, дано авторское определение мордовской мифологии как совокупности «мировоззренческих представлений мордвы, особого типа мышления с характерным всеобщим одушевлением жизненно-родственных элементов, объяснением мира и способа существования в нем человека от периода существования единой этнокультурной общности и родоплеменного строя до настоящего времени актуализирующийся в общественном сознании» (с. 12).

Обращение к теме мифологии обусловлено постоянным возрождением мифологического восприятия мира. Само понятие мифа становится в центр внимания социологии и теории культуры XX в. Мы согласны с мнением автора монографии, что, несмотря на возвышение науки, миф не исчезает из духовной жизни человека. «В современном мире мифы возникают и функционируют на основе общих законов мифотворчества» (с. 56). Концептуальный анализ «мифа» позволяет провести демаркационную линию, отделяющую «миф как вымысел» от «мифа как формы образно-символического мышления» (с. 14 — 36). В монографии раскрывается одно из важнейших свойств мифа — его символичность (с. 56 — 80). Это дает автору возможность проводить параллели, с одной стороны, между мифом и художественным творчеством, выявляя общее и особенное в этих культурных феноменах, а с другой стороны, между мифом и символом, анализируя их сущностные характеристики. «Благодаря символам, — констатирует автор, — пережитое, т. е. проживаемая и переживаемая человеком реальность, входит в мир человеческих отношений. Однако войдя в него таким образом, она превращается в миф» (с. 79).

В монографии поставлена сложная научно-исследовательская задача — «осуществить переход от эмпирических реконструкций к подлинно научному осмыслению феномена мордовской мифологии» (с. 12). Сложность исследования мордовской мифологии, воссоздания ее целостной мифологической системы, объясняется рядом объективных причин: разрозненность, краткость самого эмпирического материала, с которым приходится иметь дело автору, отсутствие собственных мифологических текстов. У мордовского этноса не было исторического времени для развития, осмысления и полноценного оформления эмоциональных образов в стройную мифологическую систему. В связи с этим ценен представленный в монографии уникальный авторский экспедиционный материал (1991 — 1999 гг.). Были опрошены 200 респондентов, проживающих на территории Мордовии (Ардатовский, Атюрьевский, Атяшевский, Большеберезниковский, Большеигнатовский, Дубенский, Зу-

бово-Полянский, Кадошкинский, Ковылкинский, Кочкуровский, Торбеевский и Чамзинский районы), Пензенской области (Неберкинский район) и Чувашии (Ибресинский район), материалы опросов обработаны и введены в научный оборот, что позволило наглядно продемонстрировать отношение к народным традициям и своеобразие национального менталитета. Н. Г. Юрченковой удалось реконструировать мифологическую модель мордовского этноса также путем привлечения обширного фольклорного материала (сказки, предания, плачи, пословицы, загадки и др.).

Мифологическое мировоззрение содержит в себе эмоциональные образы, отражающие духовную сущность того или иного народа. Именно через мифологию познаются уникальность и своеобразие любого этноса. Сохранение мифологии, по большому счету, является гарантом сохранения народных традиций, что способствует самоидентификации этноса. В этом ключе монография Н. Г. Юрченковой своевременна и актуальна. Как отмечает автор, «мифология, длительное время определявшая многие стороны духовной жизни мордовского этноса, наложила существенный отпечаток на его мировосприятие, национальную психологию, менталитет...» (с. 7).

Мифологические образы — это универсальный инструмент осмысления мира природы и мира культуры, обеспечивающий взаимосвязь между этими двумя мирами. Исследование мифологии в данном аспекте демонстрирует не только ее адекватность своему времени, но и научную перспективность. Погруженность автора в многообразие мифологических образов помогла найти основание для построения идеальной конструкции — модели мордовской мифологии.

В монографии анализируются мифологические образы разных народов, что позволяет Н. Г. Юрченковой продемонстрировать общее и особенное в восприятии мира финно-угорских народов, выявить национальное своеобразие их культур. Рассматривая мордовскую мифологию в контексте финно-угорской культуры (с. 82 — 174), автор делает акценты на единстве оснований, которые объединяют все финно-угорские народы. Прежде всего, это прафинская этническая общность (с. 83). В монографии проиллюстрирована генеалогическая связь между уральскими языками, даны наглядные схемы с историей становления финно-угорских языков (с. 84 — 86), установлены территориальные границы прародины финно-угров (с. 88 —92). Н. Г. Юрченкова приводит информацию о численности финно-угорских народов (с. 96 — 98), показывает изменение численности финно-угорских народов в России (с. 99). Все это дает автору возможность, во-первых, прояснить фундаментальное понятие «финно-угорский мир» (с. 106 — 107), во-вторых, выявить языковое единство, объединяющее финно-угорские народы (с. 84 — 85), в-третьих, объяснить современные интеграционные процессы, происходящие в финно-угорском мире (с. 101 — 106).

В монографии подробно описаны и проиллюстрированы основные мифологические представления и образы мордовского этноса: Иненармунь (Великая птица) (с. 109), три рыбы — севрюга, белуга, осетр — как держатели земли (с. 111), Великое дерево как конкретный и зримый образ мироздания (с. 112), Чипаз — бог Солнца (с. 118), Нишкепаз — образ Верховного божества (с. 123 — 126) и др. Многие мифологические образы мордовского этноса трансформировались под влиянием инородных воздействий. Как подчеркивает Н. Г. Юрченкова, это обусловлено интенсивными контактами мордвы с балтскими, славянскими и тюркскими этносами. Сопоставление мифологии и религии позволило автору показать изменения, которые произошли в традиционном мифологическом комплексе мордвы под влиянием христианства и ислама (с. 179 — 182).

Автор подчеркивает, что православие оказало бульшее влияние на мировоззрение мордвы, данный факт объясняется вхождением мордовского народа в состав Русского централизованного государства (с. 183). В монографии отражено сопротивление христианизации, оказанное мордвой, что отразилось в ряде политических решений — указ о предоставлении льгот мордве в случае крещения (1681 г.), указ об особом внимании епархиальных архиереев и монастырских властей к новокрещенной мордве (1686 г.). В результате облегчились экономические контакты между мордвой и русскими, что создавало благоприятные условия для культурного взаимодействия.

В монографии рассматриваются формы взаимодействия мордовской мифологии с различными пластами культуры. Хотелось бы подчеркнуть, что проблема взаимодействия мордовской мифологии с религией, мордовской литературой и изобразительными видами искусства для автора выступает одновременно и как осмысление в традициях отечественной и зарубежной мифологической школы новейших тенденций развития науки и как разработка оригинального подхода в осмыслении мордовской мифологии. Раскрывая соотношение мифологии и религии, Н. Г. Юрченкова вскрывает суть «двоеверия» мордвы как смешение «дохристианских и христианских мифологических представлений» (с. 185 — 188).

Автор приводит многосторонний сопоставительный анализ мифологических образов в литературе, изобразительных видах искусства (вышивка, резьба по дереву, живопись и др.). Воздействие мифологии на литературу, как подчеркивает Н. Г. Юрченкова, осуществлялось опосредованно — через изобразительное искусство, ритуалы, народные празднества и др.; в XX в. — через философские и эстетические концепции, научные изыскания и т. д. (с. 199 — 200). Наиболее часто мифологические

образы используются в эпической поэме, сказках, это помогает сказителям создавать яркие метафоры, запоминающиеся сюжеты.

При исследовании взаимодействия мордовской мифологии с изобразительными видами искусства автор демонстрирует актуальность и востребованность мифологических образов, что делает содержание монографии семантически многоаспектной, где традиции перекликаются с современностью, образуя преемственность, которая гарантирует сохранность этнических культур.

Итак, перед нами фундаментальный труд, дающий универсальное знание о духовной культуре мордовского этноса в его мифологическом измерении. Хорошее знание материала и умение выявлять сущность происходивших процессов позволили автору монографии дать глубокие культурологические характеристики мифологической системы мордовского этноса. Монография Н. Г. Юрченковой содержит блестящие образцы культурологического анализа мифологии, изложенные на понятном языке. Поэтому помимо несомненного научного значения она предоставляет материал для учебной литературы и вносит весомый вклад в решение задач философского образования в области культурологии. Фундаментальный труд профессора Н. Г. Юрченковой придаст современным дискуссиям по поднятым в нем проблемам новые импульсы и ориентиры. В мифах имманентно присутствует идея, способная выполнить интегративную функцию, обеспечивающую гармоничную целостность для объединения разных этносов, религиозных конфессий и государств.

В заключение следует сказать, что монография Н. Г. Юрченковой прекрасно издана, она оснащена цветными и черно-белыми иллюстрациями, способствующими постижению богатства культуры мордовского этноса.

Н. С. Макушкин. Великое дерево

Наш адрес:
430005 Республика Мордовия,
Саранск, ул. Л. Толстого, 3

Наша электронная почта:
guniign@list.ru